

на боевом посту

ВН

6-7'92

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ВЧЕРА

СЕГОДНЯ

**А ЧТО БУДЕТ
ЗАВТРА ?**

ДУША СОЛДАТСКАЯ ДОБРА

В зоне отчуждения под Чернобылем первыми стали гарнизонами солдаты внутренних войск. Обустроились, наладили свой быт, запахи солдатской кухни потянулись бездомные собаки, кошки. Ну как не накормить бедолаг, не приласкать бездомных. А клички тогда были сплошь Рентгены, Гаммы да Беты...

Когда стояли заставами в Карабахе, вокруг них тоже затеплилась жизнь. Только собачат там окрестили в соответствии с обстановкой — Степками (в честь Степанакерта), Запалами... И разницы не было, с чьей стороны забрел пес — с армянской или азербайджанской, всех кормили и любили.

Ну а в остальном — в мирных подразделениях тоже непременно есть любимцы. Тех зовут желанным словом — Дембель. Им и лакомый кусочек, и ласка. А еще любят солдаты выращивать нет возмозможности вырастить благоуханные розы, жасмин или гвоздики, то уж скромные ромашки, васильки вы наверняка встретите у казармы, у палатки, в карауле. Не огрубеет душа под серой шинелью.

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

За нашу Советскую Родину!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

6-7'92

Издается с 1958 г.

ИНДЕКС 70610

Учредитель — МВД

Российской
Федерации

Главный редактор
Л. И. ЛУКИЕНКО.

**Редакционная
коллегия:**
В. Ш. АМЕРХАНОВ
(зам. главного
редактора),
В. В. АФАНАСЬЕВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный
секретарь),
О. Л. ВОЛКОВ,
В. П. ВОРОЖЦОВ,
Э. В. КАЛАЧЕВ,
Б. В. КАРПОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
Н. П. КУЗЬМИН,
В. В. МУРАТОВ,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНЖРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Н. Н. ПЯКОПЕНКО,
Л. Л. СМИРНОВ,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного
редактора),
А. Г. УШАР,
В. И. ФИЛАТОВ,
В. С. ФРОЛОВ,
А. А. ШЕМАЕНКОВ,
В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

Художественное
оформление
Э. П. Копылова,
Е. К. Селиковой.
Корректоры
Е. Ю. Гаврилова,
И. Ю. Семибратова.

ЖЕРТВЫ НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЫ	
КАРПОВ Б. «...Я умру в последнем окопе»	3
ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ	
УШАР А. Портреты в интерьере	18
АНДРЕЕВ Д. «Незаметный» Веселков	22
ГАРАНДЖУК Я. Украинцы в России	25
Письма читателей	27
КРАВЧУК В. Для души, а не для «галочки»	29
УСКОВ В. Атака на рассвете	30
НИКОЛАЕНКО О. Заслон. Национальная жандар- мерия Франции (зарубежные коллеги спецназа)	34
ПРОЗА. ПОЭЗИЯ	
БОРИСОВ М. В железных путях века своего (стихи)	6
МУЧАК И. «Черное кольцо» (повесть, окончание)	8
СИМЕНОН Ж. Знакомая мадам Мегрэ (роман, начало)	47
Сапоги всмятку (сатира, юмор)	57
ПУБЛИЦИСТИКА	
БУЛГАКОВ Б. В долгой яме	36
ЛИЧУТИН В. «Не поддаваться чужebesию»	40
КУЗЬМИН С. «Законы» беззакония	44
КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ	
РОНИН Р. Черные демоны	59
Клуб знакомств «Возможна встреча»	63

ATTENTION FOREIGN READERS!

East View Publications
handles:
o subscriptions
o back issues
o advertising
for Na boevom postu

For further details,
please contact us at:
EAST VIEW PUBLICATIONS
12215 North 28th Place,
Minneapolis, MN 55441 USA
voice: (612) 550-0961
fax: (612) 559-2931

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! ДРУЗЬЯ!

Как нам ни трудно, решение редакционного кол-
лектива единодушное: переподписку не проводить.
В этом году журнал и газету «Ситуация» подписчики
будут получать по прежней подписной цене. Тем,
кто хочет помочь нам, сообщаем расчетный счет:
№ 340616 в коммерческом банке «Лефортовский»
г. Москвы, МФО 201207. Спасибо!

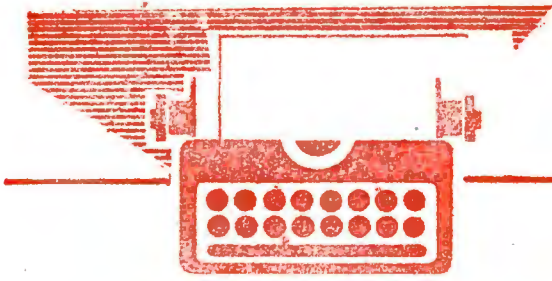
Адрес редакци-я:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проезд, 8

Телефоны:
361-82-57,
361-81-71.

За достоверность информации, точность фактов, цифр
и цитат ответственность несут авторы материалов. При
перепечатке материалов ссылка на наш журнал обяза-
тельна.

Сдано в набор 5.03.92 г. Подписано к печати 19.05.92 г.
Формат бумаги 70×108^{1/16}. Усл. печ. л. 5,6.
Уч.-изд. л. 8,8. Зак. 834. Тираж 50 000 экз.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

СПАСИ ОТЕЧЕСТВО И ЧЕСТЬ

Наши потомки, изучая политические колизии и социальные катаклизмы нынешнего смутного, непредсказуемого времени, скорее всего назовут его эпохой утраченных иллюзий, невыполненных обещаний и неполаченных долгов. И будут поражаться долготерпению народа и его вооруженных защитников точно так же, как мы сегодня не устаем поражаться духовной и телесной стойкости наших предков, создававших великую державу.

Что теперь создадим во главе с новыми вождями, архитекторами и прорабами реформ, — покажет время. Но даже поверив самым оптимистическим прогнозам иных экономистов и политиков, астрологов и ясновидящих, не можем не воскликнуть: «Хоть убейте — за державу обидно!»

В длинной очереди у черного входа в рыночную экономику (билеты на право попасть туда через парадный подъезд давным-давно раскуплены) самое незавидное положение у пенсионеров, инвалидов и... военных. Невероятно, но факт: защитники, имеющие грозное вооружение и броню, сами, как никогда ранее, нуждаются в защите.

Шесть перестроечных лет армия и внутренние войска мужественно держали удар. Не бил же, не смешивал с грязью служивых в эйфории «демократической» вседозволенности разве что ленивый. На политическом Олимпе, в коридорах власти кто совершал непростительные ошибки, опрометчиво импровизировал, предавал и хитрил, организовывал провокации, проявлял трусость и жестокость, а на грешной земле за все это чаще всего отдувался человек с ружьем, ибо ему первому отдавали приказ применять силу там, где «олимпийцам» следовало бы сесть за стол переговоров; его посылали затыкать кровоточащие раны в истерзанных гражданскими войнами регионах, на нем, как на стрелочнике, отыгрывались за чужие преступления, привлекая бойкие перья пишущей братии. Он вытирал плевки, молчал, сцепив зубы, когда на улицах по-западному чистых и ухоженных городов кричали ему вслед «фашист» и «окупант»; шел в заложники, будучи не в силах поднять оружие на женщин и детей, за спинами которых укрывались экстремисты.

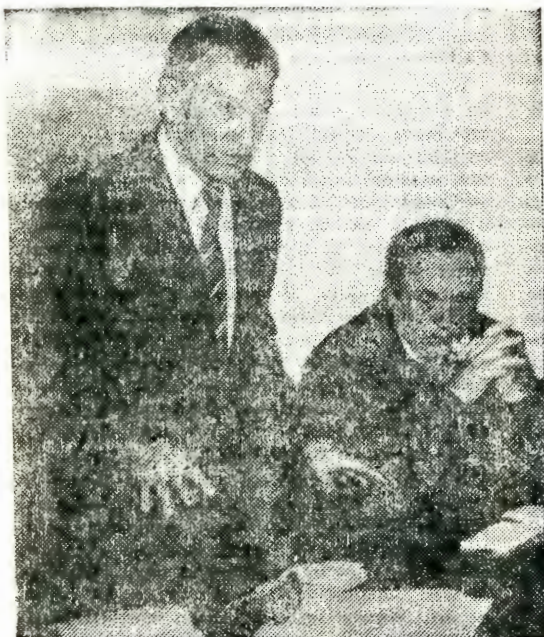
Караул перестройки устал... Поддержать бы военных высокой державной заботой. Неужто не заслужили!! Увы. Удары продолжают сыпаться с нарастающей силой. И все чаще — приемы с расчетом на науку.

Послушайте сигналы SOS из частей и подразделений. Глобальные масштабы приобрела жилищная проблема: старые каналы получения квартир перекрываются, а на фундаменте обещаний возводят, как известно, лишь воздушные замки. Во многих местах бойцы лишены возможности помыться в бане, надеть чистое белье: новые цены на бытовые, коммунальные и прочие услуги, словно пираньи, терзают хилый войсковой бюджет. Денежное содержание офицера и прапорщика ниже зарплаты водителя троллейбуса (беспрецедентный факт даже для нищих стран «третьего мира»). Любой малоимущий пенсионер при желании может поправить свое материальное положение, занявшись торговым бизнесом, какой-то еще недавно карался законом как спекуляция, или на худой конец — встать с протянутой рукой на паперти. Что же мешает военным окунуться в золотую коммерческую реку, дабы покончить с унижительной бедностью! Большая служебная нагрузка! Пожалуй. Но главное — профессиональная честь.

Да, господа нувориши, не удалось пригвоздить ее к позорному столбу. И чувство ответственности за судьбу Отечества продолжает сплывать наши поредевшие ряды. Все, в том числе самые трудные и опасные, участки службы надежно прикомыты в войсках. Держим удар... Но сила духа не безгранична. В конце концов и она иссякнет, если письменные указы и устные обещания об улучшении социальной защиты военнослужащих останутся мертвой строкой, пустым звуком.

Говорят, история повторяется дважды. Первый раз как трагедия, второй — как фарс. «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить»: у нас и второй, и третий раз история может пойти по трагической спирали. Один из ее уроков: однажды правительство не сумело спасти русскую армию от развала. Последствия известны. Какими они будут сейчас!

138

«...Я УМРУ В ПОСЛЕДНЕМ ОКОПЕ»

В ноябре прошлого года все газеты сообщили прискорбную весть: в районе села Каракенд Мартунинского района НКАО потерпел катастрофу военный вертолет. Среди погибших был и начальник УВД НКАО генерал-майор внутренней службы Владимир Владимирович Ковалев, много лет прослуживший во внутренних войсках.

26 НОЯБРЯ восемьдесят девятого было воскресенье. Но беззаботным в тот день оставался, пожалуй, лишь лучезарный Юра Шатунов, который без усталости кричал из своего магнитофонного «Ласкового мая» о белых розах, а в песенке той не было ничегошеньки ни от любви, ни от душевности — просто битые электрическими звуками по ушам.

Но солдатику-водителю мелодия нравилась, он даже тихонько нашептывал-нашептывал в такт себе под нос. Сидящий рядом полковник Ковалев, когда УАЗ нырнул в густой туман у аскеранской крепости, коротко бросил: «Сбавь скорость — как бы своих на КПП не сшибить...»

Карабахские хмари опустились на равнину, в тумане ехали до самого Агдама, выщупывая полосу серого асфальта. Под ровный гул мотора всегда ясный ум заместителя коменданта особого района методически, настойчиво искал единственно правильный путь в наступающем дне. Ковалев ехал на конференцию Народного фронта Азербайджана, где ему, «военному номестнику Центра в НКАО», предстояло, он это прекрасно понимал, ох как много всего выслушать. И надо будет что-то сказать в ответ воинственно настроенной одной из двух враждующих в Карабахе сторон. И надо будет сделать кое-какие выводы для себя — ведь он, Ковалев, выступает сегодня сразу в нескольких ипостасях: он и военачальник, он и миротворец, он и дипломат, он и разведчик...

Людей в военной форме народофронтовцы, как и следовало ожидать, встретили настороженно, если не сказать враждебно. Пропуска, впрочем, выписали. С солдатом-переводчиком перекинулись несколькими фразами — Ковалев понял, что земляки его просто-напросто предупредили: «Лучше держи язык за зубами, не то...»

Уже второй выступающий гневно вопрошал у зала: «Что здесь нужно русским? Почему они интересуются нашей конференцией? Почему Москва всегда тычет нам пальцем? Этого полковника я уже видел в Шуше — зачем он приехал к нам, если работает в Степанакерте с армянами?»

Ковалев не знал азербайджанского языка (это позже ему расскажут о содержании выступлений), но сейчас, сидя в зале агдамского Дома культуры, он каждой клеточкой чувствовал отаратительную, почти зоологическую неприязнь некоторых воинствующих националистов по отношению к себе и военным соотечественникам. Благо нашлись среди участников той конференции и трезвые головы — буквально следующий оратор осадил предыдущего, тепло рассказал о каком-то русском майоре, отдавшем в Мингечауре свой последний сухой азербайджанским беженцам из Армении...

Как вести себя в этом клокочущем страстями зале? Где та золотая середина, или, говоря языком офицера, тот нейтралитет, придерживаться которого обязан он — заместитель коменданта воюющего особого района, второе по степени ответственности

лицо после генерал-майора В. Сафонова? Сегодня он с особой отчетливостью убеждается, что внутренние войска — войска политические. И он — политик, призванный примирять, утихомиривать страсти, подпитывающие костер межнациональной вражды. У него нынче заповедь, которой руководствуются целители: «Не навреди!»

Когда заиграли гимн НФА — страстную увертюру к опере Узеира Гаджибекова «Кёр-оглы», он встал вместе со всеми. Но сжато кулака, естественно, не поднял — он ведь не заодно с этими людьми. Потом предложили почтить память погибших в межнациональных распрах. Он помолчал вместе с залом, скорбя о всех невинных жертвах, а больше всего о военных, которые пришли в этот край с миссией мира, а гибнут и от армянских, и от азербайджанских пуль.

В перерыве его настойчиво тянули за рукав к стенду, на котором были расклеены фотографии сожженных трупов, разрушенных домов, разбитых машин. «Смотри сюда, ёлдаш (товарищ — азерб.) полковник, — мужчина с трехцветным флажком на лацкане пиджака все старался «открыть полковнику глаза» на причину войны, — это все армяне делают, это их вертолет взяли ваши солдаты, понимаешь?» «Да понимаю я все, понимаю», — Ковалев старался говорить как можно ровнее, дабы не накалять и без того кипящие страсти.

Он отнюдь не лукавил, говоря этому возбужденному азербайджанцу-народофронтовцу, что понимает все. Как в случае с тем мудрецом, который изрек, что он знает лишь то, что ничего не знает, Ковалев понимал, что до истинного понимания карабахской проблемы вряд ли доберется сегодня самый пытливей ум.

Свое выступление Ковалев построил мягко и тактически верно. Назвав Агдам старшим братом других азербайджанских районов, он и слегка потрафил честолюбивым хозяевам конференции, и в то же время верно определил место этого города, как узлового в транспорте, экономике, политике. Полковник не заигрывал с народофронтовцами, призывая к сотрудничеству, — заместителю коменданта всегда была чужда конфронтация, агрессивность, которую за глаза приписывают любому военному.

В Степанакерт возвращались затемно. В течение дня туман, цепляясь за виноградные шпалеры, осел на землю. Небо над Карабахом было черным, и звезды были ярки и холодны.

Наутро Ковалеву предстояло проделать тот же путь — вертолет из Агдама должен был доставить его в Баку, где доклада об оперативной обстановке в особом районе ждал тогдашний заместитель министра внутренних дел Азербайджанской ССР генерал-майор В. П. Баранников. В полутемноте попросились вчерашние знакомцы — несколько руководителей республиканского правления НФА. «Всегда пожалуйста, когда есть свободные места», — Ковалев пригласил азербайджанцев в вертолет...

Из разговора с командиром эскадрильи вертолетчиков, майором-«афганцем», награжденным орденами Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени:

«...На этот аэродром мы не имеем права заходить даже и садиться, потому что минимум этого (степанакертского. — Авт.) аэродрома 500 на 5, то есть 500 метров — это нижний край облаков, а 5 километров — видимость. Но мы все равно летаем, особенно сейчас, в зимний период. Дымка, сами видите, какая. И заходишь. Видимость, естественно, менее пяти км, особенно когда заходишь со стороны Агдама, если в район туда пошел — Мартуни, или Мардакерт, или Физули. Если горы прикрыты, значит, ходим по югу, обходим горы, напрямую не ходим... Если горы прикрыты облачностью, мы не имеем права лететь вообще. Горы есть горы — туда выйдешь, а как там оно будет и что...»

Вот ваши вертолеты, МВД, они дают заявку по гражданской линии и принимают решение на полеты, они, то есть он, садится в вертолет, прежде, конечно, посмотрит погоду — ну там немножко видимость плохая, немножко облака, — но он считает, что может пролететь, по своему уровню подготовки может пройти. Все — он запускает двигатель и летит...»

В четырнадцать часов «МИ-восьмой» приземлился в бакинском аэропорту Бина. Едва Ковалев сел в УАЗ, как рация «доложила» обстановку в городе: толпа около двух тысяч собралась у здания МВД республики, скандируют — «Армяне, вон из МВД!» Ковалев невесело усмехнулся: «Да там, в МВД, по-моему, всего-то трое армян осталось — машинистка, кажется, уборщица и еще кто-то». Это все ерзая (ереванские азербайджанцы. — Авт.) никак не угомонятся, бродят толпами по городу, народ будоражат. Таких чуть подзадорить — что угодно натворят».

Разговор с генералом Баранниковым шел при закрытых дверях, единственное, о чем Ковалев сборманился по его окончании, так это о бесконечных напоминаниях из Москвы — не дай Бог, внутренние войска или милиция кого-нибудь заденут.

Ковалева всегда раздражали всякого рода одергивания, «указивки» сверху, из Центра. Ладно, если специалисты своего дела по-настоящему помогают. Плохо, когда амбициозные чины с большими звездами либо начинают давать «советы постороннего», либо, что гораздо хуже, приказывать во вред делу. Сколько крови попортили такие коменданту особого района генерал-майору В. Сафонову, офицерам комендатуры особого района.

Как ни устал в Карабахе, Ковалев не хочет заменяться, потому что здесь Сафонов. Они старинные приятели — вместе поступали в военное училище. Владиславу Николаевичу повезло больше — у него, энергичного, инициативного, напористого, карьера сложилась неплохо. Ковалеву од-

нажды не повезло. Когда командовал полком, в части случилось несчастье — во время занятий погибли люди. Командир отвечает за все — такова непреложная истина. Ковалева сняли и назначили на должность, не связанную с командованием людьми. Он добросовестно тянул эту свою ляжку, хотя имел в потенциале и знания, и опыт, и, главное, — огромное желание работать, что называется, на острие удара.

И вот попал в Карабах, на это самое-самое острое. Причем под начало генерала Сафонова. Аркадий Иванович Вольский, председатель Комитета особого управления, «своими» военными был доволен, без них в НКАО пролились бы реки крови. Об этом Вольский докладывал и командующему внутренними войсками генерал-полковнику Ю. Шаталину, и выше — самому Горбачеву...

Ковалев возвращался из Баку поездом, так как вертолет улетел еще засветло. В старом, но совсем чистом вагоне Владимир Владимирович получил редкую возможность отвлечься от карабахской текучки — количество убитых и раненых с той и другой стороны, передислокация и замена войск, расстановка офицеров в КОРе... Вдруг вспомнил, что на днях уедет генерал Сафонов. Жаль. Сработались. Свой человек, с которым легко решались все вопросы, с которым люди всегда были открытвенны, честны, доверительны.

Генерал-майор В. Сафонов свое в Карабахе отвоевал. Ковалев остался в должности начальника областного УВД. «Наместник Москвы», нейтрал, нужен был в той непростой обстановке, когда ситуация становилась, с одной стороны, тупиковой, с другой — кровопролитие росло день ото дня. Да, ему пообещали: повоюешь год-полтора, зато уедешь генералом, хочешь — на заслуженный отдых в штанах с лампасами, хочешь — где-нибудь в России местечко найдем спокойное.

Какой истинный военный не мечтает стать генералом?! Он, впрочем, редко надевал генеральский мундир. Чаще носил «гражданку» или военный камуфляж — как диктовала обстановка. Мотался по области и соседним районам всегда без охраны. Сам за рулем красной «Нивы». Порывистый, лаконичный, деловой.

19 января прошлого года он вспомнил, что нынче Крещение. Почему-то остро резанула по сердцу мысль о семье, ждущей своего генерала на далекой Волге. Задумавшись, генерал и не обратил внимания на обогнавший его УАЗ-452. Потом вдруг заметил, что в нем едут люди в милицеской форме. «Не мои ли?» — мелькнула мысль. И тут же из машины высунулись автоматные стволы. Выручили реакция и сноровка горнолыжника — он ударил по тормозам и в полмгновения вывалился из машины. Бандиты рванули вперед, решив, что с генералом все кончено. Просчитались...

На войне у каждого есть свои особые приметы. Вертолетчики строжайше запре-

шают фотографировать их перед вылетом. Тот «МИ-восьмой» фотокоры и телеоператоры «общелкали», как и многих его пассажиров. Команда на борту была солидная: наблюдатели России и Казахстана, руководители Азербайджанской республики, представители КГБ, УВД, комендатуры. Каракенд в переводе с азербайджанского означает «Черная деревня». Действительно черной останется она в нашей памяти. Продлился мартиролог карабахской войны: с душевной болью читаю в нем фамилию своего давнего доброго знакомого.

Мы познакомились, когда Владимир Владимирович был майором, начальником штаба милицеской части внутренних войск. Не только о службе говорили. Обменивались книгами. Как-то подврал он мне подружески популярное жизнеописание третьего американского президента Томаса Джефферсона: «Интересная личность, почитай».

Теперь вот снова перелистываю те странички и нахожу строки, удивительным образом приложимые к самому Владимиру Владимировичу. Во время наших встреч в Карабахе он все отмахивался от расспросов: «Успеешь еще обо мне написать — какие наши годы».

О чем думал он в туманный день 20 ноября, о чем сказал бы, окажись рядом дотошный интервьюер? Может быть, так: «Обессиленный работой с утра до вечера — день за днем; зная, что эта работа столь же бесплодна для других, как тяжела для меня, действуя в одиночку в безнадежной постоянной борьбе против большинства, которое систематически подрывает общественную свободу и благосостояние, вынужденный даже в редкие минуты отдыха находиться в обществе лиц, в чьей ненависти к себе я не питаю сомнений... отрезанный от семьи и друзей, оставив свои дела в состоянии хаоса и беспорядка, короче, отдав все, что я люблю, в обмен на то, что я ненавижу, — и все это без малейшего удовлетворения как ныне, так и в будущем...».

В Карабахе выдерживали не все. И строки Джефферсона, хоть и написанные по другому поводу, в другое время, как нельзя более точно передают настроение Ковалева в его последние дни: «Самая мрачная из перспектив — дезертирство лучших сторонников дела, я могу их стхот назвать лишь дезертирством... но я умру в последнем окопе».

Он очень устал от этой войны и хотел, чтобы она поскорее кончилась. Потому и летел тот «МИ-восьмой» в туман над Карабахом...

Подполковник Б. КАРПОВ.

На снимке: генерал-майор В. Ковалев выступает на последнем своем совещании. Рядом с ним его боевой соратник комендант района чрезвычайного положения генерал-майор Н. Жинкин, погибший в тот же трагический день. Это последняя фотография, запечатлевшая их живыми.

Фото А. СОКОЛОВА.

Михаил БОРИСОВ .....

Михаил БОРИСОВ — человек удивительной судьбы, суровой, в паччас и жестокой, судьбы, рожденной войной. В семнадцать лет он добровольцем ушел на фронт, вынес на плечах всю великую сталинградскую эпопею с первого и до последнего ее дня. 11 июля 1943 года под Прохоровкой, встав за панораму последнего уцелевшего в бою орудия, уничтожил семь фашистских «тигров», за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Трнадцать раз раненый, дважды контуженный, он дошел до Берлина. Но и после войны линия фронта пролегла через судьбу офицера Борисова, поэта Борисова — члена Союза писателей, автора десяти поэтических книг.

В ЖЕЛЕЗНЫХ ПУТАХ ВЕКА СВОЕГО

Я ОБНИМАЮ ПОЛЕ КУЛИКОВО

Умолкли за Непрядвой соловьи,
И в тишине настороженной
Снова
Я обнимаю поле Куликово,
Как пращурь далекие мои.

В такие сокрушительные дни
Общенье это выпало недаром —
Ордынским одурманенный угаром,
Народ
Толпе разгульной стал сродни.

Убийцы и хануги налицо,
Плевать им,
Что они разноязыки,
Любому правдолюбу эти клики
Куют согласно жесткое кольцо.

Предателей несметные рои
Закрыли купол неба голубого.
..Я обнимаю поле Куликово,
Как пращурь далекие мои.

* * *

Не посидеть над Вислою уже,
Не побродить ночами по Варшаве.
Когда наш мир
На диком вираже,
Себя я успокаивать не вправе.

Встает из мглы угрюмый лицедей,
Беснуется, как может
И как хочет,
И на брусчатке старых площадей
Над общими святынями хохочет.

Он снова всемогущ и многолик,
Его напор
Атаки танков горше...
А я с поры злопамятной привык
По-доброму заботиться о Польше.

Домашних передряг невпроворот,
Но и о том вечерние печали,
Что Висла завершила поворот,
Что там мои надежды откричали.

В железных путах века своего
За братство наше кровное радая,
Не время осуждаю,
А его —
Возникшего из мрака лицедая.

* * *

Опять в моем заснеженном селе
С полудня закуражились метели
И враз разноголосо загудели,
Как мужики, когда навесе ле.

Зашелся день в горячечном бреду,
А дышится и думается проще,
И мы идем по белой-белой роще,
Идем с тобой на радость и беду.

Глава шестая

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО проводимые совещания в комендатуре особого района — как отдушина для офицеров в напряженной обстановке. Приезжают представители всех частей, которые временно дислоцируются в районе чрезвычайного положения. Многие знакомы между собой, сослуживцы. Для них эта встреча — обмен новостями: что нового дома, когда отпуск, когда самолет, как с почтой? Другие — просто примелькались, так, знают друг друга в лицо, и не более. Разговоры завязываются сразу. Это — до совещания и позже, на бегу, когда все спешат «по домам». На самом же совещании — святая тишина, которую вправе нарушить лишь комендант.

На вид ему лет пятьдесят, грузен, но скор в движениях. Брови как-то подняты вверх, и поэтому кажется, что его усталое лицо постоянно выражает удивление. Громкий, властный, хорошо поставленный голос.

Подполковник Свиридов внимательно слушает, карандашом делает пометки: убиты чабаны, обстреляно село, взорван мост...

— Во всем этом наши оперативники, штабисты выявили кое-какую закономерность... Впрочем, подробнее скажет начальник штаба тем, кто должен зайти к нему после совещания.

Следуют фамилии, и среди них Свиридов слышит свою.

Начальник штаба не любитель лишних слов.

— Смотри сюда, Свиридов, — пригласил он подойти ближе к карте, разостланной на весь стол. — Вот здесь они живут и режут. Черный карандаш видишь? Что нападает это тебе?

— Полумесяц какой-то.

— Почти правильно. Полукольцо. А вот карта, — он достал еще одну из стола, разложил поверх своей, — которую мы обнаружили при захвате боевиков, обстрелявших военную колонну. Трофей, так сказать. Карта другого масштаба, но посмотри на ее отметины. Они, как ни странно, тоже черным цветом выделены.

Кольцо почти правильной формы охватывало знакомые места дислокации части Свиридова. На нем проглядывались красные точки, и назначение некоторых из них подполковник понял сразу же. Здесь — взорван мост, здесь — сожжена ферма, здесь — нападение на пост... А здесь ничего не произошло, но, как докладывал командир взвода лейтенант Звороно, из милицейского уазика высадились в горах люди. Чего от них надо ждать? Теперь ясно, что не на прогулку они отправились.

— Мы и без этой карты уже догадывались, что акции боевики проводят плано-во, — продолжил начальник штаба. — Наш, как ты говоришь, полумесяц нарисован до захвата этого трофея. У нас отмечены траекты, которые уже совершены. Рука сама тянулась к тому, чтоб кольцо дорисовать.

— Черное кольцо, — сказал Свиридов.

Немного помолчав, начальник штаба дополнил:

— По оперативной информации, бандиты, величающие себя боевиками и защитниками нации, так эту акцию и называют: «Черное кольцо».

— Когда уже закончатся эти акции! — вырвалось у Свиридова.

— Закончатся, — ответил начальник штаба и отошел от карты к окну, вытащил сигареты. — Будешь курить, Владимир Александрович? Закончатся рано или поздно. Но нам легче не будет, вот какая штука.

— Ну почему же? Вернемся по домам...

— Разве что только это. Но я о другом. Ты помнишь по истории время, когда Сталин с Кавказа народы переселял?

— Ну, — неуверенно кивнул Свиридов, не понимая, к чему клонит начальник.

— Кого в этом виноватым сделали? Нас ведь. Войска, такие-сякие. Наплели сейчас бог знает что. И мародеры, и насильники... В общем, козлами отпущения сделали. Мы и Сталин виноваты во всем. Вот все тут успокоится, но забудется чуть — и пойдет свистопляска. Политики, которые сейчас кресла делают, чистыми останутся, а мы... Я все к чему, Владимир Александрович? Ты поаккуратней в стычках действуй, добро?

Свиридов промолчал, и начальник штаба продолжил:

— Да знаю я, о чем думаешь, все знаю. Последним рейсом «черный тюльпан» двоих твоих увез: в бэтээре один разбился, другой в перестрелке. Истаров и Валько. Все знаю. Но — смотри, чтоб хлопцы твои мстить не начали, яростью чтоб не захлестнуло их. Мы же тут не на войне, объясни им.

— На войне, — сказал Свиридов. — В нас из пушек бьют, а не только оплевывают. И что вы предлагаете, товарищ полковник?

Начальник штаба долго и молча смотрел в окно, потом уже другим тоном, строгим, военным, ответил:

— Сегодня же в обозначенных местах провести разведку, вертолет дам, далее действовать по обстоятельствам. Крестик на их карте — это, скорее всего, подстанция или ферма, — я уже интересовался. Эти два объекта почти рядом. Вот им, товарищ подполковник, и уделите особое внимание.

— Есть, товарищ полковник. Сам туда проедь. Разрешите идти?

— Погоди. — Начальник штаба опять вытащил сигарету, зажег ее от тлеющего в руках окурка. — Спичек — и тех нет... Ты не обижайся, Владимир Александрович. Ты пойми, не за себя ведь пекусь. Я без пяти минут пенсионер. А вот лейтенанты наши — они как все переживут?

— Не знаю, — сказал Свиридов. — Но будем действовать по обстоятельствам, так? Главное — честно. А там пусть судят... Хрен с ними, с такими судьями.

— Хрен с ними... — впервые улыбнулся собеседнику начальник штаба.

Глава седьмая

ЛЕЙТЕНАНТЫ Царев и Звороно зашли в душевую. В пустых небольших комнатках голоса звучали гулко, неестественно. Едва успели намылиться, как в дверь решительно застучали. Андрей выглянул, увидел посыльного.

— Товарищ лейтенант! Вас вызывает командир батальона. Маневренная группа готовится на выезд.

Через несколько минут Звороно был в штабе.

— Посмотри сюда, — командир батальона подвел его к карте. — Из поселка звонили, что по дороге в райцентр стоит милицейский пост и все машины с продовольствием возвращает обратно. Якобы там взорвана дорога и проезда нет. Никаких сигналов о взрывах не поступало. Может, они преувеличивают с машинами? В общем, комендант поставил задачу разобратся и, если есть необходимость, скопившиеся машины сопроводить в райцентр. Потом возвращается обратно.

Проследовав по обозначенной командиром батальона дороге, Звороно выехал к поселку. Ничего такого, что свидетельствовало бы о существовании милицейского поста, не обнаружил. Ошибки нет, он не заблудился, выехал точно к поселку, из которого звонили, — лейтенант еще раз сверился по карте. А вот и стоянка. Десятка полтора грузовиков сгрудились на не-

большой площадке. Водители от машин стеклись к остановившемуся бронетранспортеру, шумом и гамом выражая свое недовожество. Лейтенант молча обводил взглядом присутствующих. Из толпы вышел худощавый мужчина с сильно выступающим кадыком:

— Это я звонил в комендатуру. Люди волнуются. На улице жарко, а в машинах есть скоропортящиеся продукты. На дороге стоит милиция и никого не пропускает. Если продукты испортятся — нам платить придется. А кому это нравится?

— Я сейчас проехал по дороге, там нет никакой милиции, никаких постов.

— Есть, есть, — не уступал водитель. — Километров пять отсюда.

— Вы их точно видели или просто боитесь ехать?

— Ну-ну, дорогой. Клянусь, — положил руку на грудь. — Я что, мальчишка!

— Хорошо, как они выглядели, чем вооружены?

— Просто милиция с автоматами.

— Но не военные?

— Нет, нет. Наши местные.

— Объясни всем, что я буду вас сопровождать до города. Поехали.

Собравшиеся хоть и галдели, но слова лейтенанта уловили четко. Больше разъяснять ничего не нужно было. Быстро разошлись по машинам, и колонна во главе с бронетранспортером двинулась в путь. К удивлению водителей, на том месте, где еще недавно находился пост, было действительно пусто.

Звороно надеялся, что засветло успеет вернуться в часть. Подъезжая к городу, оставил колонну, приостановившись на обочине. Через радиста связался с командиром батальона, доложил обстановку.

Буквально минут через десять-пятнадцать на связь опять вышел командир батальона, уточнил местонахождение Звороно, передал, что по маршруту, по которому лейтенант сейчас проводил колонну, неизвестные обстреляли одиночную машину. Поэтому ему со своей группой необходимо возвращаться в часть той же дорогой и, по возможности, выяснить обстоятельства.

После окончания разговора Звороно, чертыхнувшись, развернул карту, начал вспоминать особенности дороги: где вероятнее всего могло произойти нападение.

Это был уже не тот молодой лейтенант. События во дворе дома в Степанакерте заставляли постоянно помнить об опасности, не надеясь на авось. Да и бойцы не расценивали принимаемые меры командира взвода как простую, перестраховку. Ехали в готовности отразить нападение.

Вскоре командир взвода и водитель, наблюдающие за дорогой, увидели мчавшийся навстречу мотоцикл с коляской. Дорога узкая, не разбегаться, и мотоцикл сначала снизил скорость, потом свернул на обочину и остановился. «Седоки» моментально прыгнули с него и бросились в виноградник. Изумленный лейтенант заметил, что оба они вооружены.

— Давай к мотоциклу и тормози, — а сам прыгнул ногами на сиденье, высунул голову в лок и, не надеясь, что его услышат из-за рева двигателей, закричал: — Стой! Назад! Стой, стрелять буду! — но стрелять не стал.

Бронетранспортер, качнувшись, остановился. Андрей пошарил взглядом по винограднику: даже лист нигде не дрожит.

Командир батальона так и сказал по радиостанции: искать их в винограднике — все равно, что искать иголки в стогу сена. Единственное, что требовалось от лейтенанта, — записать номер мотоцикла, сделать отметку на карте и продолжать движение.

Мотоцикл был милицейский.

Тронулись дальше.

Солнце уже спряталось за горизонт, когда из-за ближнего бугорка вынырнул узик.

— Сделай тише ход, — скомандовал лейтенант.

Расстояние медленно сокращалось.

— Тормози.

Узик был тоже милицейский.

Звороно прыгнул с брони, прошел немало вперед, послышался остановиться. Машина, не доехав метров пятьдесят, плавно тормознула, никто из нее не вышел.

— Всем выйти из машины! — как можно громче крикнул Андрей.

Тишина. Пауза начинает затягиваться и не обещает ничего хорошего. Звороно досылает патрон в патронник.

Как-то нерешительно дверки со всех сторон открываются, из узика выходят человек пять в милицейской форме.

Ствол крупнокалиберного пулемета бэтэра медленно ползет вниз.

— Оружие сложить справа от машины, — продолжает лейтенант. — А теперь медленно все ко мне.

Поднимать руки им команду никто не давал, сами подняли. Когда прошли метров пятнадцать, пятеро бойцов взвода прыгнули с брони и остановились за командиром. И тотчас один из милиционеров вскидывает пистолет, стреляет в лейтенанта и бросается в виноградники. Пуля, взвизгнув, от брони машины ricoшетила в сторону.

Солдаты в несколько стволов прошлись по винограднику, и на этом стрельба прекратилась.

Быстро собрали оружие, осмотрели машину, номер. Звороно он показался знакомым. Но где он мог его видеть?

Уже по пути обратно вспомнил: на водозаборнике пытались помыть именно эту машину, когда он в первый раз заступил в караул. Но люди в ней были другие.

На следующий день группа оперативных работников выехала на место происшествия. Местные жители в винограднике обнаружили труп подполковника милиции. Вскоре выяснилось, что в МВД республики такой не значился, документы при нем были поддельные.

Глава восьмая

ПОДПОЛКОВНИК Свиридов начал решил навестить ферму, ту самую, которая могла быть красной точкой на фоне черного кольца.

Ферма располагалась на открытом пространстве, которое хорошо просматривалось во все стороны на расстоянии километра. Так что любые действия в отношении ее скрыть было очень трудно. Самый удобный вариант — высадиться на вертолете и провести операцию. Но такие действия можно предпринимать, уже зная наверняка, что преступники здесь. А сейчас разумнее всего просто провести разведку.

Дорога хотя и была сложной, опасений у подполковника Свиридова не вызывала. Водитель был опытный, уже поднаторел в движении по сложным горным дорогам. С шумом убегала из-под колес узника ленточка асфальта. Постышев вовремя изменял скорость, умело маневрировал на поворотах, заходя на очередной виток серпантина.

— Поворачиваем налево, — командир левым взмахом руки показал направление движения. Водитель определил место, где угадывалась проселочная дорога, увеличив скорость, повернул руль, пересек асфальтовую полосу и выскочил на подъем по грунтовке. Дорога большим радиусом огибала гору и плавно ползла вверх. С каждым метром подъем был все круче, машина теряла скорость. Перейти на нижнюю передачу — на одном мосту не вытянуть. Эх, была не была — Постышев до конца нажимает педаль газа. Нет! Отключает сцепление и... Как ни быстро проделывал это водитель, критическая точка потеряна. Машина сначала медленно, потом все быстрее и быстрее поползла назад. Постышев несколько раз лихорадочно нажал на педаль тормоза, но она без действия провалилась до полака. Правое заднее колесо съехало с дороги и пошло вниз. Переднее — подпрыгнуло на камне, и, прежде чем присутствующие сообразили, что же произошло, машина завалилась набок, потом перевернулась на крышу и застыла в таком положении в кустах шиповника.

Игорь Царев только и успел заметить, что панорама, которая была впереди, как-то переворачивается, а гора, находящаяся слева, уходит вниз. Звук работающего мотора заглушили скрежет металла, звон разбитого стекла, треск рвавшегося тента. В эти несколько мгновений сидевшие в машине потеряли ориентир в пространстве, ни о чем подумать не успели. Бессильно кувыркались в машине, лихорадочно растопырив руки, пытались зацепиться хоть за что-нибудь, лишь бы смягчить удар.

Первым пришел в себя Постышев, выскочил из машины, за ним остальные. Из трещины в горловине бака выливался бензин и растекался по всей машине, обливая тент, сиденья, валяющийся бронежilet.

Нужно было переворачивать машину. И вот уже она стоит на колесах, мятая, с болтающимися обрывками тента.

Привели ее в божееский вид, помогая Постышеву, вытолкали на дорогу. Двигатель работал ровно, без каких-либо сбоев.

Подполковник Свиридов посмотрел на часы. Много времени потеряли, покаковырялись с машиной.

— Рассаживайтесь, поедem дальше.

Ехать оставалось немного, и дорога была получше. Вскоре остановились, спрятали машину на обочине и поднялись на бугорок. Ферма была как на ладони. По пустынной ее территории изредка прохаживались по одному-два человека к зданию конторы и обратно. Подполковник Свиридов прильнул к биноклю и внимательно, метр за метром, начал обследовать.

— Нам нужно пройти по территории фермы, отсюда мы ничего не увидим, — предложил лейтенант Царев.

Командир части и сам об этом думал, но его одолевали сомнения: стоит ли перед рабочими демонстрировать свой усиленный интерес к ней. Однако не уезжать же, так ничего конкретно и не выяснив.

— Пойдете вы с Сафоновым, — обратился он к Цареву.

— Да, мы с Валерой готовы, — посмотрел он на прапорщика.

— Хорошо. Незаметно переберитесь вон на ту сторону, пройдите через коровник и осмотрите, нет ли чего подозрительного. Зайдите в мастерскую, посмотрите, кто в чем там занимается, потом в контору...

Уже по дороге обратно подполковник Свиридов сделал вывод о малой эффективности сегодняшних действий. Сил потрачено много. Но надеяться можно было только на случайность. Или же нужно целый день сидеть с биноклем, наблюдать и только потом проводить операцию, если предположения оправдаются. Для такой разведки нет ни достаточного количества сил, ни времени.

Вечером подполковник Свиридов позвонил в комендатуру и вновь попросил вертолет. Облетев намеченную территорию, он решил обследовать пещеры, обнаруженные во время полета.

Это оказалось не так-то просто. Первая сложность, которую необходимо было преодолеть, — посадить вертолет как можно ближе к ним. Вертолетчик, хотя и попался парень самолюбивый, но тем не менее после неудачной попытки прилечь к нескольким пятячкам, которые находились под значительным наклоном, отказался от этой опасной затеи и больше судьбу испытывать не стал. Было решено, что он зависнет над ближайшей площадкой на минимальной высоте, группа досмотра и группа прикрытия высадутся десантом. Вертолет же он посадит в удобном ему месте.

Лейтенант Царев, прапорщик Сафонов и четверо солдат спрыгнули на каменистую площадку.

— Ого, какое земное притяжение, — приседая и разминая ноги, сказал лейтенант. — Все нормально прыгнули?

Один из солдат держался за коленку, массируя и растягивая ее.

— Что случилось? — спросил Сафонов.

— Не вывихнул? — Игорь подошел, потрогал коленку, озабоченно заглядывая в глаза солдату.

— Да нет, просто неудачно прыгнул, — ответил тот и пошел, стараясь не хромать.

— Останешься в прикрытии с... ефрейтором Смирновым, — распорядился Царев, окинув взглядом свою небольшую группу.

Группу плотным кольцом обступали горы, с трех сторон отделяемые ущельями. В той стороне, куда предстояло подниматься, журчал ручеек. Он вытекал из пещер, небольшим водопадом перепрыгивал через скалу, извиваясь между камнями, уходя влево от того места, где они стояли.

Командир взвода поправил берет, закинул автомат за спину и, примеряясь, где бы лучше карабкаться, пошел в направлении скалы. Карабкаться нужно было почти по-пластунски. Поэтому, когда вышли на ровную площадку, откуда открывался вход в первую пещеру, уставшие лица озарила счастливая улыбка.

Присели на каменный выступ, осмотрелись. Вход в пещеру напоминал открытый рот гигантского чудовища. Но это был не злой оскал, а какая-то ехидная каменная улыбка. Вправо и влево уходили узкие трещины.

— Неплохое место для склада оружия, — сказал Сафонов.

Не заметив ничего подозрительного, лейтенант Царев, оставив солдат для прикрытия, вместе с прапорщиком Сафоновым метр за метром обследовали каменную площадку, продвигаясь к пещере. Если в ней был склад с оружием, то подступы к нему могли быть заминированы. Царев придирчиво осматривал камни, вспоминая все случаи, когда ему приходилось встречаться с самодельными минами, способами минирования, характерными признаками.

Все вроде нормально. Добрались до входа, зашли внутрь. Глаза привыкали к темноте.

— Валера, ты с Митрохиным по правой стороне, а я по левой, посмотрим и — к выходу.

В центре пещеры было нестарое кострище.

— И какой же это дурак здесь костер разводил? Тут и дров поблизости нету, — сказал замкомвзвода. — Это же надо — как мы, карабкаться, да еще с поленьями.

— Постой, постой. Здесь, видимо, другое. Предположим, они шли не снизу, а сверху. Пойдем, поищем тропу.

Тропу нашли быстро. Она сначала поднималась вверх, а потом почти на одном уровне огибала гору. Прошли метров сто, осматривали небольшие пещеры, которые вряд ли могли вызвать интерес боевиков. Но деревца тут росли и гдились на топчине.

Уже собрались было возвращаться, но заметили еще одну чернеющую дыру. Подошли, заглянули в нее: устлана ветками. Листья были примятые, но еще зеленые. Дня три назад их сорвали.

— Вот и спальня, а ты говоришь, дрэва. Вон какой ковер разостлан.

— Да, комфорт.

— Человека три на ночлег, наверное, здесь поместятся? Ладно. Пошли вниз.

У входа в большую пещеру Сафонов с солдатом уже прикидывали, как спускаться к вертолету.

— Может, мы лучше по тропинке пойдем вверх, а командир там на вертолете нас заберет? — предложил Валера.

— Да нет тут поблизости подходящего места, одни скалы. Ты же сам видел. Будем спускаться. Куда там эта тропинка ведет, черт ее знает... Ну да ладно. Идем в том же порядке.

Прибыв к месту дислокации, Свиридов склонился над картой, углубился в обстановку. И на ферме, и в горах ничего существенного обнаружено не было. Кроме пещеры, явно обитаемой. Но, может быть, охотники или мальчишки там побывали? Нет, надо переключиться на следующий объект: водонасосную подстанцию.

Он вызвал к себе начальника штаба, вместе принялись разрабатывать план проведения специальной операции.

Выехали туда утром. Безоблачное, тихое, оно предвещало знойный день. На ухабах титановые пластинки бронезилов глухо стучали друг о дружку.

Царев и Сафонов в краповых беретах сидели на броне. Ехали молча. Встречные потоки воздуха и шум моторов заглушали речь. Солдаты в бронетранспортере, видимо, о чем-то разговаривали, из открытого люка периодически доносились взрывы смеха. Сафонов, покачиваясь в такт движения бэтэра, поправил автомат, закинутый за спину, достал пачку сигарет. Толкнул Игоря в плечо и протянул ему. Тот, поморщившись, покрутил головой и вновь устремил свой взгляд вперед, подставляя лицо упругому воздушному потоку. Валера, тоже не закурил, положил сигареты обратно, скрылся в люке и до конца движения больше не появлялся.

К месту прибыли немного раньше намеченного срока. Свиридов поднялся на возвышенность возле дороги, откуда из-за кустарника была видна подстанция и подступы к ней, повторил офицерам предстоящую задачу.

Стрелка часов медленно ползла к контрольной отметке. К этому времени группы блокирования заняли свои места и растворились в окружающих подстанцию скудных зарослях. Подполковник еще раз посмотрел на часы и зашагал вниз на дорогу, где в ожидании команды один за другим выстроились два бронетранспортера. Возле каждого в одношереножном строю стояли солдаты. Царев возле второго бронетранспортера придирчиво осматривал подчиненных, давая указания. Игорь увидел

спускающегося с горки командира части, направился к нему:

— Товарищ подполковник, разрешите произвести посадку личного состава.

— Порядок действий остается прежним, — сказал Свиридов так, чтобы было слышно и солдатам. — Главное — каждый должен быть на своем месте.

Бронетранспортер подъехал к административному зданию и остановился с левой стороны, угрожающе покачивая стволом крупнокалиберного пулемета. Тотчас солдаты покинули его и принялись за свою работу.

Первую находку сделал Сафонов: охотничье ружье и патронташ:

— А вот и трофей.

Капитан милиции, из числа тех оперработников, что приехали сейчас с ними, протянул руку, чтобы взять ружье. Но Сафонов, пройдя мимо него, отдал оружие пошедшему командиру части.

— Двенадцатый калибр, мощная пушка, — не отставал милиционер. — Разрешите, товарищ подполковник?

Командир осмотрел ружье, передал милиционеру, взял патронташ.

— Здесь, оказывается, патроны и шестнадцатого калибра. Так что нужно искать еще одно ружье. — Свиридов посмотрел на прапорщика Сафонова.

— У башни ничего больше нет, — ответил прапорщик. — Сама башня без окон и дверей, вокруг тоже осмотрели. А ружье и патронташ лежали под доской. Там такой сток небольшой забетонирован, он немного возвышается над землей. Целая огневая точка.

— Все ясно, — перебил его командир части. — Значит, будем искать в другом месте.

Свиридов зашел с двумя солдатами в самую большую, ярко освещенную комнату. Окинул взглядом. Небольшая лежанка с наброшенным покрывалом, стол, несколько стульев. В углу стояли ящики, сварочный аппарат.

Через окно он увидел, что прапорщик Сафонов под деревом разгребает прошлогодние опавшие листья, что-то достает. Вот он выпрямился, стало видно, что это ружейный чехол, и не пустой. К нему подошел лейтенант Царев.

Когда Свиридов вышел и направился к деревьям, Царев уже вытащил второй чехол и, улыбаясь, подал командиру части:

— Вот, наверное, и шестнадцатка, товарищ подполковник.

Из-за угла здания двое солдат вынесли зеленый ящик размером с патронный и направилась к командиру.

— Взрывное устройство, — сказал один из них. — Пожалуй, килограмма четыре будет.

— Такая небольшая каптерка, — аж захлебывался от рассказа рядовой Плетнев, — темно, почти ничего не видно. Пустая, кажется, даже искать нечего. Хорошо, за-

глянул под брошенную мешковину. Могли бы и посмотреть.

— Не просмотрели бы, — возразил его напарник. — По нескольку раз заходили в каждую комнату.

От ящика отходили два проводка, загадочно покачивая заизолированными концами.

— Ну что же, неплохо, неплохо, — сказал Свиридов. — Ящик отнести в автобус, только осторожно. Остальным — по местам. Впервые за все проведенные операции мы изъяли что-то существенное. Это, конечно, хорошо.

— Там уже рабочие подъезжали к станции, почему-то их до сих пор нет здесь. Наверное, на КПП задержали. Побеседовать бы с ними, — сказал майор Теплов.

Свиридов вспомнил, что видел подъехавший край и белую «Ниву». Действительно, что-то долго их нет. Командир запросил по радиации капитана Жарова — тот находился на КПП.

— Не хотят ехать, товарищ подполковник.

— Как это не хотят, они что, передумали сегодня работать?

— На «Ниве» хотели вернуться обратно, мы их задержали. Направляем к вам — говорят, переждем здесь, зачем, мол, мешать.

— Зачем мешать... — недовольно повторил командир. — Передай мое требование, чтобы немедленно прибыли на станцию!

Дальше произошло неожиданное. Даже подполковник Свиридов, казалось, все продумывающий до последних мелочей, на мгновение растерялся.

Только он закончил разговаривать по радиостанции, как услышал крик лейтенанта Царева:

— Ах ты сволочь!!!

И тут же утреннюю тишину вепокрола длинная автоматная очередь. Ефрейтор Смирнов, несший взрывное устройство к автобусу, резко дернулся и, выбросив впереди себя ящик, растянулся на каменном крошеве.

— Все в укрытие! — закричал Свиридов.

Справа от здания продолжалась перестрелка. На огонь лейтенанта и прапорщика в ответ прозвучало несколько автоматных очередей. Стреляющих не было видно.

Заработали двигатели бронетранспортеров, солдаты быстро прыгнули в открытые люки, и через мгновение из бойниц в готовности выглядывали стволы автоматов.

— Ноль тринадцатый, прием, — взяв в руки микрофон, вызвал подполковник Свиридов.

— Ноль тринадцатый на связи, — послышалось в телефоне.

— Там возле автобуса упал ефрейтор Смирнов. Прикройте его броней со стороны гор. Мы сейчас заберем его к себе. Прием.

— Я ноль тринадцатый. Смирнов жив, он с милиционером прычется за автобусом, — Жив, не ранен?

— Жив, это точно, — сказал майор Теплов.

Ефрейтор Смирнов был жив и даже не ранен. Немного ободрал коленки. Он просто оступился и упал как раз во время выстрела. Поэтому и показалось, что стреляли в него.

Глава девятая

БОРОДЕ даже самому понравилось, как проворачивается дело с подстанцией. Взрывное устройство его парни доставили сюда так, что никто этого не заметил: сторож с одним из боевиков вино дегустировал, техник в это время рыбалкой занимался... Осталась малость: самим определить время взрыва и в последнюю секунду сказать работающим на подстанции, чтоб они уходили отсюда. Так решил Борода: своих убивать он не будет. Если вправду со временем ему доверят пост, то никто не должен потом обвинять его в вероломстве...

Итак, все почти было готово. Но тут вмешались военные. Сначала прощупали ферму — Бороде донесли об этом, — потом над горами болтался вертолет, солдаты нашли пещеру, где он ночевал. Одну из пещер, вернее. Талисман — надо отдать ему должное, нехудую голову на плечах имеет, — настоял, чтоб группа постоянно меняла ночлег.

Но все же одно чувство постоянно преследовало Бороду: ему крепко сели на хвост, за ним идут след в след. Будто кому-то известно, какое задание он получил, в каком районе находится.

Борода не знал, что военные ориентировались по карте и потому усилили контроль за районом подстанции. Ему пришло на ум другое: в отряде есть тот, кто общается противнику все координаты. В своих он был уверен, уже проверены. Значит — проводник. И когда они в очередной раз подошли к подстанции, чтобы поставить на боевой взвод взрыватель, и увидели во дворе солдат и военную технику, Борода подскокочил к проводнику, грозя тому пистолетом:

— Ты их за нами водишь?

Проводник аж побелел:

— Нет, опусти пистолет, докажу, что не я!

Убрал Борода пистолет, а проводник сорвал автомат с плеча и с испугу пустил очередь по солдатам, никто его остановить не успел. Другие боевики, услышав выстрелы, тоже к перестрелке подключились, хотя затевать ее, конечно, было ни к чему.

— Отходим, отходим, — заорал Борода. И уже себе под нос, злобно: — Ну, Сурик, спасибо, дал в помощь идиота. Хорошо хоть то, что тот знал все тропы, быстро увел отряд в сторону от подстанции. Бэтэры вслед не пройдут, от вертедета можно укрыться в скалах, под деревьями. Да и пещер много. В одной из них и сделали привал.

— Что дальше будем делать, а? — спросил Талисман командира.

Борода пожал плечами:

— Ясно, что подстанцию теперь не взрывать. Надо возвращаться. Там дадут другое задание.

— Для этого не надо возвращаться. — Талисман вытащил из внутреннего кармана куртки карту, разложил ее у себя на коленях. — Здесь, — ткнул пальцем, — стоит водозаборник. Я знаю адрес, где мы возьмем взрывчатку. Разрушим плотину и вернемся победителями, а не неудачниками.

Борода внимательно посмотрел не на карту, а на Талисмана:

— Тебя что же, кто-то уполномочил издавать тут приказы и команды? И откуда карта, адреса? И откуда этот тон? Ты не забывай, что старший группы — я, и мы пойдем туда, куда скажу я.

— Мы пойдем взрывать водозаборник, — не меняя тона, перебил его Талисман, складывая карту и убирая ее в карман. — Если операция будет удачной, то вполне возможно, что именно я, слышишь, Борода, именно я буду решать, на какую должность тебя назначить и чем наградить.

— Вот здорово! — Борода вскопчил на ноги. — Я рисковую жизнью, я иду под пули, я провожу теракты, а ты — ходишь в начальниках, да? Как же это получается?!

— Об этом можно как-нибудь после поговорить, — зло и сухо сказал Талисман. — А сейчас — по существу операции: вопросы есть?

— Есть. Насколько я понимаю, водой из водозаборника пользуются армяне. Ты предлагаешь мне устраивать диверсии против своего народа?

— Я предлагаю тебе выполнять приказы центра.

— Да видел я в гробу ваш центр! Одни пахнут, а другие делят должности и хапают деньги! Я сам, сам на трассе людей грабил, думал, действительно для фонда республики пожертвования собираем, а оказалось... Я так и без центра смогу, понял? Был бандитом и останусь им!

— Забудем этот разговор, — натянуто улыбнулся Талисман. — Сегодня нам просто не повезло, вот и распахивались. У меня есть хороший коньяк, предлагаю по десять капель. А потом двинемся к водозаборнику. Нас ждет отличная премия за это, ребята! И еще: выпьем за то, чтоб наш боевой командир быстрее получил высокий чин и стал героем нации. Ни у кого нет возражений по такому тосту?

Глава десятая

ПЕРЕСТРЕЛКА прекратилась так же внезапно, как и началась. Там, откуда били по солдатам автоматы, нашли только россыпь еще теплых гильз. Тропки в горах змеились в разные стороны, и преследования напавших не пред-

ставлялось никакой возможности. Зато просто можно было напороться на засаду и положить людей.

Свиридов доложил обо всем начальству, потом сам пошagal к КПП, туда, где находился персонал подстанции.

Люди сидели в небольшом грязном помещении, тихо переговариваясь между собой по-армянски. Увидев зашедшего военного, замолчали.

— Ну спасибо за теплую встречу, — сказал им Свиридов. — Это просто везение, что я никого из своих тут не потерял. Что же вы делаете?

— Не надо так с нами говорить, командир. — Человек с седой шевелюрой и такими же седыми, пышными усами приподнялся с подоконника, на котором сидел, вышел вперед, словно давая понять, что он старший из работников подстанции. — Не мы ведь стреляли по солдатам.

— А найденное оружие — тоже не ваше?

— Наше, — тут же признался седоусый. — Уток бьем, курочек болотных, как без этого? Посмотрите патроны: там же дробь что мак. Наша вина — что не сдаем ружья, но это другой разговор.

— А мина? Взрывное устройство, которое хранилось в подсобке, тоже для уток?

— Я о ней ничего не знаю. Что за мина? — седоусый осмотрел своих подчиненных, заговорил с ними по-армянски, выслушал ответы, сказал убежденно. — Мои люди ни при чем, честное слово. Ее, видно, занесли сюда те, кого и мы считаем бандитами, а не армянами. Вы ведь судите о людях тоже, надеюсь, не по национальному признаку? А если так, то поверьте, что взрывное устройство появилось здесь без нашего ведома. Вы же не думаете, что мы сами себя взорвать хотели? Лишить себя если не жизни, то хотя бы работы?

— Тем не менее, мина стояла в подсобке, а пули летели в нас.

— Они и в нас летят, — ответил седоусый. — Мы так же страдаем от этой войны, в которой три воюющих стороны.

— Третья — мы? — спросил Свиридов. — Выходит, если завтра уйдем отсюда, все будет проще, понятней и лучше?

— Может быть, проще. Но крови больше будет и ненависти. Не уходите. Повязаны мы все тут одной цепью, только всем вместе и разбираться.

...Уже в бэтэре подполковник Свиридов достал карту, долго всматривался в нее, потом подозвал майора Теплова:

— Вот две чабанские точки, вот водозаборник. Сегодня же к вечеру на вертолете надо забросить туда... когда? Звороно у нас, кажется, пока отдыхает? Для тех, кто придумал «Черное кольцо», эти объекты представляют свой интерес.

...До заката солнца лейтенант Звороно высадился у водозаборника, занял удобные для обороны позиции. На рассвете следующего дня прямо на эти позиции вышла группа людей в камуфляжах, вооруженная винтовками и автоматами. Увидев солдат,

пришельцы открыли огонь. В завязавшейся перестрелке трое бандитов были убиты, остальные четверо ушли. Преследование результатов не дало: рельеф местности сложный.

Свиридов, выслушав полученную от лейтенанта информацию, отметил для себя два плюса: никто из солдат не пострадал, это первое, и остался цел водозаборник, это второе. А вообще-то к водозаборнику шли боевики. Значит, продолжают свою акцию «Черное кольцо». Неужто и потери их не остановят? Эх, заблокировать бы их тут! Надежда на вертолет...

Глава одиннадцатая

ХОРОШО еще, подумал Борода, что из четырех оставшихся в живых никто даже не ранен. Просто повезло. С раненым уйти от преследования было бы почти невозможно.

Он очень боялся сейчас преследования. Из зоны уходил — страха такого не было, а сейчас боялся. Наверное, уже оценил, что такое вольная жизнь, вообще что такое жизнь, когда рядом столько крови и смертей, и ему страшно хотелось быть и вольным, и живым. К черту должности и звания, это все блеф. Люди, с которыми связался Борода, никогда и не захотят прийти к власти, им выгоднее быть в тени — так легче свои дела проворачивать... При помощи таких, как он...

Борода был почти уверен, что он прав в этих своих думах, что его просто дурачат, и сейчас самое правильное сделать одно: начать жить для себя. Конечно, первоначальный капитал нужен, но можно хотя бы того же Сурика почитать, вора, которому такие, как Борода, добывают славу и денежки. Обмозговать все, вернуться и изъять то, что называется «фондом». На десять жизней хватит. Найти потом тихое местечко, где никому до тебя нет дела...

— Вертолет! — крикнул проводник.

Они едва успели забежать в небольшую пещерку, и тут же прямо над их головами засвистела лопастями крылатая машина. Через минуту все стихло.

— Дороги военные, конечно, блокировали, — сказал Талисман. — В населенные пункты выходить нам нельзя. А что жрать? Не кору же с деревьев. Придется заглянуть к чабанам. Проводник, знаешь, как к ним попасть?

— Есть тут недалеко, пасут отару. — сказал проводник. — Но неудобное место. Оттуда только два пути: или вниз, или в горы. Трудно будет уйти, если обнаружат.

— Не обнаружат. Военным ведь кажется, что мы сейчас должны в непроходимых чащобах отсиживаться, логично? У чабанских точек нас искать никто не будет.

Овец пасли двое, старик лет семидесяти и его внук, юноша, которому не было и семнадцати.

Борода теперь больше молчал, и первым заговорил с пастухами Талисман:

— Что, старик, перепугался, увидев людей с оружием, а?

— А чего мне пугаться, — спокойно ответил тот. — Я сам когда-то с оружием был, всю войну прошел, нечего и некого мне бояться.

— И азербайджанцев не боишься, наших кровных врагов, отнимающих землю у нашего народа?

— А, вот вы кто, — кивнул головой старик. — У меня землю никто не отнимает. А азербайджанцы... Я с ними племенными баранами менялся и тутовку пид. Люди как люди.

Талисману, видно, не по душе пришлось услышанные слова, он уже другим тоном заговорил:

— Ладно, не будем лясы точить. Дай нам вина, хлеба, сыра... Что там еще есть? Барашка сами возьмем.

— Есть у меня все. Но ничего от меня не получите. Можете уходить.

— Ты, старый, знай, с кем дело имеешь, — сощурил глаза Талисман.

— Уходите, — так же твердо сказал старик. — Я верю, что вы еще не звери, что не поднимете руку на старика и ребенка, но мое слово твердое: ничего не получите.

— А иноверцев небось угостил бы? Или солдат?

— Они мне не враги.

— Ну смотри, старик, не пожалей.

Талисман, а вслед за ним Борода, проводник и один из боевиков пошли прочь от старика. Но метров через пятьдесят Талисман резко повернулся, вскинул одной рукой автомат и двумя короткими очередями расстрелял старика, мальчишку, а потом послал длинную очередь в овец. Отступил пустой магазин, деловито спрятал его в подсумок:

— И свои бьют врагами, надо быть к ним беспощадными. Борода, скажи, а ты верил, что я действительно не могу обращаться с оружием?

— Я никогда не верил, что мы начнем убивать своих, — глухо ответил Борода.

— Кто не с нами — тот против нас. Не я это придумал, но я эту фразу ценю. И потом, все подумают, что чабана убили азербайджанцы, начнется месть и перестрелка, ведь так? А это то, что нам нужно.

— Для чего нужно?

— Для того, чтоб жить было легче. Да ты не переживай, я, когда вернемся, все так обрисую, что нам и за эти выстрелы денежки отвалят.

— Вертолет! — вновь закричал проводник, обладавший прямо уникальным слухом. — Теперь у нас выбора нет: вверх или вниз, тут больше троп нет.

— Вниз! — крикнул Талисман. — Там трасса. — Военные думают, что мы не решимся выйти к трассе.

— Увидят убитых чабанов — везде постов наставят, как на волков, облаву устроят. — сказал Борода. — Нельзя было себя обнаруживать.

— Не дрейфь, прорвемся.

«Только бы прорваться», — подумал Борода. И впервые пожалел, что ушел из зоны.

А в это время подполковнику Свиридову докладывали о том, что с вертолета увидели расстрелянных чабанов и отару. Свиридов отдавал краткие приказания, глядел на карту и думал про себя: «Теперь-то они не уйдут, не смогут уйти... Если только, конечно, чабаны — дело их рук».

Глава двенадцатая

ЛЕЙТЕНАНТ Королев в НКАО новичок. Автомобилист. Сюда прибыл для того, чтобы доставить к месту назначения три новых уазика с водителями.

Жжет солнце, даже ветерок, врывающийся в опущенное боковое стекло, не спасает положения: хочется спать.

Водитель сидит за баранкой, тоже широко зеваает. Королев оглядывается назад: там плывят еще две машины. Дороги крайние сложные, как бы солдатики не заснули на ходу.

Он смотрит на часы: в часть назначения к обеду все равно не успеть, так что можно сделать привал. Перекусить, на травке полежать, в ручье ополоснуться.

— Выбирай удобное место, — говорит лейтенант водителю. — Привал организуем.

— А может, без него дотянем, товарищ лейтенант? Мрачновато тут.

— Никак боишься, а, Семенов?

— Да ну, — сконфузился шофер. — Я просто к тому, что осталось немного ведь.

— Передохнем, передохнем. А то чувство скорости уже теряем. На что мне — и то кажется, если б на спидометр не смотрел, что медленно едем.

Водитель улыбнулся.

— Какой же русский не любит быстрой езды?!

— Быстрая езда должна быть оправдана безопасностью, — серьезно сказал лейтенант Королев. — Снижай скорость.

Через несколько секунд все три машины застыли в одну линию.

— Семенов, тащи сюда консервы, — крикнул лейтенант.

— Мне нужно машину посмотреть, что-то греется сильно, — недовольно бурчал тот, но с консервными банками подошел к командиру взвода.

— Будет у тебя время. Банки поставь сюда и смотайся за водой, ручей внизу. Ноги не поломай.

Солдат спустился к ручейку, поставил ведро на камень, помыл руки, обдал лицо ледяной водой. А когда собрался уже подняться к машинам, то, повернувшись, увидел перед собой мужчину с черной густой бородой, одетого в камуфляжную форму. На плече висел автомат, так, что ствол был направлен прямо на солдата.

— Ты что испугался, дорогой? — как-то неестественно улыбнулся Борода, опуская ствол автомата. — Нас нечего бояться.

Солдат рассматривал незнакомого собеседника и его спутников, которые показались из-за камней:

— Вы кто такие?

— Мы здесь недалеко живем. — сказал проводник. — Вот, вынуждены охранять свой поселок от бандитов.

— А откуда у вас автоматы?

— Купили, — улыбнулся Борода. — А где твой «калашник»?

— Сейчас принесу, — сказал Семенов, сделал шаг в сторону, но Борода схватил его за руку, резко дернул на себя и потащил за камни.

— Сиди тихо, — прошепел и приставил к груди автомат. — Дружки твои сюда топают. Пикнешь — крышка тебе.

Солдаты спустились к ручью и увидели на камне ведро с водой. Ничего не понимая, переглянулись.

Проводник и боевик подскочили вплотную к военным водителям, приставили им стволы к груди. Повели за скалу. Потом всех связали, оставили с ними проводника, а сами поползли к дороге, туда, где стояли армейские уазики.

Королев, занятый консервными банками, слишком поздно увидел незваных гостей. Потянулся было к кобуре, но Талисман тотчас дослал патрон в патронник, сказал:

— Не дури, лейтенант. И сам загнешься, и солдаты твои тут навек останутся.

— Чего хотите?

— Мало. Покататься. Вместе с вами, само собой. В каждую машину возьмете пассажиров, поедем туда, куда мы скажем. Возможно, это даже по пути. Плата хорошей будет — в живых оставим. Долго не думай, лейтенант, нет у тебя выбора, понял? Солдат твоих уже сюда ведут, так что вставай, садись на заднее сиденье, а Борода — рядышком с тобой. И еще: увидишь над собой вертолет — не вздумай ни тормозить, ни знаки какие ему подавать.

«Так вот чего они испугались, — понял Королев. — КПП на дорогах им не страшны — горами бы обошли эти места, а вертолета бояться и хотят быстрее выйти отсюда».

Расселись, поехали. Борода — в первой машине, с лейтенантом и рядовым Семеновым, проводник и боевик — во второй, Талисман — замыкающим.

Не отъехали и километра, как над головами прошел вертолет.

— Уходит, — радостно вздохнул Борода, но тут же увидел, что «Ми-8» развернулся и опять завис над ними. Тотчас Королев прикрикнул на водителя:

— Семенов, ты что, как пьяный, машину из стороны в сторону бросаешь?

Машина до этого, как казалось Бороде, шла по прямой, но теперь действительно «заплясала».

— С колесом что-то, — сказал шофер.

Глава тринадцатая

— **В**Ы ЗАМЕТИЛИ? — стараясь перекрыть шум винтов, прокричал Свиридову лейтенант Звороно. — Машины поначалу ехали нормально, а теперь головная вилять стала из стороны в сторону. А последняя, третья, вообще остановилась. Тут что-то не то, товарищ подполковник!

— Ищем площадку для посадки, но сначала попробуем остановить уазики. Пусть вертолетчики просигналят.

... — Нам приказывают остановиться, — сказал Королев Бороде. — Не выполним приказ — будут стрелять.

«Не ушел, — подумал с горечью Борода. — Возьмут. А дальше? За побег прибавят... Смогут ли докопаться до остального? Убийство солдата, перестрелка в городе с патрулем... Смогут. На полную катушку раскрутят. Но, может, не дадут «вышку»?»

Уазик остановился, едва не кнувшись капотом в скалу. Борода выскочил на дорогу, еще не зная, что делать: то ли стрелять по вертолету, то ли бежать в горы, то ли поднимать руки вверх. Пришла трезвая мысль: «Я немало знаю, я могу поторговаться за свою жизнь. Эти подонки — они же меня использовали как пацана, потому я их не пожалею».

Он бросил автомат под ноги и уже рассеянно смотрел, как выходили из второй машины проводник и боевик, тоже обреченно швыряли оружие на землю. И еще он отметил, что третья машина остановилась далеко сзади и возле нее стоял только солдат. «Неужто Талисман смог уйти? Нет, тут его догонят, тут не спрятаться!»

Вертолет сел метрах в трехстах от машин, солдаты в краповых беретах уже бежали к ним. Подполковник, сухопарый, выскочил, сразу же направился к Бороде:

— Сколько вас было? Все здесь?

Борода повернулся к третьей машине, поднял руку, чтобы показать, что там — Талисман, и тут прозвучал выстрел. Одиночный и очень точный. Борода без вскрика рухнул на дорогу, а оттуда, от третьей машины, шел к солдатам Талисман, причитая:

— Это он во всем виноват, гражданин начальник. Зверь! Чабана убил, мальчишку, солдата, нас в страхе держал... Я все скажу, гражданин начальник, все! Он заставил меня и из зоны с ним бежать..

«Господи, — подумал Свиридов, глядя на окровавленного человека, лежащего перед ним, — когда же это кончится? Нескоро, наверное, очень нескоро».

Он присел на подножку уазика и пригнулся выслушивать незнакомого лейтенанта с эмблемами автомобилиста, его солдат, бандитов, а перед глазами промелькнула на миг карта с черным кольцом: где стояли еще красные точки?

проблемы,
события,
люди

ВОЗДУХ

ПОРТРЕТЫ В ИНТЕРЬЕРЕ

Бесполезное занятие судить о человеке только на основании нашей осведомленности. Ведь что мы знаем о нем, то в нем и видим — от субъективности не уйти. Благо, обогатившийся в последнее время арсенал современных методов изучения личности позволяет, избежав односторонних оценок, как бы сфотографировать человека. Непредвзято и беспристрастно. Насколько любопытны и поучительны эти «снимки» — судите сами.

Итак, командование части единодушно признало лучшим ротными капитанов С. Верещака, В. Панарина и Н. Сизова*, снимаем...

Устав остался уставом, но...

ЭКСПРЕСС-ИНТЕРВЬЮ С КАПИТАНОМ С. ВЕРЕЩАКОМ:

— Аксиома: чтобы грамотно руководить подчиненными, надо их постоянно изучать. Какими методами изучения пользуетесь вы?

— В основном — индивидуальными беседами: и познавательно, и эффективно. Вот сейчас поговорил со всеми украинцами роты и выяснил, что у них — откровенно чуждые настроения. Вроде поулеглись страсти. Именно беседа помогла мне понять и сержанта Василия Зданюка, прибывшего к нам из ранее советской Эстонии. Поверил парню. Он и в отпуске недавно побывал. Кто-то сомневался — вернется ли? Я не сомневался.

— Итак, беседы!

— Не только. Методом наблюдения, к примеру, я определил пристрастие рядового Монастырева к курению кальяна по восточному образцу. До одури.

— И что!

— На гражданке он яхшался с неформалами, панками,

* Все фамилии из этических соображений изменены.

кажется. Воздерживаюсь от назначения его на службу, держу в резерве.

— А более современные методы, такие, допустим, как анкетирование, социометрический опрос, обобщение независимых характеристик, не пытались применять!

— Они мало что дают. Молодежь не всегда верно оценивает ситуацию, а «ветераны» предпочитают уклоняться от прямых ответов.

— Вы уверены, что хорошо знаете своих подчиненных!

— Могу охарактеризовать каждого — как служит, на что способен, а что не по силам. Но сказать с убежденностью, что хорошо знаю всех, — не могу. Текучка заедает.

— Изменились ли ваши представления о работе с людьми с расширением демократических начал в войсках?

— Нет. Устав остался уставом, дисциплина — дисциплиной.

— В чем состоит самоутверждение командира роты как личности?

— Нужно сразу себя поставить.

— Как!

— Может быть, подчиненных окружить заботой или заставить уважать погонь. А вообще-то я об этом никогда не задумывался: просто честно исполнял свои обязанности.

— Часты ли конфликты с подчиненными!

— Для конфликтов с солдатами и сержантами нет почвы, чему, хочется верить, способствуют постоянная требовательность и строгий спрос за нарушения. А вот с офицерами... Не так давно не ладили с командиром взвода: он отступил от требований устава, я сказал ему об этом, ну и...

— Какими качествами должен сегодня обладать командир роты!

— Главное — порядочность. Она в цене и у подчиненных, и у командиров.

ДАННЫЕ АНОНИМНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА: 55 процентов принявших участие в исследовании уважают капитана Верещака потому, что так велит устав. Чуть более 7 процентов — не уважаю вообще. Остальные отметили, что питают искреннее уважение к офицеру, что называется, по совести. Лишь каждый двадцатый в трудную минуту обратился бы к командиру роты. Столько же признали, что пример ротного может побудить их после службы поступить в военное училище. Больше половины опрошенных заявили, что капитан Верещак не пользуется их авторитетом.

Чуть более 7 процентов солдат и сержантов, выбирая между офицерами, посчитали, что для капитана Верещака интересы коллектива выше личных. Примерно каждый третий сообщил, что никого из офицеров личные проблемы солдат и сержантов не волнуют вообще. Парадоксально, но факт: 96 процентов подчиненных капитана Верещака выразили неуверенность в том, что каждый приказ ротного

справедлив и обоснован. 72 процента опрошенных считают своего командира грубым, заносчивым, высокомерным, выслуживающимся у начальства.

Предложено было на правах старшего группы пойти на ответственное задание с любым офицером роты. Треть указала на командира роты. Около 60 процентов солдат и сержантов считают себя подготовленными для действий в горячих точках, видя в этом в основном заслугу командира взвода. Каждый третий — не готов к службе в экстремальных условиях, считая виновниками своей беспомощности командиров взводов и роты в равной степени.

АВТОРСКАЯ РЕМАРКА: Очевидно, что пристрастие командира к индивидуальным беседам и визуальному наблюдению за подчиненными не дает ему полной картины происходящих в коллективе процессов. Мне после нашего краткого общения подумалось, что Верещак — человек дела, волевой, энергичный, душой болеющий за свой участок, недаром он и у командования в чести. А подчиненным, оказывается, бросаются в глаза и иные его качества, со знаком минус. Конечно, прав командир: устав остался уставом, да, видно, четкой организации строго регламентированной уставами воинской жизни явно недостаточно, чтобы люди видели в тебе не только командира, но и личность. Можно заставить уважать погонь, но как заставить уважать себя!

Первый после Бога

ЭКСПРЕСС-ИНТЕРВЬЮ С КАПИТАНОМ В. ПАНАРИНЫМ:

— Верно ли, что вы, окончив училище с отличием, относительно быстро сделали карьеру на комсомольско-политическом поприще, а затем, словно в омут головой, бросили все и добровольно из главка ушли на роту спецназа...

— Потерял примерно треть зарплаты, очередь на квартиру и приобретаю взамен интересную работу с командировками в горячие точки, — все сходится.

— Не жалеете!

— Я счастливый человек: занят настоящим делом, имею верных друзей и надежных подчиненных.

— Поговорим о последних.

— Для меня они — первые.

— И вы можете с уверенностью сказать, что хорошо знаете их!

— В основной массе — да. Во всяком случае даже теперь, в смутное время политической неразберихи, я убежден, что каждый отпущенный в отпуск обязательно вернется в роту. Даже если его будут удерживать силой. Вырвется.

— Изменились ли ваши представления о работе с людьми с расширением демократических начал в войсках!

— Я всегда говорил солдатам правду в глаза, учил их, преодолевая трудности, выполнять сложные задачи в экстремальных

условиях, чтобы победить и уцелеть. Это мое предназначение как ротного, и никакой политический климат не способен изменить его.

— В чем состоит самоутверждение командира роты как личности?

— Профессионализм — главное. В казарме не самоутверждаются, для этого есть стрельбище, спортгородок, горячие точки, наконец.

— Ваше отношение к общественному мнению, как учитываете его в работе и как воздействуете на него?

— Социологическими опросами и в индивидуальных беседах выявляю «узловые» микрогруппы и подлинных лидеров коллектива, влияющих на общественное мнение. Через них и воздействую на людей, держу руку на пульсе роты. Скажу прямо: э беспринципности меня еще никто не упрекал, но общественное мнение способно изменить мое решение.

— Часто ли конфликтуете с подчиненными?

— Мне вполне хватает конфликтов с начальством.

— Мотивы!

— Как правило, нетрадиционные формы обучения и воспитания, которые я практикую. Представьте себе стрельбище: морозец—крепенький, а рота намеренно—в ботинках. Чтобы никто не стоял на месте. Кстати, вы никогда не пробовали штурмовать здание, захваченное террористами, в валенках?

— Да мне и в ботинках не доводилось!

— Тогда поверьте на слово — себе дороже.

— А командование части, значит, осудило вашу методику?

— Беспokoясь, как бы я не поморозил людей. Однако замерзли наши коллеги-мотострелки, занимавшиеся поблизости в валенках и тулупах.

— Ныне на первый план выдвигается психологическая подготовка. Опыта ее организации мало, да и четкой методики нет. Как вы выходите из этого положения?

— Честно? Путем сплошных нарушений и потому конкретизировать не хотелось бы, сошлюсь лишь на уже известный пример занятий в ботинках (кстати, с собой, на всякий случай, мы валенки прихватили). Без психологической подготовленности в роте спецназа делать нечего. Солдат не должен сомневаться в целесообразности приказа, он обязан думать, как лучше его выполнить.

— О подразделении судят по уровню боевой готовности. Есть ли у вас личная программа повышения боеготовности или вполне хватает действующих приказов и рекомендаций?

— Приказы — основа. А уж строительство на этом фундаменте мы ведем сами. К примеру, широко используем игровой метод. Суть его проста: сержанты командуют несуществующими подразделениями, полностью выполняя за подчиненных весь комплекс мероприятий по боевой готовности.

Один трудится за десятерых. Тяжко. Зато после этого он уже никогда не упустит важного элемента, если подразделение поднимут по тревоге.

— Какими качествами должен обладать сегодня командир роты?

— Личный авторитет и профессиональные знания. Впрочем, одно без другого — немислимо.

ДАнные АНОНИМНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА: Абсолютное большинство подчиненных капитана Панарина уважает его по совести, внутреннему побуждению, а не по предписанию устава. Лишь у двух солдат офицер не пользуется авторитетом.

Каждый шестой признался: пример командира роты может заставить его пойти в военное училище. Более 80 процентов солдат и сержантов, выбирая между офицерами, посчитали, что именно для Панарина интересы коллектива превыше всего.

Все принявшие участие в исследовании уверены: их командир — чуткий и внимательный человек, а его приказы — справедливы и обоснованы. Около 90 процентов считают себя хорошо подготовленными для действий в горячих точках, и более двух третей из них полагают, что в этом — личная заслуга ротного.

Предложено было на правах старшего группы взять с собой на рискованное задание одного из офицеров. Выбор 85 процентов пал на ротного.

АВТОРСКАЯ РЕМАРКА: Приятное совпадение: для Панарина первые — его солдаты и сержанты, крепкие парни в краповых беретах, для них он, как выразился один плечистый спецназовец, — «первый после Бога». Да, смелости командирского мышления, творчества, нестандартности, нешаблонности действий ему не занимать. Признаюсь, мне в беседе показалось, что Панарин крутоват, слишком уж независим, может быть, даже перегибает палку, апробируя на бойцах новые методики. Ну кому, как не самим солдатам, это подметить в первую очередь? Ан нет, в один голос подчеркивают его чуткость, заботливость, радение о делах коллективных. Воистину первое впечатление обманчиво.

Чуткость —

не беседа в курилке

ЭКСПРЕСС-ИНТЕРВЬЮ С КАПИТАНОМ Н. СИЗОВЫМ:

— Ведете ли вы учеты результатов своей воспитательной деятельности или напрочь откристились от всех «бумаг»?

— Почти всегда при себе — блокнот с краткими характеристиками тех воинов, которые меня особенно беспокоят.

— Можете ли с уверенностью сказать, что хорошо знаете своих подчиненных?

— Стопроцентной уверенности нет. Но в рамках уставных требований людей знаю.

— Отличаются ли ваши подходы к работе с солдатами, сержантами разных характеров, темпераментов?

— Не думаю, что подобная градация в подходах реальна для командира роты — слишком много дел. Только нарушение устава заставляло повнимательнее присмотреться к подчиненному.

— Изменились ли ваши представления о работе с людьми с расширением демократических начал в войсках?

— Конечно. Хотя я несколько скептически отношусь к демократизации армейской жизни, но вынужден считаться с реалиями. Раньше было как: отдашь распоряжение, солдат козырнет и пошел выполнять. Теперь нередко исполнению предшествуют, так сказать, наводящие вопросы.

— Как реагируете на них?

— Пытаюсь терпеливо объяснять целесообразность и правомерность своего решения. Пока хватает терпения и времени, конечно. С другой стороны — усилил требовательность, подзакрутил некоторые гаечки. Был у меня рядовой Аньков — неформал чистой воды. Даже отказался участвовать в обеспечении общественного порядка на митинге. Баламутил людей.

— И что!

— Перевели в другую часть.

— Учитываете ли вы в работе общественное мнение коллектива?

— Стараюсь, чтобы мое решение совпало с общественным мнением. Правда, не всегда получается. Иногда интересы службы диктуют свое, а они — первичны.

— То есть, пока общественное мнение не мешает единоначалию, вы с ним считаетесь!

— Совершенно верно. Но если рота решит в воскресный день отдохнуть, скажем, на стадионе, а я, руководствуясь служебной необходимостью, не поддержу коллективное желание, то будет по-моему.

— В чем состоит самоутверждение командира роты как личности?

— Во-первых, надо правильно построить работу с офицерами: прежде объяснить — потом требовать. Во-вторых, быть самому на высоте. В-третьих, личный контакт с солдатами и сержантами. Кое-кто полагает, что ротный слишком далек от солдата по должностному положению. У меня иное мнение: минимум времени — бумагам, максимум — людям: побеседовать в курилке по душам, посостязаться на спорт-городке, поиграть вместе на музыкальных инструментах.

— Часто ли конфликтуете с подчиненными?

— Бывает. Со старослужащими.

— Какими качествами должен сегодня обладать командир роты?

— Профессионализм. Требовательность. Умение вовремя дать слабину подчиненным, понимаете? Не пойти на поводу, а сгладить углы, то есть быть немного дипломатом. И еще — желание охватить.

ДАнные Анонимного Социологического Опроса:

60 процентов опрошенных сообщили, что капитан Сизов не пользуется у них авторитетом. Остальные видят в нем лишь авторитетное должностное лицо, но не личность. Больше половины солдат и сержантов не уважают ротного, несмотря на требования устава. Никто не предполагает в трудную минуту обратиться к нему за советом и поддержкой. Не нашлось также желающих, кого бы пример командира навел на мысль о поступлении в военное училище. Лишь 7 процентов подчиненных капитана Сизова считают, что интересы коллектива для него выше личных. Зато каждый третий опрошенный заявил: никого из офицеров личные проблемы солдат и сержантов не волнуют. Исключение составил один человек, убежденный, что его заботы беспокоят и командира роты.

Около 90 процентов принявших участие в исследовании сомневаются в справедливости и обоснованности приказов капитана Сизова. 7 процентов видят в нем чуткого, внимательного командира, но, увы, 90 процентов отметили грубость, заносчивость и высокомерие офицера. Почти половина личного состава вступала в конфликты с ротным.

Около 65 процентов солдат и сержантов признали себя подготовленными для действий в горячих точках, видя в этом в большей степени заслугу командира взвода и заместителя командира роты. На предложение взять с собой на ответственное задание любого офицера, каждый десятый ответил категорическим отказом. 8 процентов согласились на участие в задании командира роты.

Авторская ремарка: Ситуация, согласитесь, пикантная: насколько Сизов сам критично и подкупающе откровенно рассказал о своей работе, настолько и подчиненные не поскупились на не лестные отзывы. Есть над чем крепко призадуматься командиру роты. Вероятно, не только нарушение уставных требований должно заставлять его «повнимательнее присмотреться» к солдату. Присмотреться можно и без чрезвычайного фювода. Даже совместная игра на музыкальных инструментах и беседы в курилке не спасают. Да и «закручивание гаечек», как реакция на демократизацию, вряд ли укрепляет авторитет командира.

Но, признайтесь, и большинство не всегда право, ибо многого не знает и не видит. Вполне понятно, что солдату невдомом, какая служебная, моральная, психологическая ноша лежит на плечах его командира, отсюда и односторонние оценки. Кроме того, даже позиция большинства может быть субъективной, ошибочной, как это ни парадоксально (случается, и ротз идет не в ногу). И все же — это мнение большинства, тем паче — подчиненного. Отмахиваться не стоит...

Подполковник А. УШАР.

«Незаметный» ВЕСЕЛКОВ

ВЕРОЯТНО, ко всему можно привыкнуть — и к хорошему, и к плохому. Но нужно ли ко всему привыкать, чтобы потом в серой монотонности будней постепенно перестать замечать прекрасные черты в людях, которые нас окружают, перестать им удивляться, а значит, и ценить по достоинству. Единственное, что никогда не угасает в нас, живущих, это естественное желание быть заметным и замеченным самим. А ведь и это право тоже надо заслужить своим безразличием, неподдельным вниманием к десяткам и сотням «незаметных» людей, на которых, по большому счету, и держится мир. И еще, как это ни банально звучит, своей готовностью помочь. Не при случае, а сейчас, немедленно. И бескорыстно. Тогда-то вы убедитесь — произойдет настоящее чудо: человек, казавшийся вам ранее незаметным, вдруг предстанет незаменимым. Таким, как старший прапорщик Веселков.

Уж так распорядилась судьба, что от Юрия с детства востребовались эти качества. Только тому мальчугану живется легко и безоблачно, у которого есть старшие сестры в семье: его редко обходят стороной ласка и внимание. А если старший — мальчик?..

Юрий Веселков был старшим, и почти не знали забот его сестренки Надюшка, Иришка и Оленька. Жили в деревне. Отец с матерью уходили из дому после первых петухов, а возвращались поздним вечером — крестьянская наука не укладывалась в чисто городское понятие «нормированный рабочий день». Тем более, что нужно было поставить на ноги четверых детей. И Юра помогал им чем мог. По сути дела все хозяйство — дом, огород, скот — лежало на его неокрепших плечах. А еще нужно было присматривать за сестрами. И учиться. Оттого и повзрослел рано, что на детские

игры времени не оставалось. Зато везде попевал, все ладилось и спорилось в руках.

Мы понимающе переглядываемся и иронически улыбаемся, слыша иной раз, что отличник деревенской школы не смог поступить в вуз, тогда как «троечник» городского масштаба без особых усилий «прошел по конкурсу»: дескать, знаем мы цену провинциального образования. Знать-то знаем, а вот Юрию от этого было не легче, когда он, гордость школы, призер областных и районных математических олимпиад, остался за воротами политехнического института. Впрочем, Юрий ни в чем не винил своих деревенских учителей — делали, что могли. Сам уклад сельской жизни, от зари до зари наполненный тяжелым трудом, помешал парню осуществить свою заветную мечту — стать студентом политеха. А приемная комиссия, конечно, не приняла это в расчет и не заметила его, незаметного.

Ну а дальше события развивались просто, как по схеме: чтобы не сидеть сиднем на шее у родителей, год слесарничал на заводе, пока не пришла пора военной службы. Кое-кто из приятелей посоветовал: не суетись, мол, Юрок, не спеши армейским ремнем подпоясываться — полное право на отсрочку имеешь. И в военкомате напомнили о возможной льготе. Впустую. Всему свой черед, решил Юрий и уже вскоре оказался в дивизии внутренних войск имени Ф. Дзержинского. В новенькой военной форме, с буквами «ВВ» на погонах, неотличимый от других новобранцев, незаметный в солдатском строю.

Ох уж эти незаметные люди... Без них не обходится ни одно, даже самое незначительное событие, ибо они-то и лепят историю, кирпичик к кирпичику. Но за суетной праздничностью, величавой помпезностью мероприятия остаются в тени. Оно и

148

понятно: не планировал, не готовил, не руководел, а всего лишь участвовал или того мельче — обеспечивал. Кто ж заметит? Вот если бы не обеспечивал — заметили б сразу. А поскольку срочная служба Юрия пришлась на 1979—1980 годы, годы Спартакиады народов СССР и Московской Олимпиады, рядовой Веселков, как и сотни его однопольчан, обеспечивал правопорядок на этих спортивных акциях. И если Спартакиада прошла, что называется, без сучка, без задоринки, и вспомнить нечего: ни тебе надрывных визгов фанов, ни истерик пьяных болельщиков, ни «разборок» поклонников различных клубов, — то Олимпиада надолго осталась в памяти. И не столько единичными антиобщественными проявлениями — с ними можно столкнуться на любом футбольном матче в районном центре, сколько накаленностью идеологической обстановки, всеобщей нервозностью, в которой приходилось нести службу тогда уже старшине Веселкову и его товарищам. Для москвичей и гостей столицы те яркие дни были одним большим и красочным праздником. А ломящиеся от изобилия прилавки магазинов весьма удачно дополняли и подпитывали радость и ликование. Не до веселья было лишь работникам правоохранительных органов, всееннослужащим внутренних войск, поддерживающим общественный порядок. С раннего утра до позднего вечера им твердили одно и то же: будьте на высоте, не расслабляйтесь ни на секунду, ждите провокаций, империализм не дремлет, Москва буквально наводнена его вероломными агентами. Мобилизованный и замаскированный донельзя Веселков смотрел в оба и с удивлением отмечал, что зловец оскалившийся империализм ведет себя как-то сонно, вяло и не в меру добродушно. Вот только, пожалуй, довольно часто иностранцы фотографировали солдат (о чем сразу же предписывалось докладывать по команде). Впрочем, это не расхолаживало старшину Веселкова и его подчиненных. Жесткий пропускной режим, дотошная проверка сумок и личных вещей — и все это вежливо, деликатно, едва ли не с соблюдением дипломатических формальностей. И когда уже все было позади и кто-то сказал — зря, мол, напрягались, никаких ЧП не произошло, Веселков резонно возразил: может, потому и не произошло, что напрягались нешуточно.

Сам он сейчас с доброй, светлой улыбкой вспоминает о своей срочной службе. Признается: вроде не так много годков пролетело, а все тогда было другим — и офицеры, и солдаты. И время, когда труд «человека с ружьем» и в «верхах» ценили, и вокруг уважали. А что может быть приятнее ощущения своей значимости и нужности. Потому и остался. Кстати сказать, Юрий на сверхсрочную. Полагал,

что так будет всегда, в от добра добра не ищут.

Да, будто вчера это было, а уже плохо верится в то, что когда-то служба по охране общественного порядка считалась, скажем так, относительно мирной, и думалось, что с риском и опасностью связана лишь охрана исправительно-трудовых учреждений. Теперь же — наоборот. «Все смешалось в доме...», в том самом доме, который Юрий Веселков, многие из нас еще не так давно считали совершенным и надежным, а ныне со скорбью видим, как он постепенно разрушается, превращаясь в отгороженные друг от друга высокими стенами коммуналки.

Когда такое было, чтобы в Москве едва ли не каждое воскресенье собирались многотысячные митинги, санкционированные и запрещенные, во время которых общественная безопасность нередко балансировала на краю пропасти? Благо, повод всегда был под рукой — выборы мэра столицы, Президента России, поддержка отдельных представителей «большого» и «малого» парламентов, борьба за власть в высших эшелонах столичной милиции... И каждый раз приходилось делать все возможное и невозможное, чтобы не допустить провокаций, подталкивающих москвичей к той грани, переступив которую они незамедлительно превратятся из граждан свободной страны, реализующих свое демократическое право, в огромную хулиганствующую толпу, страшную, неуправляемую стихию. А значит, подлежащую, мягко говоря, нейтрализации. К сожалению, не всегда это с блеском удавалось. Сколько раз приходилось старшему прапорщику Веселкову с подчиненными сдерживать эту улюлюкающую, напирющую массу людей, с искаженными злостью и ненавистью лицами! Сколько плевков и оскорблений довелось перенести терпеливо. Можете представить, что испытывает человек, выполняющий свой долг, присягу, которому плюют в лицо, называя фашистом? Веселков уже представляет.

Дальше — больше. От слов перешли к делу, взявшись за оружие. И появились на телах служивых, вставших неприступной стеной на фронтах межнациональной вражды, первые отметины — следы пуль, осколков гранат и ножей. И полетели в различные уголки агонизирующей державы похоронки.

Старший прапорщик Веселков трижды побывал в горячих точках, всякое повидал. Помнит гнетущую, тревожную неопределенность первой командировки в Ереван в июле 88-го, недобрые взгляды прохожих в ответ на приветливые улыбки солдат. Спустя полгода Юрий снова оказался в Ереване и не узнал этот древний прекрасный город и его жителей: костры на пло-

щадах, выстрелы из-за угла, хулиганствующие молодчики на митингах, акты насилия над азербайджанцами, крики о помощи — всем этим до предела были наполнены дни и ночи патрульной службы. За суточное дежурство изматывались, конечно, до нельзя. Спали прямо в машинах. Юрий хорошо понимал: он и его товарищи — на страже закона и людей, вольно или невольно втянутых в губительный водоворот межнациональной распри. Но не мог понять, кто прав — армяне или азербайджанцы и как долго центральные власти будут пытаться разрешить этот набирающий размах конфликт силой оружия и ценой их жизни?

Командировка в Нагорный Карабах все расставила на свои места. Нет, Юрий так и не ответил себе на трудные вопросы. Напротив, он отрешился от бесплодных попыток уяснить, «кто виноват?..» и «до каких пор?..» — в бою не до вопросов. В бою нужно выполнять приказы. Прежде мелкие, локальные стычки переросли в открытую войну разномастных боевиков друг с другом. Что не мешало ни тем, ни другим время от времени обстреливать заставы и наряды внутренних войск.

Подразделение, в котором Веселков служил техником роты, оказалось аккуратно между двух огней — в Зангелане, прямо на стыке армянской и азербайджанской границ. Условия службы такие, что в пору было братья за голову, раскалывающуюся от мыслей о том, как обеспечить бесперебойную работу автотехники. То моторное масло от жары становилось жидким, как вода, то заклинивало двигатели от перегрева. Никто толком и не знал, как ухитрился Веселков к каждому рейду ставить на ноги, вернее, на колеса автомашины. Однако все знают: его техника подразделения никогда не подводила. Подводили базы, не выделявшие бензин, масло, запчасти. Веселков крутился как белка в колесе, обивая пороги контор местных совхозов и колхозов. В депо доставал тепловозное масло, более жаростойкое, в сельхозмастерских — запчасти. Десятки раз мог нарваться на пулю-дуру, мотаясь по горам от села к селу, — Бог милывал. И техника была на ходу. А застава стояла, обстреливаемая с каждым днем все чаще и чаще...

Действительно ли эта командировка в горячую точку была последней? Трудно сказать. Ныне старший прапорщик Веселков уже старшина роты. Круг его обязанностей настолько широк, что, пожалуй, проще сказать, за какой участок он не отвечает прямо или косвенно. Проблемы, проблемы... Куда от них деться? Не доживают до положенного срока солдатские сапоги, что поделать — сегодняшняя обувь значительно отличается от той, которую делали еще лет шесть-восемь назад. И отнюдь не в лучшую сторону. А подменного фонда

почти нет — думай, старшина. Исчез из продажи подшивочный материал, и стали на глазах таять солдатские простыни — гляди с оба, старшина. Пропали в магазинах утюги, а солдат в измятом обмундировании, тем более на маршруте патрулирования, как бельмо на глазу — крутись, старшина. Подорожали вещи, и одним из самых ходовых товаров на черном рынке стали армейские бушлаты — следы, старшина, чтобы не уплыло на сторону казенное имущество. А смесители, краны, краски, лак, дерево, облицовочный материал, клей?.. Иногда выручают друзья-приятели, а иногда... Сами понимаете, на складах практически ничем не разживешься, и все чаще основой армейского бартера становится всемогущая «сорокаградусная валюта». Это, разумеется, крайний вариант.

А нередко старший прапорщик Веселков приносит в роту необходимый инвентарь из дома. Тихо и спокойно, словно так и надо (узнал об этом совершенно случайно от его подчиненных). Вот ведь как: кто-то норовит из части чужое унести, а «незаметный» Веселков незаметно в часть несит. Может, потому и подчиненных Веселкова без труда отличишь по внешнему виду: форма подогнана, отутюжена, сидит как влитая, погоны новые, и сапоги каши не просят.

А спроси у Юрия, когда его поощряли последний раз, — думаю, не ответит. Еще и удивится: при чем здесь поощрения, не ради них службу правим. И это не поза, это — стиль, характер. И все равно обидно, что о таких вот труягах вспоминают, лишь когда действительно припечет. Миновал аврал — пронесло, и, как в народе говорится, с глаз долой — из сердца вон.

У старшего прапорщика Веселкова двое детей: Славику шесть лет, Марине четыре года. Семья из четырех человек прозябает в девятнадцатиметровой коммуналке с минимумом удобств. Комнатушку эту дали давно, а чтобы не горевал — пообещали не снимать с очереди на получение нормального жилья. И, как это нередко бывает, обманули — перебросили в длиннющую очередь на расширение. Жена Лена уже не верит в то, что когда-нибудь они заживут как люди. А дети растут...

Тринадцать лет прослужил Юрий в войсках. Не лез на глаза начальству, не бросался высокими словами на собраниях, а просто делал свое дело. Честно и незаметно. И очень хочется верить, что все же когда-нибудь вспомнят о нем и ему подобных, которым не довелось перед телекамерами защищать в августе 91-го «Белый дом» или совершить другой, не менее героический поступок. Вспомнят о сотнях людей, «незаметных» и незаменимых.

Лейтенант Д. АНДРЕЕВ.

УКРАИНЦЫ В РОССИИ

ЛЕГКО ругать сегодня Богдана Хмельницкого: чего, мол, старому дурню не жилось в самостоятельной Украине! Только вряд ли он виноват, что триста с лишним лет назад много было желающих владеть ее благодатным черноземом и помыкать трудолюбивым народом. Украинцам и русским нечего было делить — земли вокруг Киева и Москвы, воды и рыбы в Днепре и Волге на всех хватало. Хватало и супостатов, а потому в годину ратную никто анкет не заполнял. Выпей кварту горилки, перекрестись — и сразу видно, что ты за человек. Православный — будешь ворога бить, а если крест слева направо владеешь, католическим ласзутчикам на Сечи конец один. И хотя силы и гордости у Украины много было, понимал Богдан: не уцелеть ей без России.

А вот мне на кого обижаться? На себя, наверное. Но разве я один такой? Никто из тех, кто поступал в военные училища единого и могучего Советского Союза, и представить себе не мог, как повернутся события. И никто из моих земляков-украинцев не просился по распределению подальше от родных мест да близких людей. Кто бы не хотел служить в родном городе? Но вышло так, как потребовалось государству, единой и единственной Родине. Я и в Подмоскowie служил, и на Орловщине, а сейчас вот — в Москве. Все близкие люди — и родители, и брат, и вся родня жены — на Украине. Когда затрещал Союз, когда пошел разговор в газетах и по телевизору, что, мол, самые умные спасутся в одиночку, даже в мыслях не было, что не о Прибалтике речь, а о России с Украиной. Какой же Союз, какое Содружество без наших народов?

Раньше было спокойнее: в любое время, пусть не без очереди, брал билеты и ехал в отпуск. Дети на каникулы зимой и летом, родители ко мне приезжали и, чего стесняться, приблизительно раз в месяц встречался на Киевском вокзале поезд: жена с четырехлетним сыном дома сидит, а на одну майорскую зарплату в Москве только впроголодь проживешь. Посылочку продук-

товую то мать с проводницей передаст, то теща — крепко выручали.

И вдруг границы, визы, таможи, купоны, либерализации, хитрости — кто у кого больше купит и меньше продаст на едином рублевом пространстве. Экономические трудности — понятно. Вместе залезли — вместе и выбираться из ямы надо. Долги поровну — это справедливо. Но в иностранное государство к родителям по визе не наездишься. Не приведи Бог заболит кто, а порядок въезда-выезда когда еще определят? За рубеж не собирался ни разу, знаю только из газет, что отъезжающие в Германию, Израиль, Америку в очередях за визами днем и ночью месяцами стоят. Если же виза понадобится для поездки на Украину, а заодно в Армению, Грузию, Азербайджан — очереди на годы растянутся.

А деньги? Сколько бы мне здесь ни платили, с товарами я не вправо границу пересячь, а рубли мои там, в родном городе на Украине, уже почти ничего не стоят. Приехать же в гости с пустыми руками и питаться с семьей на родительские скудные купоны — согласитесь, как-то не по себе...

А тяжба из-за Черноморского флота? Не знаю, зачем моим родителям или брату флот: если уж выходить из кризиса в одиночку, то, наверное, избыточные военные расходы бюджету ни к чему. Хотя правительствам, наверное, виднее.

На днях увидел в газете карикатуру: коротенький, толстоватый казак — вылитый Кравчук! — с голым торсом и в широченных шароварах сгребает с воды под себя армаду игрушечных корабликов. Удержишь ли, его спрашивают. Не удержи, так хоть понадкусываю, отвечает.

Шутки в быту — сколько угодно, первый смеяться буду. Но если это остроумство в газетах появляется — Сумгаитом начинает пахнуть. И если уж пресса за национальные особенности взялась — пора, думаю, ехать туда, где украинцу приятно слушать анекдоты о всех его национальных достоинствах и недостатках, — на Украину. Ведь рано или поздно все равно понадо-

биться ухаживать за стареющими родителями. Когда запрещают посылки, переводы да поспешно предлагают офицеру прислать еще раз — впечатление такое, словно тебя ножницами отрезают от всех твоих родных. По живому режут и не спрашивают, больно тебе или нет.

Короче, написал рапорт: прошу, мол, перевести меня для дальнейшего прохождения службы на территорию Украины. Пусть его по команде и задумался. Дочь только-только в первый класс пошла, можно сказать, фундамент успеваемости на десять лет вперед закладывается — как я ее сдержу? Квартиру до перестройки полтора года ждал, а сейчас раньше двухтысячного года надеяться не на что. Куда поеду?

Есть в нашем батальоне лейтенанты Игорь Обертайло и Сергей Жосан — они вроде тоже хотели бы служить на Украине. Игорь брал отпуск, ездил домой, в Винницу, наводил справки, как перевестись, чтобы оттуда пришел на него запрос. Вернулся растерянный: с переводом ничего не получается. Чтобы взяли в городское УВД, надо здесь уволиться и там начинать с нуля. Здесь, в Москве, он живет в общежитии, и просвета впереди никакого. В Виннице же родители, с жильем. И если бы в масштабе страны произошла замена — взвод на взвод, рота на роту, батальон на батальон — никто ничего не потерял бы. Если у лейтенанта в Виннице есть где жить, зачем тащить его служить в Москву? Чтобы в Виннице москвич с московской жилплощадью клеил на столбах объявления: «Офицер, занятый по двадцать часов в сутки на службе, снимет угол за любые деньги (тратить все равно некогда и не на что). Гарантирую чистоту, порядок, помощь по хозяйству и оплату вперед»? Или тут циничный расчет: лейтенант в незнакомом городе, без жилья и перспектив на его получение привыкнут, что рота — дом родной, а ночью — комната отдыха командиров взводов? Ни девушки-однокурсницы не отвлекут его от дела, ни родители не возмутятся избытком служебной нагрузки.

А увольняться лейтенанту Обертайло ой как невыгодно!

Спонтанно, под влиянием минутного настроения, разочарования, когда кажется, что тебя разлучают с родиной, можно любой рапорт написать. Потом начинаешь оценивать обстановку более реально: чего я, собственно говоря, добьюсь рапортом о переводе? Здесь, в нашей части, коллектив дружный. Командование меня не отговаривало, а просто предложило подумать, стоит ли спешить с принятием столь ответственного решения.

В самом деле, мало ли кто что обещает, срывая с мест офицеров-украинцев соблазном послужить в частях национальной гвардии! Разве мало квалифицированных специалистов уже служат на Украине? У них уже наверняка есть жилплощадь по

месту службы: во внутренних войсках бывшего Союза. А я куда повезу двоих детей, неработающую жену? Ну, свалюсь родителям как снег на голову — ни работы, ни жилья, ни полноценных денег. Хорошо, что прямые начальники не поторопились дать рапорту ход — пришел и забрал.

Победила вера, что все будет нормально. Не могут два народа поссориться. А если «процессы пойдут», если офицерам придется выбирать место службы по принципу «сгодился, где родился», все равно неразумно срываться с места и очертя голову с двумя чемоданами и раздетыми детьми перебираться через готовую вот-вот закрыться границу. Наверняка политики рано или поздно договорятся о порядке замены офицеров коренной национальности. Например, главы двух республик объявят, что допускается перевод русских офицеров в Российские внутренние войска, а офицеров-украинцев — в Национальную гвардию Украины, квалификация и выслуга лет сохранятся. Но как будет работать механизм такого обмена кадрами? Я больше всего боюсь аппаратно-кадровой возни, проволочек, келейности и секретности. Думается, редакция журнала «На боевом посту» могла бы, пусть даже не бесплатно, взять на себя функции посредника по такому обмену. Например, понадобилось мне перевестись в Национальную гвардию Украины. Я помещаю в журнале или в газете «Ситуация» объявление: меняется двухкомнатная квартира в Москве у метро «Коломенская» на равноценную в Харькове или Дрогобыче и указываю свою должность. Офицеры в этих городах, занимающие равные должности и желающие вернуться домой, связываются со мной через редакцию журнала. Возможно, им нужно не в Москву, а в Воронеж или Владимир. Дело поправимое: журнал и газету ведь и в этих городах получают. Никто в накладе не останется. Заручившись согласием наших непосредственных начальников, мы каждый со своей стороны подаем рапорта, а если надо, и характеристик. Главное, что все вакансии по такому обмену будут замещаться на конкурсной основе, под контролем общественности. Согласитесь, это лучше, чем, написав рапорт, ехать в неизвестность.

Майор Я. ГАРАНДЖУК,
заместитель командира батальона
по личному составу.

От редакции.

Прискорбно, что люди, много лет служившие там, куда их направила Родина, вынуждены перебираться поближе к дому. Мы надеемся, что неопределенность с офицерами некоренных национальностей — явление временное. Если же сбудутся опасения майора Я. Гранджук и встанет вопрос об организованном перемещении желающих к новым местам службы, мы постараемся сделать все от нас зависящее, чтобы установить контакты между теми, кто надеется на «прямоку замену».

НАШ АДРЕС:
107120, Москва,
Сыромятинский
проезд, 8,
редакция журнала
«На боевом посту»

Обидели до слез

Обидели меня в родных внутренних войсках до слез, до полного нежелания служить дальше... А служить так хотелось, и главное — знаний, сил было достаточно. Так получалось, что часто приходилось выполнять функции заместителя роты, или, как теперь называют, заместителя по личному составу. А в феврале прошлого года командир прямо предложил мне выполнять эти обязанности. И в подразделении, и на сборах, и всюду я считался в этой должности. Кроме денежной ведомости. Куда ни обращался, старшие командиры обещали разобраться, и так до тех пор, пока в августе не прибыл на эту должность новый человек. А меня, не объяснив причин отстранения, вновь назначили контролером. Горько стало за такое наплевательское отношение, и в беседе со старшим начальником выразил желание уволиться. А в ответ услышал: «Подписка кончается через год, а уволиться сейчас можно только по служебному несоответствию». Вот так! 11 лет службы, множество поощрений, медаль «За отличие в воинской службе» II степени, юридическое образование, курсы повышения квалификации при ВПУ — и вдруг служебное несоответствие!..

Зачем вам пишу? В надежде, что когда-нибудь сдвинется с мертвой точки решение об отмене давно устаревшего законоположения «О порядке прохождения службы...» и можно будет наконец уйти по собственному желанию, коль скоро не нужны в войсках старательные работники.

Прапорщик Н. МАКСИМЕНКО.

Зачем телеге пятое колесо?

Помогите уволиться из войск! Служить категорически не желаю. Хотя начало моей службы после окончания военного

училища в 1990 году было неплохим: быстро освоился, подразделение было на хорошем счету. Но вскоре мои взгляды на службу изменились, особенно в связи с последними событиями в стране. Я понял, что пользы в армии не принесу. И вот, не желая быть пятым колесом в телеге, в июне 91-го года подал рапорт об увольнении в запас. Волокита с увольнением длится и по сей день.

Да, я не отрицаю: чтобы уволиться, стал на путь нарушений. Опоздания и неявки на службу, иногда после подписки. Словом, старался испортить себе характеристику. Были беседы с начальниками, были собрания офицеров, суд чести. Все получилось как надо: и постановление офицерского собрания, и решение суда чести сводились к тому, чтоб уволить меня из войск, а характеристика теперь у меня была такая, это и в тюрьму не прижмут. Оставалось ждать приказа. И вот он пришел: снизить в звании на одну ступень «за халатное отношение к служебным обязанностям». Ну почему?! Ведь я против внутренних войск ничего не имею, но мне в них не место! Написал еще один рапорт. Так теперь обещают завести уголовное дело за систематические неявки на службу. Но если я не желаю служить, хочу уйти из армии, что ж мне, нужно срок отсидеть за это?!

Младший лейтенант И. ПЛОТНИКОВ
Управление внутренних войск
по Западной Сибири.

ОТ РЕДАКЦИИ. Вот такие письма почти одновременно оказались в редакционной почте. В каждом вроде бы сугубо личная судьба, частный случай, так сказать. И в то же время судьба войск, их самый больной вопрос — кадры!

К сожалению, не в компетенции редакции разрешить такие проблемы. Мы можем лишь поставить в известность о подобных «частностях» командование. На письмо прапорщика Н. Максименко уже получен ответ за подписью генерал-майора В. Литвинова: в результате личной неисполнительности майора А. Горбачева и бесконтрольности со стороны подполковника В. Особа не был отдан соответствующий приказ, но сейчас вопрос о выплате

денежной надбавки Н. Максименко решен. Однако оснований для увольнения прапорщика «в настоящее время не имеется». А обидели человека в общем-то не тем, что денег не заплатили, а тем, что попросту не заметили его старания, ответственности на работе, его увлеченности службой.

Ну, а исповедь младшего лейтенанта мы никуда не послали на рассмотрение. Ведь и так ясно, что служить достойно он ни при какой погоде все равно не будет. Но и войскам он с таким-то настроением тоже не нужен.

Сколько можно терпеть?

Я, ваша постоянная читательница, не пропускаю ни единого номера. В последнее время все чаще и чаще на страницах вашего журнала стали появляться очерки, репортажи о наших солдатах и офицерах, выполняющих службу в горячих точках. Поэтому со страхом открываю очередной номер: неужели опять кто-то погиб, ранен? Вот и в № 10 за 1991 год прочитала статью полковника П. Студеникина «Заложником можно взять каждого из нас», статью, написанную с болью в душе. Действительно, сколько можно терпеть военным унижений, оскорблений, бед? Они, наши защитники, становятся мишенью противоборствующих сторон, боевиков, у которых потерял человеческий разум. Почему должны гибнуть молодые парни? И почему они не могут достойно ответить, применить оружие, которое им доверила Родина для защиты себя и своих сограждан? Политики, развалившие Союз, не могут защитить честь и достоинство своих солдат. Удивляюсь выдержке военнослужащих внутренних войск.

У меня много знакомых офицеров войск МВД, молодых, недавно окончивших военные училища. Я не хочу, чтобы в них стреляли, чтобы их убивали боевики амбициозных политиков, решивших заняться перекройкой границ, геноцидом народов-соседей.

С уважением к журналу и всем воинам внутренних войск И. ГАГЛОЕВА.
Северная Осетия.

Новости-то нынче недешевы!

Вот уже 15 лет выполняю должность начальника планового караула. Раньше, когда газеты стоили копейки, мы покупали их на останках повезда, не задумы-

ваясь, кто нам будет оплачивать потом расходы. Но теперь... По 12 суток бываем в поездке, а новости-то нынче дорогие — меньше рубля одна газета не стоит, накладно свои кровные тратить. Наш финансист майор В. Стелюков на мой вопрос сообщил, что есть приказ, по которому можно за сутки купить на караул 1 центральную и 1 областную газету по 1 р. 20 коп., и обещал оплачивать расходы. А когда я прибыл, уставший, из командировки, началось: напиши рапорт или акт, пойдй к начальнику подпиши (а начальства нет на месте), потом принеси мне и т. д. и т. п. Знаю, что в других частях сдают начальники караулов командировочные удостоверения и им числятся сразу без всякой волокиты расходы на газеты... Ну есть ли необходимость тратить бумагу, время, нервы людям, и без того уставшим? Ведь с такими пустяковыми в общем-то вопросами у начальства время отнимать просто совестно. И хороший приказ надо выполнять творчески, а не по-бюрократически. Может, подумают об этом офицеры по работе с личным составом?...

Прапорщик Н. МУКОВОЗ.

Чтоб не скучала молодежь

Я хочу посоветоваться со своими коллегами по службе вот по какому делу.

После жаркого Еревана, где нам скучать было некогда, попал служить в более холодные места, в лесное подразделение. Поразило однообразие, бедность солдатского досуга, просто некуда деть себя в свободное время. Стремлюсь как-то скрасить наши тоскливые, монотонные вечера и выходные. Есть у нас, правда, видеоманитофон, подарил в свое время один добрый человек, кассеты, тоже по доброте душевной давал местный житель, да уехал он. Листал я как-то наш журнал и наткнулся на заметку «Видео в солдатском клубе». Говорят, есть кассеты о событиях в горячих точках, были слухи о создании киностудии на базе ВПУ... А мне так нужно показать своим солдатам, как несут службу их товарищи в других регионах СНГ! Может, где-то снимают и учебные фильмы на нашу тематику? Не сомневаюсь, что налаженная система заказов и доставки таких фильмов не только разнообразила бы досуг солдатский, но и помогла бы улучшить качество подготовки к боевой службе. Хотелось бы знать о работе с видеофильмами в других подразделениях войск, а также что об этом думают в управлении по личному составу.

Капитан В. ПОМАСКИН.
Приволжское управление
внутренних войск.

ДЛЯ ДУШИ, А НЕ ДЛЯ «ГАЛОЧКИ»

Культпросветработа: реформа назрела

Наконец-то начался разговор о культурно-просветительной работе в войсках на страницах нашего журнала. Честно говоря, он назрел давно — проблемы, о которых шла речь в публикации капитана С. Немасева «По остаточному принципу» (хорошая, к слову, деловая статья, мне понравилась), не новы. Они «выпирают» в нашей жизни, мешают людям, делу, которому мы служим. Но увидеть, обозначить их — еще полдела. Их надо решать. Как?

Во-первых, считаю, что подготовку офицеров-специалистов нашего профиля для войск лучше все же продолжать именно в стенах специализированных военно-учебных заведений, а не в ВПУ, как предлагает капитан Немасев. Там имеется накопленный годами опыт культурпросветработы, солидная материальная база. Другое дело, что для понимания курсантами специфики предстоящей работы спецкурсы будущим начальникам клубов должны читать офицеры-культурпросветработники из войск. Как из конвойных, так и из оперативных частей — согласитесь, там есть свои особенности.

Во-вторых, наверное, хватит путать святое с праведным — культуру с политикой. Культура есть культура. Она имеет глубокие народные, национальные корни, основана на общечеловеческих ценностях. Мы же все это подчиняем каким-то господствующим в определенный период политическим течениям, догмам. Почему, скажите, надо было причислять начальника клуба к политработникам? Правильно ли это? Руководить культурой, указывая ей «пути истинные», — бесперспективное и даже вредное занятие.

Перестраивать культурно-просветительную работу значит менять не только «заскорузлые» формы и методы, но и ее направленность, ставить перед ней другие задачи.

По-моему, эта работа должна прежде всего способствовать снятию морально-психологических нагрузок с военнослужащих (особенно в период командировок в горячие точки), привитию эстетических вкусов, развитию творческих способностей. Клубная работа должна быть для людей, для души, а не для «галочки».

В-третьих, об организации и координации КПП. Они должны быть не дилетантскими, а профессиональными, иметь свой четкий стержень, систему. Скажете, что так оно и есть? Ничего подобного! Кому в полку подчиняется начальник клуба? Чем занимается? Ответу: на практике кому угодно и чем угодно.

В управлении соединения инструктор — тоже специалист широкого профиля. Да и в управлении войск региона люди, на мой взгляд, больше всего обременены идеологическими функциями.

Получается, что вроде бы и есть у нас начальство, но постоять за тебя в нужный момент некому. Проконсультироваться тоже не у кого — один «узкоспециализированный», другой — «широкопрофильный» специалист.

Убежден, назрело время создать в войсках отдел культурпросветработы, который осуществлял бы разработку мероприятий, конкретных рекомендаций клубам и Домам офицеров, занимался бы вопросами подготовки и подбора кадров на работу в клубы и библиотеки, обобщал опыт, устанавливал связи с художественными коллективами культурных центров страны, с отдельными исполнителями, чтобы в любой момент можно было пригласить артистов.

Это, конечно, благое пожелание. А что получается пока в действительности? Часть, где служу, два года выполняла задачи в зонах межнациональных конфликтов. Кто нам помог в решении вышеперечисленных вопросов? Никто! Даже в Афганистане находили возможность привезти к личному составу артистов. Но там ведь с ними кто-то договаривался, кто-то держал на контроле такого рода вопросы. В горячих точках до нас никому по сути дела не было...

В-четвертых, приобретение и списание культурпросветимущества. Не я первый, наверное, обращаюсь к вам по этому поводу. Люди, товарищи, приказы сочиняющие и подписывающие! У кого из вас дома аппаратура работает на балконе и под брезентом, кто из вас по 5—10 раз на дню передвигает ее с места на место? Кто из вас, мотаясь по стране в поездах и самолетах, на машинах (отнюдь не легковых), таскает за собой магнитофоны, приемники, телевизоры, киноаппаратуру? У кого все это работает под дождем и на солнце? Сколько в таких условиях техника может выдержать? Ну, два, ну, три года, но ведь не 6 лет! А именно такой срок установлен у нас.

Реформа ой как назрела — пора браться за нашу культурно-просветительную работу капитально, потому как хлам на ниве нашей не дает жизни молодым, зеленым росткам. Пахать и расчищать ниву нашу надо.

Старший лейтенант В. КРАВЧУК,
начальник клуба части.

В очерке рассказывается о младшем лейтенанте Петре Кузьмиче Гужвине, командире взвода 276-го стрелкового полка войск НКВД, закрывшем грудью вражескую пулеметную точку. Звание Героя Советского Союза присвоено П. Гужвину 31 марта 1943 года [посмертно].

АТАКА НА РАССВЕТЕ

ЕДВА младший лейтенант Петр Гужвин вышел из рощицы, как услышал чей-то крик: «Воздух!». Но до сознания не сразу дошел смысл опасности — Петр был возбужден и в мыслях уже находился во взводе, подбирая слова, чтобы рассказать бойцам о партийном собрании, поселить такую же необоримую уверенность в успехе завтрашнего наступления, какую сейчас испытывал сам.

— Товарищ младший лейтенант! — снова окликнули его. — «Воздух!»

Гужвин оглянулся: за ним бежал боец его взвода Никита Фабричников, который тоже возвращался с собрания.

— Успеем? — спросил его Петр, кивая на каменистый косогор, отделявший их от позиции взвода.

— Кажись, успеем, — неуверенно ответил Никита, оценивая взглядом косогор. — Нам бы вон до той сушины добраться, а там по кустам — и дома.

Они побежали, прыгая по остросеребрым камням, к свалившемуся от бури дереву. Плашмя упали по обе стороны ствола. И вовремя. «Мессеры» на бреющем полете заходили на косогор. Пара истребителей щедро осыпала траншеи 11-й роты пулеметными очередями. Петр вскинул глаза: шла в пике вторая пара самолетов.

«Видно, не скоро мы выберемся отсюда, — прикинул он. — Как там во взводе без меня?» С другой стороны мшистого ствола потянуло крепким самосадом.

— Закурите? — спросил Никита и положил темно-синий кисет поверху дерева. Петр не ответил, молча вернул кисет хозяину.

Истребители совершали заход за заходом. «Почуял фашист, что собираемся выбивать его, вот и пытается припугнуть нас. Не выйдет! — Петр усмехнулся про себя. — Так завтра жажнем, что немцы пятки смазать не успеют!»

Приподнятость настроения не смогли остудить даже камни, густо разбросанные по слегка промерзлой земле и неприятно холодившие тело.

— Никита! — задорно поддразнил бойца Гужвин. — Смотри не шибко к земле прижимайся, брюхо примерзнет, так тут и останешься.

— Ничего! — не приняв шутки, ответил Фабричников. — Не примерзну. Я к морозу привычный. — Помолчал. Через минуту спросил озабоченным тоном: — Гужвин, а ведь и впрямь после войны придется туго. Как думаешь, заживем мы после нее так же, как прежде? Вот моя Авдотья пишет, что колхоз совсем обезмужичел, все на бабьих руках держится.

Никита с неприкрытой горечью перечислял беды родного сибирского села.

Петр понимал, что боец не жалуется на неожиданно нахлынувшие беды, а просто хочет облегчить душу — не будешь же во взводе, среди молодых солдат, показывать свои болячки. Иное дело поговорить с Гужвиным наедине, благо, сейчас такой случай представился.

Отношения между Гужвиным и Фабричниковым складывались не совсем обычно, как принято между командиром и подчиненным.

До войны Петр успел два года отслужить на границе. Подумывал остаться на сверхсрочную.

Война спутала все планы, и теперь Петр жаждал только одного — мстить ненавистному врагу. Об этом горячо говорил коммунистам, когда его принимали кандидатом в члены ВКП(б).

— Если у меня останется сил только на один шаг, то, поверьте, я его сделаю вперед — на врага...

Его направили на курсы в военное училище. Затем — в 276-й стрелковый полк войск НКВД. Приняв взвод, младший лейтенант Гужвин увидел, что почти все бойцы молодые. Даже отец семейства Никита Фабричников, на которого политрук роты посоветовал Гужвину обратить внимание как на самую надежную опору, вызвал некоторое разочарование.

В ТО ВРЕМЯ полк энергично готовили к предстоящим боям. Занятия прерывались только для приема пищи и сна, который нередко нарушала команда, и рота вновь выходила в поле, решетила мишени. Вскоре Гужвин убедился, что молодость — не помеха бойцам: они с завидным упорством готовили себя к жестоким боям. Командир полка с удовлетворением отмечал взвод Гужвина, советовал другим офицерам поучиться у молодого командира.

Петр и сам видел, что его бойцы быстро приобретали боевые навыки. Вот только Никита Фабричников никак не мог освоить строевую подготовку. Высокий, нескладный, он до того нелепо выполнял строевые приемы, что товарищи давились от смеха. Правда, от шуток воздерживались. Зато никто лучше Фабричникова не мог ориентироваться ночью, бесшумно снимать часового, ползать под проволочными заграждениями. А когда взвод обкатывали танками, Никита проявил такую выдержку, что даже те, кто успел побывать на фронте, удивились: железные нервы у сибиряка...

— Петр Кузьмич, — снова задал свой вопрос Фабричников, — как думаешь, сможем мы быстро подняться на ноги после войны?

— Безусловно, — уверенно ответил Петр. — Даже еще лучше заживем.

— Я тоже так полагаю, — ответил Никита. — Ты не думай, что я спрашиваю будто из-за неверия. Просто вспомнилась моя таежная жизнь — уж больно слезливое письмо Авдотья написала, а у кого бабе крепости набираться, как не у мужика!

Петр, все это время прислушивающийся к натужному реву «мессершмиттов», насторожился, уловив звуки других моторов. Привстал на колени: шестерка резвых «ястребков» стремительно приближалась со стороны гор. Фашистские истребители торопились уйти за косогор.

— Ну что, поднялись? — вставая, спросил он Никиту. — Вот и поговорили по душам, а то все про службу да про службу, — хитровато подмигнул бойцу. — Оказывается, не напрасно мы с тобой здесь отлеживались, разве во взводе нашли бы время вот так спокойно потолковать о жизни.

Отряхиваясь от колючей стерни, они быстро зашагали в расположение роты.

— Сейчас соберу сержантов, — перешел на официальный тон Гужвин, — а вы обойдите комсомольцев, расскажите им о нашем собрании. Резюмируйте помните? «Идти в первых рядах. Обеспечить высокий темп наступления». А главное, объясните, что взвод будет наступать на господствующую высоту. От нас зависит успех всего полка, — и сказал уже тише: — О нас, коммунистах, говорить нечего — покажем себя в бою.

...Петр не заметил, как угас день, как утомонился стылый ветер и как на внезапно сделавшемся чернильном небе высветились первые звезды. Хотя Петр был уверен, что ничто не упущено в подготовке к наступлению, все-таки на душе было беспокойно. Наверное, сказывалась та важная роль, отведенная взводу: кратчайшим путем, вдоль змеистого русла, оставленного то ли камнепадом, то ли ручьем, достичь вершины сопки и закрепиться на ней.

Петр посмотрел с косогора вниз, туда, где стояла группа домов, носившая название «Шестой километр», но ничего не увидел — ночь все накрыла темным крылом. Почти одновременно справа и слева по траншее послышались шаги. Ослепленный на миг своим же фонариком, Петр напряг зрение, но так и не смог разобрать, кто подходит к нему.

— Товарищ младший лейтенант, ужинать будете? — он узнал голос Фабричникова.

— Спасибо, пока не хочется.

— А вот это напрасно! — раздался с противоположного конца траншеи спокойный баритон. — Перед боем следует сил набираться.

Петр вытянулся: перед ним стоял командир полка полковник Бобраков.

— Был я сейчас на левом фланге вашего взвода. Что хочу сказать — по всему видно: готовы люди драться. Чувствуется, надоело им отсиживаться в обороне. А главное — настроение у всех бодрое. Значит, уверены в себе и в командире. — Полковник подошел вплотную к Петру, словно пытаясь в темноте взглянуть ему в глаза, произнес уже мягче: — Вижу, озабочены вы, Гужвин, завтрашним днем. Но что могу посоветовать? Такая уж доля командирская — все время думать о своих недоделках, искать их. Разве не так?

Петр согласно кивнул, зная, что Бобраков имеет привычку задавать собеседнику вопросы и сам же на них отвечать.

— Конечно, так! — воскликнул Бобраков. — Впрочем, я слышал, что у Гужвина на всякое дело свое мнение. Что ж, это неплохо. Суть в другом: надо, чтобы оно на пользу шло, как говорится, в общий котел. Да! Потерь от «мессеров» нет? Это хорошо. А вот в десятой роте поленились закопать поглубже...

Полковник замолчал, подняв глаза на сопку, откуда изредка постреливали и че-

рез равные промежутки пускали осветительные ракеты.

Комполка не стал продолжать разговор, чем обернулись для 10-й роты мелкие траншеи, — чувствовалось, что ему об этом неприятно говорить. Он коснулся ладонью локтя Гужвина, крепко пожал его и, быстро отпустив, зашагал по траншее. За ним беззвучно двинулись два человека, которые пришли с Бобраковым и все время неподвижно стояли поодаль.

Петр чутко вслушивался в удаляющиеся шаги командира полка, и, когда они совсем затихли, устало откинулся на стенку траншеи. Никита продолжал стоять с пустым котелком, потом повторил свой вопрос:

— Ужинать будете?

— Буду, — успокоил его Петр. — Только не сейчас, — он резко выпрямился, попробовал было зашагать по траншее — два шага вперед, два шага назад, — чтобы успокоить себя, собраться с мыслями, но, наткнувшись на округлые, невидимые сейчас выступы камней, остановился.

— Верно сказал комполка: «Такая уж доля командирская — все время искать свои недоделки». А я-то все маялся, думал, что чего-то недоделал, недосмотрел. Оказывается, так должно и быть...

— Может, это и так, — отозвался Фабричников. — У нас в Сибири говорят: правда, что масло — всегда наверху. Вот полковник прошел по взводу и увидел что к чему. Зря, значит, беспокоились.

— Нет, не зря. Одно дело наступать по ровному месту, другое — лезть вверх: здесь ты у противника как на ладони. Петр снова ушел в свои мысли о сопке, о предстоящем штурме...

СОН одолел Гужвина, едва он оказался в землянке.

Утомленный дневными заботами, возбуждением — наконец-то и они начинают бить гитлеровцев! — и крайне ответственной задачей, возложенной на его взвод, он спал крепко, без сновидений.

Проснулся так же внезапно, как и подался сну. Хотелось есть. В землянке, освещая ее неровным, колеблющимся светом, горел фитиль, торчавший из сплюсненной по краям сорокапятимиллиметровой гильзы. Кто-то, прерывая разговор почти беззвучными стенаниями, тихо сетовал:

— Шайтан выдумал эту мину! Бабахнет вроде далеко от тебя, а железо летит по всей траншее. Как водопад весной — не знаешь, с какой скалы падает! Вот меня и задело.

По неумеренным восклицаниям бойца Петр сразу узнал Асхаева. Молодой красноармеец, родом из этих мест, он удивлял всех снайперской стрельбой — верно говорят, что у горцев орлиный глаз. Теперь же, с забинтованным лицом Асхаев был больше похож на неумело спеленатую куклу. Конечно, стыдился своего вида, до шеи пунцозел, когда санитарка Нина мягко, но настойчиво допытывалась, какой врач от-

пустил его в роту. Днем его отправили в медсанбат, а он, оказывается, снова во взводе. «Сбежал, видно», — рассеянно, с каким-то успокоением подумал Петр.

— Только ты, Нина, на меня командирю не жалуйся, — бормотал Асхаев. — Ты, женщина, рассуди, могу ли я лежать в санбате, когда завтра мы пойдем на высоту? Джигит не должен — как это у вас? — отсидеться в кустах. Так?

— Отсидившись в кустах, — со смешком поправила его Нина. Глубоко вздохнула, сказала мечтательно: — А у меня сегодня день рождения, — снова вздохнула. — Ребята целый пир устроили. А Кузьмич даже цветы подарил. Если бы ты знал...

Петру стало неловко за свое неожиданное пробуждение: речь шла о нем. Днем, узнав от бойцов, что у Нины день рождения, он, поддавшись мальчишеской удали, выскочил на кособор — туда, где никто не ходил из-за опаски быть подстреленным, — и сорвал несколько бессмертников. Выскокил потому, что знал: сейчас у немцев время обеда, и они даже на наш огонь не огрызаются. Покашливая от смущения, вручил цветы Нине и вдруг поразился ее взгляду, смутился ее внезапно широко раскрывшихся и с непонятной надеждой вспыхнувших глаз.

Он деланно кашлянул, повернулся на бок. Помедлил, встал.

— Товарищ младший лейтенант, — отставив к стене винтовку, которую держал меж колен, засуетился Асхаев. — Вот тут каша с тушенкой, — он пододвинул Гужвину холодный котелок. — Ники... то есть Фабричников принес вам. А здесь мясо — старшина сказал, что это командирский паек.

Санитарка приснула в рукав шинели. «Оставила от своего праздничного стола, — решил про себя Петр. — Какой сейчас командирский паек? Подвоза продуктов вчера не было».

Резко опершись на руки, сел. Отодвинул котелок. С хрустом круша жесткие хрящи — конина недоварилась, хотя ее готовили полдня, — стал жевать мясо. Спросил:

— Как там?

— Туман, — быстро ответил Асхаев. — Густой, как молоко кобылы, только холодный, как... — он не нашел сравнения и что-то сказал по-осетински.

— Ну ладно, хватит полуночничать, — стараясь не замечать теплый, не к месту нежный взгляд санитарки, заключил Петр. Он поднялся, сильно дунул на коптивший фитиль, одернул из-под ремня дяинную шинель и вышел из землянки. Ему трудно было говорить с этой девушкой-сержантом, чей взгляд он часто ловил на себе, трудно было отвечать на ее вопросы — о Волге, о довоенной жизни, — потому что за ними он улавливал нечто большее, чем простое любопытство.

Туман, в который он окунулся за порогом, вернул его к действительности. Мысли сразу потянулись к предстоящему бою. «Удержался бы туман до утра. Тогда легче было бы подойти к вершине... А рот-

ный все же прав: у фашистов где-то еще укрыт станковый пулемет. Почему же они раньше, до сегодняшнего дня, его скрывают?»

Припомнился налет «мессеров», их быстрое ретирование при появлении «ястребов». Воспользовавшись этим, соседняя рота попробовала было неожиданно подняться с обратной стороны вершины — и вдруг заработал второй пулемет. «Где он?» — с ожесточением ругая себя и разведку, ломал голову Гужвин.

Он обошел траншею, побывал на обоих флангах взвода. Охранение было на своих местах. Нехотя он направился в землянку и сквозь дрему перебирал в памяти сделанное за день, томительно дожидаясь рассвета.

К УТРУ туман не рассеялся, и это укрепило в Гужвине веру в успех боя. Артподготовка была непродолжительной: сказывались трудности с боеприпасами. Еще не затихло в горах ее эхо, еще где-то далеко-далеко глухо отзывались на взрывы ущелья, а Гужвин уже подал по цепочке команду приготовиться к атаке.

Уперевшись ногой в специально отрытое углубление и весь подобрившись для броска, он плотно прижимал к уху телефонную трубку, словно боялся, что не расслышит в нужное мгновение приказ, промедлит с атакой. И едва в трубке раздалось «Вперед!», Петр вскинул тело над бруствером, сделал отмахку рукой и рванулся в туман.

Справа и слева от него слышалось прерывистое дыхание бойцов, кто-то спотыкался, падал и тут же быстро поднимался, чтобы не отстать от товарищей. Огня пока не открывали, чтобы отдалить, отодвинуть на максимально возможное время те минуты, когда по цепи ударят с высоты из всех видов оружия.

Петр шел по едва заметному руслу ручейка, которое долго изучал накануне в финокль. Где-то на полпути к вершине туман рассеялся, и по зимнему скупое солнце высветило наступающих бойцов из белой пелены. Траншеи противника оцетинились очередями, ударили легкими минометами.

Петр ящерницей нырнул в расщелину, удобнее перехватил автомат и пополз вверх, где с пугающей монотонностью строчил станковый пулемет. Когда он оказался рядом с крупным валуном, пулеметчик заметил Петра и длинной очередью заставил его распластаться. Свинец крошил камень, не давал Петру поднять голову.

Он замер. Лежал, казалось, целую вечность, ожидая, пока фашисты посчитают его убитым. Вздрыгнул от прикосновения. Скопил глаза: санитарка, бледная и растерянная, дергала его за полу шинели:

— Жив?

Он ответил ей, пытался даже ободряюще улыбнуться. Пододвинувшись чуть в сторону, освободил ей место за валуном, с жаром вздохнул:

— Держи автомат. Я обойду пулемет справа. А ты попугай их.

Быстро перемахнул через валун, скатился снова к ручью и пополз вперед. Оглянулся на Нину, сделал ей знак рукой. Высунув из-за укрытия ствол автомата, она, не целясь, выпустила несколько судорожно-коротких очередей. Пулемет тут же отозвался, исполосовал камень, словно свинцовой плетью.

Петр перевернулся на спину, достал две гранаты. Глубоко, словно перед прыжком в бездонный омут, вздохнул, затаил дыхание и ровно, как будто лежал не перед вражеским окопом, а перед фанерной мишенью, взмахнул рукой. Граната угодила точно в пулеметный расчет. За ней последовала вторая.

Гужвин вскопчил, в два прыжка оказался в траншее. Оскалившийся, с меловым лицом гитлеровец навел ему в грудь автомат, но сухой пистолетный щелчок опередил его. Петр еще несколько раз выстрелил из ТТ в глубину траншеи. Успел заметить, как второй автоматчик неуклюже сполз на дно траншеи.

Теперь можно было перевести дыхание, снова собраться с силами. Высунулся из-за бруствера: бойцы лежали цепью, метрах в двадцати ниже него.

Разглядел нескладную фигуру Фабричникова: тот приподнялся, оглядывая взвод. Петр понял, что сейчас Никита подымется во весь рост и громыхнет басом: «За Родину!»

Никита действительно поднялся, вскинул, будто игрушку, автомат над головой, но тут хлесткая, смертельно жалящая очередь взметнулась перед взводом: ожил второй вражеский пулемет. Он бил совсем рядом — за поворотом траншеи.

Петр на мгновение растерялся: не осталось гранат, не было под рукой автомата. Он стиснул зубы, до хруста в пальцах сжал рукоятку пистолета. Так же мгновенно овладел собой. Выход был один, и Петр, как-то сразу успокоившись выбранным решением, шагнул на звук пулемета.

У БЫСТРЯЯ шаги, с криком «Вперед!» он шел к своему подвигу, хотя в эти секунды не думая, что совершает что-то героическое. Он знал лишь одно: бойцы поднялись в атаку и остановить их может только смерть. И только ему, и никому больше не дано убить эту смерть.

Пулемет он увидел сразу за поворотом. На ходу уложил из пистолета невесть откуда взявшегося гитлеровца. Выстрелил еще раз и... кончились патроны.

Наводчик неуклюже развернул пулемет в сторону советского командира. Но последним броском, вложив в него всю свою ненависть, Гужвин дотянулся до ствола и грудью закрыл его...

В траншею ворвались разгоряченные бойцы. Схватка была короткой и беспощадной.

Справа и слева пошли в атаку соседние взводы и роты. И вот уже весь полк с грозным, несмолкаемым «ура» устремился на врага.

Полковник В. УСКОВ.

ЗАСЛОН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЖАНДАРМЕРИЯ ФРАНЦИИ

В СОСТАВЕ полицейской системы Франции есть формирования, которые по своему назначению, выполняемым задачам и тактике действий во многом напоминают внутренние войска. Речь — о Национальной жандармерии и ротах республиканской безопасности. Сразу оговоримся, деятельностью Национальной жандармерии руководит министерство обороны, в то время как национальной полицией распоряжается министерство внутренних дел.

Создание жандармерии относят к XIII веку. Свое современное название жандармерия получила в 1791 году (какие традиции!), когда Национальная ассамблея приняла закон о структуре и правовом статусе жандармерии, в соответствии с которым она призвана охранять публичный порядок в сельской местности и оказывать помощь городской полиции в борьбе с преступностью. Постепенно спектр ее функциональных обязанностей расширился. Декретом о жандармерии (1935 г.) определено, что она охраняет общественный порядок и борется с преступностью, в повседневной жизни руководствуется воинскими уставами, положениями, специальными инструкциями и является составной частью вооруженных сил. Не случайно и обеспечивает ее всеми видами довольствия военное ведомство. Да и комплектуется она преимущественно людьми, прошедшими воинскую службу или окончившими военные учебные заведения; лишь частично — призывниками. Кстати сказать, военный характер организации и многоцелевое предназначение являются отличительными чертами Национальной жандармерии Франции. Она осуществляет исполнительскую, оперативно-розыскную и следственную деятельность, выступает одновременно в роли административной, уголовной и военной полиции — таким широким диапазоном обязанностей не обладает ни одна полицейская служба.

Центральный орган управления, определяющий стратегию и тактику деятельности, формы и методы оперативной работы и способы взаимодействия с другими полицейскими структурами, — Дирекция жандармерии и военной юстиции. Являясь штатной единицей сухопутных сил военно-

го министерства, она, однако, подчиняется министру внутренних дел в оперативном отношении. Дирекция направляет деятельность жандармерии департаментов, мобильной жандармерии, подразделений Парижской республиканской гвардии, других подразделений и служб. Организационно Национальная жандармерия строится по территориальному принципу.

В сферу деятельности департаментской жандармерии (около 50 тыс. чел.) входит примерно девяносто пять процентов территории страны. Центральному органу подчинены семь окружных командований, дислоцирующихся в крупных городах — Париже, Лионе, Марселе и других. Военный округ объединяет в среднем до 13 департаментов. В функции окружного командования входит также координация действий штабов районных командований (легионов). Последний состоит из групп жандармерии, зона ответственности которых — департамент. Всего во Франции около ста таких групп по 400—1200 человек в каждой. Группу составляет штаб и четыре-пять рот. Зона ответственности роты — арондисман (территория страны разделена на 324 арондисмана, по 2—7 в департаменте).

Организационная структура роты, ее численность, звание командира определяются в зависимости от площади арондисмана, рельефа местности, плотности и социальной структуры населения, степени урбанизации района, интенсивности дорожного движения, сезонных миграционных потоков.

Низшее базовое формирование жандармерии — бригада, численность которой тоже зависит от размеров контролируемой территории и насчитывает от 5 до 55 человек. Всего же — около 4000 бригад (одна на кантон, т. е. избирательный округ). Обычно они размещаются в главном городе кантона; личный состав — на казарменном положении. При необходимости в кантоне кроме основной создается и специализированная бригада: оперативно-розыскная, горная, речная, моторизованная, смешанная. Плюс к тому в помощь территориальным бригадам в курортно-туристических зонах, в районах строительства крупных объектов и в случаях стихийных бедствий устанавливаются постоянные или

временные посты жандармерии, состоящие из 3—5 человек, с целью наблюдения за обстановкой и сбора оперативной информации.

ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ жандармерии департаментов и национальной полиции в поддержании общественного порядка, а также при возникновении массовых беспорядков, стихийных бедствий, техногенных аварий и катастроф в составе Национальной жандармерии предусмотрена мобильная жандармерия (около 17,5 тыс. чел.). Создана она в 1921 году. И в отличие от департаментской жандармерии фактически является оперативным резервом сил безопасности. Находясь в постоянной боевой готовности, части и подразделения мобильной жандармерии по указанию правительства способны решать задачи и по борьбе с массовыми беспорядками, и чисто боевые. Они не являются статичными территориальными формированиями и не приписаны к месту своей дислокации, а действуют по всей территории страны, там, где этого требует обстановка.

Организационно мобильная жандармерия состоит из групп. Всего во Франции 23 группы, каждая из которых включает в себя обычно 4—8 эскадронов (базовое подразделение численностью 134 человека). Сегодня в мобильной жандармерии около 130 эскадронов двух типов — моторизованных и смешанных. И в группе, как правило, 3—6 моторизованных и 1—2 смешанных эскадронов.

В состав Национальной жандармерии входят специальные части, такие, как республиканская гвардия Парижа и жандармерия ВВС, ВМС, транспортной авиации, заморских территорий, вооружений, а также полевая жандармерия в ФРГ. Коротко рассмотрим некоторые из них.

Республиканская гвардия Парижа (свыше 2 тыс. чел.) — это два пехотных полка трехбатальонного состава, кавалерийский полк (четыре кавалерийских и один мотоциклетный эскадрон в каждом) и духовой оркестр. Создана она была в 1813 году из ветеранов жандармерии, вернувшихся из Испании. И надо сказать, что к кандидатам в республиканскую гвардию предъявляются довольно жесткие требования с точки зрения их роста, внешности и состояния здоровья. Первый пехотный полк обеспечивает безопасность президента Франции и участвует (вместе с кавалерийским полком) в торжественных мероприятиях и церемониях. Второй — обеспечивает безопасность Сената, Национального собрания, охраняет здания Совета министров и министерства обороны.

Жандармерия ВВС (850 чел.) создана в Алжире в годы второй мировой войны и после ее окончания включена в состав Национальной жандармерии. Отвечает за безопасность авиационных баз и учреждений ВВС. Состоит из 62 бригад (по одной для охраны военно-воздушной базы или крупного аэродрома).

Жандармерия ВМС (900 чел.), созданная в 1781 году, исторически восходит еще к

«роте морских лучников», получившей известность в начале XIV столетия. Ведет охрану и выполняет полицейские функции на территории военных портов, арсеналов, военно-морских баз и других учреждений ВМС.

Небезынтересно хотя бы кратко познакомиться с некоторыми условиями набора и особенностями службы Национальной жандармерии. До 30 лет офицерами жандармерии могут стать выпускники Специальной военной или Политехнической школы, а также школ ВМФ и ВВС. Ежегодно примерно десять воспитанников этих учебных заведений производятся в офицеры жандармерии.

Младший офицерский состав видов вооруженных сил в возрасте от 26 до 39 лет зачисляется в Национальную жандармерию после прохождения специального конкурса. В нем могут принимать участие и офицеры запаса в возрасте до 31 года, имеющие диплом инженера либо диплом второй ступени высшего образования. Кроме того, к конкурсу допускаются жандармы и офицеры запаса, имеющие диплом о среднем образовании (бакалавра) в возрасте от 23 до 30 лет. Те, кто успешно проходит конкурсные испытания, получают звание аспиранта, а после года обучения в школе жандармерии — младшего лейтенанта с правом допуска к продолжению учебы на высших курсах. Уже зачисленные в Национальную жандармерию офицеры заканчивают годичные курсы при школе офицеров жандармерии в г. Мелен.

Социально-бытовые и материальные условия службы — предмет отдельного разговора. Скажу лишь только, что престиж офицера жандармерии очень высок, как, впрочем, и жалование. Однако установлены предельные возрастные границы прохождения службы офицерами, заметьте, существенно отличающиеся от наших: лейтенант—капитан—55 лет, командир эскадрона—56 лет, подполковник—57 лет, полковник—58 лет, бригадный генерал—59 лет, дивизионный генерал—61 год.

Унтер-офицерский состав пополняется двумя категориями кандидатов: традиционными, то есть военнослужащими срочной службы и уволенными в запас (75 процентов всего набора), и контингентом вспомогательных служб. Достаточно сказать, что более половины проходящих срочную службу в жандармерии подают рапорта с просьбой оставить их в кадрах. Требования к ним: французское гражданство, возраст не старше 35 лет, минимальный рост — 168 см и необходимые моральные и физические данные. Предельная возрастная граница службы унтер-офицеров — 55 лет.

Готовят их в школах городов Шомон, Шателеро, Монтмозон и Мэзон-Альфор. Унтер-офицерами жандармерии могут стать и женщины. После окончания трехмесячных курсов женский персонал выполняет административные или технические функции при штабах и службах жандармерии.

О. НИКОЛАЕНКО.

В ДОЛГОВОЙ ЯМЕ,

или Сколько стоит слово «надо»?

«**В**ЕЧНЫЙ ротный — такое мне определили амплуа. Мои бывшие взводные уже батальонами командуют, академию заканчивают, а я, как памятник собственному передовому опыту, — ни с места. Кто-то наверху решил, что этот потолок мне по росту, вот и горблюсь. Вопросы не задаю, потому что с курсантских погон ответ знаю: «Так надо!»

Вспомнив эти слова капитана Николая Можжегина, я подумал: что это за идолище такое — «надо»? Оно и кнут, и кандалы, и петля, и пинок под зад. Короче — стимул от угрозы. А может, пора уже поставить вопрос: сколько стоит слово «надо»? Впрочем, для того, чтобы на него ответить, давайте разберемся, что такое служебный долг. Обеспечен ли он, так сказать, золотым запасом ответных обязательств со стороны государства, или это нечто безвозмездное, наподобие гуманитарной помощи Запада, которая у нас нередко разворачивается, не достигнув адресата?

Начнем с регламентации рабочего дня служивого человека. В приказе министра внутренних дел РСФСР от 5 января 1992 года сказано, что рабочее время военнослужащих устанавливается по дням недели: понедельник, вторник, среда, четверг — 8 часов 15 минут, пятница — 7 часов... Казалось бы, можно кричать «ура». Но 21 февраля вышло дополнение к этому приказу, которым предписывается командующему внутренними войсками «установить для военнослужащих, рабочих и служащих войск продолжительность рабочей недели и рабочего (служебного) времени с учетом специфики их деятельности, но не более сорока часов в неделю».

Таким образом, вместо закона — приказ. Законом манипулировать сложнее, хотя у нас и это не редкость, а приказом — проще. Вот и получается, что взводный или ротный приходит в подразделение до подъема личного состава, а уходит после команды «Отбой!» Итого — шестнадцать с лишним часов. Было время, когда отечественная статистика очень любила сравнивать наши достижения с уровнем 1913 года. Так вот, в 1913 году в Российской империи не было шестнадцатичасовой продолжительности рабочего дня. А в сегодняшней роте это не предел. Зачастую офицеру и после отбоя нет пути домой. Причин тому много. Особого внима-

СЛУЖЕБНЫЙ ДОЛГ

ния среди них заслуживает бюрократическое изобретение войсковых перестраховщиков — ответственный по роте. Какая это деятельность: служебная или общественная? Если служебная, почему не оплачивается? Если общественная, почему от нее нельзя отказаться?

Итак, наступает ночь, и в роте принимаются за работу: дежурный следит за дневальными, ответственный — за дежурным... Как в куплете: «Не спит собака — дачу охраняет, и я не сплю — собаку стерегу...»

Следующий аспект служебного бытия: при равной астрономической продолжительности рабочего дня офицеров и прапорщиков многие из них вынуждены в одно и то же время по две-три «смены» отработать. Например, ротный, имеющий в подчинении вместо трех взводных только двух, служит за себя и за «того парня». За того самого, которого не хватает. А если нет двух взводных, что тогда не такая уж редкость, стало быть, ротному уже за троих вкалывать. Тут позвольте предложить вам почти школьную задачку. Если в сутки командир роты находится на службе как минимум 16 часов и при этом работает за троих, сколько часов в его рабочем дне или служебном времени? И за сколько часов ему заплатят? Если бы эту задачку решал школьник, он бы 16 умножил на 3 и на полученные 48 часов умножил бы часовой оклад ротного. В результате получилась бы сумма справедливая, но нереальная. Почему? Потому что служебное время подсчитывается по правилам арифметики, тут школьник был бы прав. А вот оплата труда производится по правилам другой науки — «бюрофметики», которую в школе не проходят. По ее законам, работой ротный хоть за семерых, получит он все равно за одного.

Выходит, за государством должок остается? Однако государство устами финансового чиновника тут же от долга открещивается: «А одежду форменную он бесплатно получил? Получил. А билет в отпуск разве за свои кровные брал? Нет по перевозочным документам...» И так далее. Только ведь другой ротный, который и за себя-то недорабатывает, имеет от государства все то же самое. В каком случае торжествует справедливость?

Раньше, отвечая на этот вопрос, в объяснения не вдавались, говорили: так надо! Вот и поговорим о цене слова «надо» и того, что за ним стоит.

ПОМНИТСЯ, когда я работал на заводе и мастер под конец месяца приходил и говорил: надо, мол, поработать сверхурочно, я точно знал, что это его «надо» стоит ровно в два раза больше, чем «надо» в течение смены. Исходя из этого я мог решать, оставаться мне на сверхурочные работы или нет. В армии «надо» бесплатное и неизбежное. Второе вполне понятно — на то она и армия, а вот дармовщина возмущает: если труд не

оплачивается — это рабский труд. Всякие там усиления, казарменные положения, праздничные дежурства — все даром. Праздник в армии — это особое явление. Почему бы не посадить на праздник в роту вместо одного ответственного двух? Один — ответственный, другой — его усиливающий. Почему бы не посадить? Платить-то за это ни тому, ни другому не надо. Вот и сажают. И по два, и по четыре... И выходной день за праздничное дежурство предоставлять совершенно не обязательно. Где такое записано? Баловство одно! Ан нет, оказывается, уже записано. Правда, в проекте. В проекте нового Устава внутренней службы, который обещает военнослужащим за наряд в выходной или праздничный день — один день отдыха в течение недели. Что ж, дай Бог, чтобы в итоге между проектом устава и самим уставом не оказалось слишком большой разницы.

6 ноября уже 1991 года Президент СССР в целях стимулирования труда военнослужащих подписал Указ о выплате им ежегодного денежного вознаграждения в размере двух месячных окладов за поддержание высокой боевой готовности, добросовестное выполнение служебных обязанностей и безупречную воинскую дисциплину. Казалось бы, после такой щедрости восторженным служивым людям ничего больше не остается, как закидать небо шапками, однако они с этим не спешат.

Получается опять уравниловка. И Петрову, и Сидорову начисляют одинаково, но Петров встретил Новый год с фужером шампанского за домашним столом, а Сидоров — с телефонной трубкой в дежурке, перед пепельницей, забитой изжеванными с досады окурками. Не пора ли конкретизировать оплату дополнительных нагрузок? Я читал, что в армии США существует около двадцати видов надбавок: заступил на выходной в караул — получи, поехал с подразделением на полевые занятия — опять же распишись и получи.

СЛЕДУЮЩИЙ фрагмент. Приезжает в часть комиссия, комплексная группа или даже одиночный проверяющий — и начинается всеобщее «авось-сидение». Все ждут — авось поступят вводные. Машинистки сидят, секретчик сидит, мобист сидит, кадровик сам Бог знает сидеть. Раньше еще комсомольский вожак сидел — а вдруг понадобится чайку заварить. Они, может, и не нужны будут, но на всякий случай пусть сидят. Все равно ведь бесплатно.

Проверяющий часам к трем энтузиазм первой ночи поостудит, его — под белы ручки, в машину и в гостиницу, а все, кто сидел, — пешком по домам. Муниципальный транспорт, если таковой вообще имеется, в это время уже не функционирует. Проверяющий с чувством законного права после бессонной ночи распорядится машину прислать часам к одиннадцати, а все остальные — точно по звонку, как штыки.

О таких же авралах рассказывает в своем письме в редакцию прапорщик Надежда Николаевна Аксенова, возглавляющая канцелярию штаба части. «И ничего возразить нельзя, — пишет она, — сразу услышишь в ответ: «Вас тут никто не держит, не нравится — пишите рапорт и увольняйтесь».

Но вернемся к долгам, к истории капитана Мозжегина. Он действительно на протяжении нескольких лет со своим подразделением удерживал первое место в полку и по праву считался лучшим ротным. Многие взводные из-под его крыла выходили, получая под начало роты, а потом и батальоны, своими успехами подтверждающими жизнеспособность опыта, переданного им Мозжегиным. Спрашивается: почему же он сам-то при всех своих заслугах, знаниях, опыте на протяжении почти десяти лет оставался ротным? На этот вопрос однажды во время приватной беседы ответил командир полка:

— Благодаря школе, которую молодые офицеры проходят в роте Мозжегина, у меня потом не возникает проблем с назначениями на роты и в батальонное звено. Конечно, если я его на штаб батальона поставлю, он, вне всякого сомнения, потянет и хоть сейчас батальон возглавит, но от взводных уже оторвется. Кто мне будет кадры ковать? К тому же с батальонного звена он уже сможет в академию поступать. И обязательно поступит. А я с кем останусь?

После того разговора прошло еще несколько лет, прежде чем командир полка ушел на повышение. А Мозжегин к тому времени «состарился», то есть для поступления в академию у него возраст вышел. Еще два года зарабатывал авторитет у нового командира. Перед самой пенсией был назначен начальником штаба батальона, получил майорскую звездочку, с тем и отбыл на заслуженный отдых. Вот так же ему вышла благодарность за труды праведные, за верность долгу.

Теперь о тех, кому чаще всего напоминают об их долге, забывая напрочь о долге перед ними — нашими всеннослужащими, выполняющими роль кранцев в горячих точках. (Для сведения: кранцами у моряков и речников называются автомобильные покрышки или другие пружинящие предметы, помещаемые между причалом и бортом судна для смягчения удара).

Недавно выдался случай пообщаться с офицерами спецназа, после чего осталось стойкое ощущение горечи и обиды за этих сильных, смелых, безотказных людей, беспомощных перед бюрократическим безразличием к их проблемам, болям, к их судьбе. В который уже раз напомнила о себе столь частая в нашей жизни гостья — несправедливость.

Не называю фамилий моих собеседников, будучи уверен, что это не пойдет им на пользу. Просто предлагаю читателям взглянуть на разговор.

— Да нас никому нет дела. Как мы жи-

вем? О чем думаем? Чем душа мается? Хоть кто-нибудь этими вопросами задавался? Жилья нет. Снимаем тут лачуги за такие деньги, что на прожить не остается. Я здоровый мужик, а семью содержать не могу. Регулярно дотации от родителей получаю. Стыдно, черт возьми! Я бы вагоны разгружать пошел в свободное от службы время, да где его взять».

— У меня хоть семья под боком, а вон у Сани жена за тридевять земель у родителей живет. Даже погостить приехать и то некуда. У него дочка родилась, так счастливый папаша ее голос по телефону слушаю. Прапорщик Куликов несколько месяцев в ротной душевой жил.

— А я холостякую. Может, и женился бы уже, да вот смотрю на мытарства наших женатиков и становится будущей жене жалко. Интересно, почему холостяков в очередь на жилье не ставят? Почему стадио божма мне нельзя пройти в одиночку, а нужно обязательно намучиться вместе с женой и детьми? Пускай бы мне квартиру не давали, пока я холостой, но очередь бы моя двигалась.

— Из горячей точки вернешься, насмотревшись там на зверства «национальных братьев», — нервы ни к черту! Где лечиться? Где силы восстанавливать? В казарменной каптерке? Три месяца напряжение в себе копишь, как конденсатор, а разрядки нет. И кто знает, где и когда изоляцию пробьет? Хоть бы какой-нибудь центр реабилитации был. Путевку не допросишься. Дают «горячую» — раз ты из «горячей точки», вот тебе «горящая» путевка. Я после наших командировок с нервным истощением в санчасти дважды лежал. Вот и весь курорт.

— Мы там обе щеки подставляем под оплеухи. И не потому, что так уж сильно прониклись духом христианской заповеди, а потому, что в такие условия поставлены. И вот приезжает к нам на день-другой кто-нибудь из высокого начальства и начинает уму-разуму учить да во всем винить. И ранения мы получаем да погибаем, поскольку дураки и неучи. Спросишь его, почему жрать нечего, до каких пор нами вшей кормить будут, так он тебя тут же в нытики и провокаторы зачислит. А припрешь его фактами к стенке — он уже и в глаза не глядит, шарит взглядом по сторонам, будто вход в метро ищет. Чувствуешь себя преданным, брошенным в окружении.

— А с наградами что творится? Предельные дурь и жлобство! Присылают разнарядку, сколько ротный должен представить человек для награждения медалью, а сколько знаком «За отличие в службе». А если командир считает, что парня следует орденом наградить или медалью «За отвагу», так это не его ума дело, ему такой разнарядки не присылали. Если представишь двоих вместо затребованных пяти, в следующий раз и разнарядка будет на двоих. Совсем как с деньгами в конце

года: хоть рояль под картошку купи, а истрать, что дали, а то больше не дадут.

— И хоть бы в личное дело заглядывали, прежде чем награждать человека. Знак «За отличие в службе» второй степени должен вручаться один раз. Меня же им сначала в училище наградили, потом — в Лачине, в третий раз — в Кубатлах, а как в четвертый раз собрались осчастливить, я уже не выдержал и говорю: «Вы мне наперед этих знаков пару кульков насыпьте».

— Получается, что в войсках до нас никому дела нет. Здесь нужны роботы, которые ничего не требуют, ни в чем не нуждаются. Подключил на ночь к розетке, и к утру он — как огурчик! А люди — материал неважнецкий: все им чего-то надо. Раньше хоть вкалывали как заводные и боялись рот раскрыть. А сегодня на увольнение — очередь. На увольнение по состоянию здоровья. Это пока единственная возможность расстаться с войсками беспрепятственно. Если бы увольняли просто по желанию, так отдел кадров только бы увольнением и занимался. А сейчас офицеры цепляются за любую болячку, как за спасательный круг. Когда вы сюда входили, вам навстречу попался лейтенант с обходным листом. Еще недавно он был старшим лейтенантом. Полгода добивался увольнения. Теперь с него звездочку сняли и увольняют. Он от счастья под собой ног не чует. А сколько человек ему завидуют и готовы последовать его примеру! И то увольнение стало для него возможным только потому, что год назад ему во время уличных беспорядков камнем голову пробили. А так бы из этой кабалы не выбрался. Сегодня болячка — дорожка ордена.

— Все это, конечно, печально. До чего войска довели! Нас иногда ветераны упрекают в нежелании служить, говорят, что им в войну тяжелей приходилось и они не роптали. Они в войну Родину от врага защищали и были за это в почете. Слово «фронтовик» звучало как награда. А мы что слышим? «Оккупанты», «убийцы»! И что защищаем? Перестройку? Трижды ха-ха! За нашими спинами жулье жиреет, страной спекулируя. Чем же нам гордиться? Ради чего терпеть? Чем больше терпишь, тем в больших дураках оказываешься. А главное, нас наше же начальство — не в части, а повыше — в случае чего защищать не будет, отдаст на закланье. Примеров тому хватает.

В ПОДТВЕРЖДЕНИЕ этих слов вспомнилась история подполковника Миклоша Иштвановича Дубравки, которого, несмотря на его упорное сопротивление, вынудили послать подчиненных на верную смерть. На то был дан соответствующий

приказ. А когда люди погибли, Дубравку же, предсказывавшего такой исход, обвинили во всех смертных грехах. А все дело в том, что родственники погибших грозили скандалом. На верхних этажах запахло личной ответственностью, и нужно было срочно перевести стрелку, чтобы возмездие прогрохотало своими колесами по заготовленной взамен жертве. До «жертвоприношения» подполковник Дубравка был на хорошем счету, командовал батальоном, выполнявшим боевые задачи на границе между Арменией и Азербайджаном. За спины подчиненных не прятался и пользовался их уважением. Показательна и сама процедура снятия его с должности. Миклош Иштванович прибыл в расположение части из района боевых действий, где каждый день рисковал жизнью. Еще ничего не подозревая, вошел в свой кабинет, а там за его столом сидит новый командир части, уже приступивший к исполнению обязанностей. Ни дать ни взять — дворцовый переворот. И смешно, и противно! Втихаря, исподтишка... Да и как могло быть иначе? Ведь снимая Дубравку с должности как положено, нужно было бы смотреть в глаза человеку, на которого повесили свою вину.

Потом начались его хождения по мукам, то есть по кабинетам штаба соединения, где его в упор не видели и не слышали. И вот ему уже руки не подают, на вопросы не отвечают, а если и отвечают, то сквозь зубы. Больше полугода над ним попросту издевались, назначая на несуществующие должности или на должности, занятые другими людьми, часами держа перед дверьми кабинетов, угрожая увольнением без пенсии. В конце концов Миклош Иштванович понял, что ждать справедливости от людей, для которых ложь и подлог — категории тактические, можно до японской пасхи. И он сделал шаг, к которому его упорно, методично вынуждали, буквально в спину подталкивали, — он уволился из войск.

Говорят, долг платежом красен. Так кто и когда будет платить по векселям? Кто хотя бы извинится перед Миклошем Иштвановичем Дубравкой? Когда служебный рост офицера будет зависеть от его деловых качеств и профессионального мастерства, а не от личных симпатий и антипатий начальства и не от его эгоистичных расчетов? Будет ли у офицеров и прапорщиков свой КЗОТ, или эпоха крепостничества для них так и не кончится? Расплатится ли государство с теми, кого оно посылает под пули? Вот когда на все эти вопросы будут даны положительныe ответы, тогда и понятие служебного долга обретет конкретные формы.

Майор Б. БУЛГАКОВ.

Владимир ЛИЧУТИН:

«НЕ ПОДДАВАТЬСЯ ЧУЖЕБЕСИЮ»

Федор Абрамов то и дело брал со стола его книги, распахивал их и зачитывал страницы подряд, радовался и восклицал: «Вслушайся!.. Сам-от мезенский наш му-жичок! Обошел нас всех, стариков. Слово-то сколь точно, красиво — такое не вы-думаешь, оно на всю глубину жизни... Попробуй найти хоть листок литературщины! Само-от дело — ни одной странички не найдешь, все настоящее, без подделки. Вон как нутро просвечивает наше, слушайте! Дар божий не от учености, от сердца текут слова в прозе этой... Вот что издавать-переиздавать надо, вот где язык рус-ский вспоминать. Слова, само-от, писатели больше-то поистерли, скукожили, а у него вон какая ширь и красота...»

Слова замечательного русского писателя о своем земляке Владимире Личутине — не высшая ли похвала! За судьбу Отечества болеет он мучительно, сердечно и всем своим творчеством ратует, чтобы в новом, третьем тысячелетии не истерлась, не поистерлась самобытность культуры всех народов России. Сам писатель такую свою устремленность объясняет просто: «То, что не успеем понять и обозреть мы, уж за нами и вовсе не сделают».

Сегодняшнюю беседу с Владимиром Личутиным ведет поэт Григорий КАЛЮЖНЫЙ.

* * *

Г. К. Владимир Владимирович, мои кол-леги — летчики гражданской авиации, сли-чая свои полетные карты с местностью, еще в начале семидесятых годов отметили массовую гибель деревень в нашей стране, которая почиталась за неумолимое влия-ние прогресса и почти за благо. Лично я прозрел, когда стал летать за рубеж: мне сразу открылись контрастные картины, ког-да от Западной Европы, залитой морем бисерных огней, мы входили в ночное про-странство нашей страны, как в черную во-ронку. При видимости, как говорят летчи-ки, «миллион на миллион», внизу просматри-вались огоньки редких деревень. Сыто иск-рились огненными жерновами лишь от-дельные города. Да о чем говорить, коли за десятилетие с пятьдесят девятого по се-мидесятые годы погибло 236 тысяч сел и деревень. Эпицентр этого «пожара» при-

шелся на Центральную Россию. А ведь за безжалостную войну было сожжено 70 ты-сяч деревень. Это что ж, в мирное время мы испытали на себе еще три войны!

В. Л. Наша страна единственная в мире, испытывавшая на своих гражданах метод ис-кусственного отбора. Никто в мире такого опыта более не имеет. При искусственном отборе с двадцатых годов по сороковые и далее мы почти растравили генофонд, как бы срезали чернозем с пашни, сняли сливки с народного земляного таланта, притом скверно воспользовались им. Сла-ва Богу, что хоть еще можем себя кор-мить, так что не все слишком худо, как некоторым пессимистам представляется. Иные нации в подобных обстоятельствах вообще бы перестали существовать.

Ну а что касается деревень... Мне ка-жется, что в скором будущем города нач-

нут усыхать. Все-таки у крупных городов есть свойства экземы, в них силы разрушительные свойства. Если «арастекание» городов по лику земли не прекратится, наступит последний срок. Когда гибнет деревня — гибнет и русская земля.

Г. К. Сейчас нередко можно слышать в бывших союзных России республиках, прибалтийских в частности, обвинения в адрес русского народа: дескать, русские, разрушив свой национальный дом, самоистребляются, увлекая за собой и других. Есть даже публикации с попыткой философского обоснования вселенской пустоты и исторической невменяемости русского народа, например, в статье М. Эпштейна в журнале «Искусство кино»...

В. Л. Неприязнь к русскому народу не нова, она имеет исторические корни и родилась, если заглянуть поглубже в историю, из разделения живого пространства и захвата его. Волею судьбы русскому народу достался гигантский кус земли. Из чувства зависти, подкрепленного позднее религиозными мотивами, и родилось это презрение к русскому народу. Но сначала это было отращивание латинянина к православному, и эта неприязнь была обоюдной. С Петром Первым презрение перешло рубежи и стало проникать в само русское тело: стало модным не любить русский народ, свое гнездо. Из этой нелюбови к самим себе родилось чужебесие, о котором еще в семнадцатом веке писал Юрий Крыжанич, латинянин, католик-миссионер, серб, который около десятка лет жил на Руси и написал книгу о русофобии.

Г. К. Простите, а что такое чужебесие?

В. Л. Чужебесие — обратная сторона русофобии, это поклонение чужим обычаям, нравам, одеждем, когда человек теряет всякие чувства приличия и любви к своей Отчизне. Ради чужого платья, чужой еды и привычек он готов продать не только отца и мать своих, но и землю свою, уйти за кордон и там поселиться и воспринять чужие земли и веру, как свою родину. В чужебесии рождается Иван, не помнящий родства. Уже в XVII веке писал Крыжанич о чужебесии как о болезни, коя завладевает русским народом. При Екатерине считалось постыдным говорить на родном языке, болезнь стала бедствием, повальной заразой. Во времена волнений и национальных потрясений, смягчений чужебесие овладевало умами, особенно склонными к зависти, презрению своего народа. Вопли о Руси: это-де пьяная, нищая, лапотная, сермяжная, отвратительная, клоповная земля вспыхивали периодически с конца прошлого века. Хор этих воплей, проникая в размычивые души, превращается в их идеологию, в принцип жизни.

Мнение о себе как «о немойтой, грязной России» вышло в наших душах незарастающие язвы. Когда ломали храмы, с гор катились на иконах, когда вскрывали сундуки и выбрасывали старые наряды, когда забывали ремесло, то вместе с про-

шлым наследием как бы старались выкинуть прочь из сердца эту фразу: «Пьяная, нищая, дикая Россия». Казалось, что если мы отречемся от прошлого, то сразу и переменимся. Так что фраза не безобидна, она несет в себе лукавство, она внедряется в слабую душу, вызывая в ней растерянность, тем более коли жизненный неуряд вокруг, если ты погряз в этом неустрое. Действительно, покажется стыдным быть выходцем из замурзанной деревни, которая не может прокормить города. Фразы делают такую коварную, льстивую, такую подпольную работу в душе зыбкого и незрячего человека.

Крыжанич так писал о подражательном чувстве: «Ищетномания — по-гречески, порусски — чужебесие — это есть прелишнее верование к инородникам, есть бешеная любовь чужих вещей и народов, избыточно бешеное верование к инородникам. Сия смертная куга, зараза или поветренная немочь заразила весь наш народ, весь русский народ».

...Зависть, по Евангелию, самое скверное чувство, оно непреходяще: в представлении Европы мы и поныне восточные варвары, которые как бы владеют чужою землею. Подспудно тешится мысль, что империя якобы полонила чужие земли, а потому их надо поделить. И войны четырнадцатого и сорок первого годов возникли из тайного мечтания о переделе славянских земель.

Ныне же, когда с Советским Союзом покончено, оказалось, что землю можно поделить торговыми способами, экономически, превратив в сырьевую колонию, а значит, разделить ее практически, лишить народ возможностей по-сыновнему распоряжаться своею землею. Оттого-то народ приставлен не к землепользованию, не к устройению Отчизны, не к расширению промыслов, а как бы занаряжен в охранники того, что таится в земле, что унаследовано от предков. Он уже и не пашеник, а казенный сторож: что ему прикажут, то и выдает с покорливой услугой.

Мы сейчас живем словно бы в блокаду, когда хлеба не было, но были драгоценности, и золотое кольцо стоило буханки хлеба. И нынче, условно говоря, «бриллианты» мы продаем за кусок хлеба. Не случайно высокоразвитые страны усердно пользуются природными запасами чужих земель. Тем самым они увеличивают свое счастливое биологическое национальное время за счет других. А мы, наоборот, свое биологическое национальное время безжалостно убиваем.

Мы не можем осознать своего пространства, ибо во многом потеряли смысл народа и почти утратили положение мировой державы. Нельзя хотеть быть мировой державой, одного упорного хотения, мечтания мало: мифы трудно превращаются в реальность. Мировую державой становятся при вольном согласном труде и «всечеловечности». Нетерпение рождает мировую неприязнь, червь сомнения в

праведности пути может выесть и самую вязкую сердцевину. В начале века Россия стремительно вырвалась к финишу, догнав цивилизованную Европу, и уже независимо от собственных желаний утверждалась во всеобщем мнении как мировое государство. От мировой державы все прочие народы хотят прежде всего праведности, спокойя и милосердия. Собственно, все эти качества есть в русском народе, но они притушены ныне и часто неузнаваемо искажены...

Г. К. Может, наш народ, как это ни парадоксально, лишь в процессе оформления: ибо он — как широкая река, куда вливаются множество национальных и племенных ручьев. Вот река-то и взбаламучена!

В. Л. Кто его знает: может, эта многоплеменность и позволит продлить молодость русской нации. Мы утонули в интернационализме, не уяснив того, что мировую может быть сокровищница культуры, в которую каждый народ вносит свое. Именно культура и предполагает уважение к самому крохотному, даже в сто человек, народу: ибо это племя вырастило то особенное природное чувство, кое не сочинят и миллиарды иных людей. Государственную общность мы эгоистически представляли в облике упакованного чертами социализма человека с одинаковыми привычками, бытом и побытом. Позволялось временно иметь лишь свой цвет волос и кожи... Как бы мы ни хулили самодержавие, но еще в древности запрещено было «белому» человеку под страхом смерти вторгаться в земли меньшинств: строго соблюдалась их заповедность, запрещен был провоз спирта и вина.

Водка, которую повезли по просторам Сибири, скоро подточила организм народов. Можно ли было сказать об этом вслух? Ведь мы так искренне из узкоглазого широкоскулого ненца хотели вылепить облик европейца. Не знаю почему, но во мне живет чувство вины перед всяким народом, который был насильно засунут в просторный карман государственного кафтана. Но кто должен каяться, если так же поступали и поступают с русской деревней? Надо подумать, как помочь, как восстановить жизненную зону, чтобы в родовой привычной среде постепенно восстанавливались прерванные национальные связи.

Г. К. Вы говорите, что виновато государство, а все хвори в Прибалтике приписываются исключительно русским.

В. Л. В этих претензиях, что предъявляются русским, я усматриваю вольное или невольное желание хаоса, неразберихи, сумятицы, чтобы в мутной воде поймать улов для себя. Нет нужды выяснять с непонятною претензией, кто выше, кто лучше, кто богаче историей. Мы сочленились в одно государственное тело не в 1917 году и не империйным путем, как уверяют некоторые. Это, пожалуй, единственный в истории случай, когда держава созида-

лась практически духовным методом, волеизъявлением народов. Так попросились под эгиду Руси грузины, казахи, молдаване, украинцы, белорусы. Практически и все малые народы согласно вошли в лоно России. И ведь отношения, что создавались веками, оказались куда совершеннее, благожелательнее, ибо Россия-мать не так плотно опекала другие нации, не принуждала в свой быт, в свои обычаи, а позволяла жить по стародавним устоям. Казахи в степях пасли скот, русский кубанец пахал чернозем. Каждый занимался вековым привычным делом. У нас были и скот, и зерно. А ныне мы распахали казахские степи, залили волжские поймы, лишив себя скота. Распахиваем черноземы и засеваем травой, чтобы нагуливать стада. Подобный абсурд проник во все поры экономики, социальной и духовной жизни повсюду.

Г. К. При этом нам настрого внушали, что назад возврата нет, ибо прогресс необратим. Меня всегда настораживала вот эта самоуверенность в правильности проложенного пути без каких-либо рекомендаций в случае потери ориентировки. Я убежден, что дальнейшее следование по пути искусственных технократических программ гибельно. Необходимо решительно возвращаться в русло естественного развития страны и народа.

В. Л. Безусловно нужно вернуться в лоно разумности и целесообразности. Мы все семьдесят лет скачем из абсурда в эксперимент, а очнувшись, просим разрешения на новый; хотя, самый совершенный и благодатный, он таит в себе революционное начало, а значит, гибель порою вовсе недурного склада жизни. Жизнь-то должна двигаться методом созревания: поставили паровоз на новые рельсы, так давай усердно чистить пути, кормить топку углем, да чтобы и команда локомотива была справной, не дурила, не лаялась, не тянула поперек. Даже нынче, несмотря на демократические перемены, мы постоянно срываемся на тоталитарное давление на психику, на ум, на эстетику. Это насилие имеет множество приемов. Вот один: вышла, к примеру, книга, отвечающая политическим взглядам определенной группы людей. И сразу начинают о ней шуметь, стаи борзописцев скрипят перьями, книгу издают миллионными тиражами под разными предлогами. Это и есть элементарное силовое давление на народ, гипноз, под которым случается масса самых неожиданных превращений с жадно взирающей публикой...

Г. К. Но отсутствие ответственности перед законом привело к процветанию абсурда и в национальных отношениях. Есть люди, которые видят единственный выход в национальной герметизации. Есть ли, на Ваш взгляд, альтернатива взаимному разбеганию наций ради выживания?

В. Л. Мы настолько глубоко слились в единый организм, что я лично не вижу путей, которые могли порвать миллионно-жилые связи, пронизавшие, повязавшие

нас. Ну случилось, что русские заселились в Эстонии, но они уже много лет участвуют в создании республики, производят национальный доход на тамошних землях. Как вычленили их труд, величину прибытка, усилил, страданий, неустойчивости? Как платить им по долгим счетам? Это что ж, ныне приравнять их к работникам, с которыми расторгли аренду, и выгнать прочь? Только представьте на миг, что Эстония выселяет со своих земель русских, мы гоним узбеков и армян, казахи — татар и т. д. Все государство мгновенно превратится в растревоженный медвежьей лапой муравейник. От одной лишь мысли о возможности подобного хаоса, да если он завладеет умами, может рухнуть самый надежный щит.

Наша целостность, жизнеспособность — в милосердии, в понимании исторического предназначения и места в мировой общности. Конечно, существо связей между республиками должно полностью перемениться: братство и дружелюбие выстроятся на свободе отбоя и кооперации, и уважительности.

Лучшие умы, конечно, понимают, что если будет хорошо матери-России, то, естественно, ладно и упокоенно будет и всем им. Русь непостижимо глубоко и таинственно пустила корни в глубину державы, и даже крохотный волосок если пресечь, то это больно отзывается во всяком народе нашей страны. Как тут не вспомнить символ-предостережение Чвадаева: «Мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа».

Наши общественные науки семьдесят лет занимались иль проеданием ленинских цитат, иль вылупливанием из деревянного яйца-писанки бодрячка цыпленка. Где им было размышлять о совестной роли России в огромном соборе народов? Ведь речь-то идет не о верховности Руси, не о тиранизме и руководительности, но о высшем, небесном предназначении — быть совестным судом. Иное дело, насколько справилась с обширной задачей и совестно службою своей Советская Русь...

Красная Русь изъедена недугом, хворями, долгой муштрою, непосильными поборами и подавлями, грустью оваяны нынешние ее поля и какой-то скорбной усталостью, мощь храмов и лесов, из которых брал натуру народ, сменилась серенькой равниной и хламом мелкокопья. Отъедешь из Москвы за двести километров, и такое захолустье обступит, что незвольно сердце сожмет безысходной тоскою. Вот сейчас братья наши и должны откликнуться на зов и понять, как тягостно России, из какой захудалости ей вылезать годы и годы, сколько жил рвать. И не столько оттого, как уверяют, что крестьянин худо, враскачку работал, но столько из-за того, что из сундуков ее неведомо куда черпали и черпали, не зная останову и не спро-

саясь хозяев. Вот забрались с загребитыми руками — и давай набивать торбы и относить прочь. И ведь не скажут, не известят (хотя бы), на каких сокровищах выстроилось государство. Да все на нем, на стожильном мужике выехали. И сколько миллионов захребетников ныне сидят на его шее, свесив ножки, сколько ненужных затей на дармовые рубли, тыщи бессмысленных строек, авантюр, неясных игр и умыслов. Валяя, Ванька, работая, растрясай кислу шерсть: не все тебе на печи сидеть, почесывая обросший затылок.

Кто может предъявить претензии русичу, подымите руки, коли не совестно! Да из честных никто и не подумает хулить, а всякий ловкач, наевший щеки на крестьянской оржанухе, точит крестьянина заглазно, из-за угла, окружая свой умысел мишуру ловких и ничего не значащих вроде бы слов...

Г. К. Значит, гибель деревенского мира нужно остановить любой ценой! Вы, Владимир Владимирович, один из участников общественного Совета по созданию энциклопедии уходящих деревень. Есть писатели, которые полагают это дело третьестепенным. А вы как полагаете!

В. Л. Одно понятие мне пока, что свод уходящих деревень необходим. Это духовный акт, крохотный возвращенный домик наш. Мы так скорбно много задолжали своим предкам в неуклонном стремлении вперед, что энциклопедию можно воспринять и как акт покаяния. Создавая крестьянскую энциклопедию, мы невольно приемлемся пестовать культурное усыхающее дерево. Оно и не повалилось пока вовсе, ну накренилось, это верно, и сучья нижние поотсохли, закамнели, много листьев уже опало. Но нашими воспоминаниями, зафиксированной памятью мы будем как бы опухать его молодую листвою. Предположим, ушедший от нас человек не пропадает, он как лист на невидимом древе. А уж если человек — лист на невидимом древе, то деревня тем более: даже угасшая, она не пропала, лишь затаялась в ожидании, вот в чем дело.

Г. К. Потому что она часть природы!

В. Л. Да, но и часть национального строения. Это капитал сокровищницы. А капитал сокровищницы, как бы далеко ни хоронили его, он все равно есть лишь невидимый, не обретенный в данное время. И надобно только усилие, чтобы добыть его. И потому энциклопедия — это возврат сокровища из схрона.

И грех презрительно кивать в сторону прежней Руси и, заразившись чужебием, упрекать ее в темноте и косноязычии: прежней культуры нам уже не испытать, а замно покланяться надо. Если мы до боли душевной почувствуем, что утратили нечто великое, заветное, что профукали, проели и пропили клад несказанный, то и захотим жить далее с сердцем, омытым живою водою.

ГЮРЬМА ЕСТЬ ТЮРЬМА

Похоже, блатная «романтика» снова входит в моду. Кино и телевидение, заглядывая за колючую проволоку исправительно-трудовых колоний, рисуют собирательный образ невинно пострадавшего праведника, газеты и журналы специализируются на рекламе словарей воровского жаргона и попутно обличают чинимый охраной и администрацией беспредел, а по радио беретит юные души группа с прозрачным названием «Лесоповал». Надо ли удивляться, что у некоторых солдат, особенно молодых, есть стойкий интерес к «сладкой, сытой и свободной» воровской жизни!

Об этом с беспокойством пишут многие читатели. Они просят дать социально-исторический портрет отечественного преступного мира, рассказать о традициях, нравах и повадках обитателей исправительно-трудовых учреждений. Мы постараемся учесть эти пожелания и предлагаем первый материал из цикла «Тюрьма есть тюрьма».

«ЗАКОНЫ» БЕЗЗАКОНИЯ

ТЮРЬМА — одно из «достижений» человечества, разделившего его на классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Сменявшие друг друга общественные строи: рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический не могли и не могут обходиться без этих архитектурных сооружений, многие из которых почему-то всегда оказывались выстроенными в самом центре крупных городов. Видимо, властелины всех времен и народов чувствовали себя более уверенно и спокойно, когда учреждение такого рода находилось под рукой и могло использоваться по назначению в любую минуту для изоляции неугодных сограждан. Как бы то ни было, но ни один из городов дореволюционной России не мог похвастаться тем, что в нем нет собственной тюрьмы. Их размеры и вместимость чаще всего определялись собственными нуждами города. Правда, певцы революции протрубили на весь мир, что царская тюремная система разрушена и выброшена за ненадобностью на историческую свалку. Но это была всего лишь революционная агитка, в то время как фактически, сменив вывеску на исправительно-трудовой дом или изолятор особого назначения, они продолжали функционировать, выполняя свое социальное назначение.

Революция, отменив законы царского правительства, не могла в одночасье отменить такое социальное явление, как преступность. Уголовный мир дореволюционного периода, как и в предыдущие времена, успешно и безболезненно вписался в тюремные стены социалистического государства вместе с собственной этикой и твердо выполнявшимися в тюрьмах своими законами. Первоначально уголовный мир растворился среди преступников новой общественной формации: спекулянтов, преступников по должности, бандитов, контрреволюционеров и т. д. Кражи, хищения вросли в повседневность, в быт граждан, начинавших строить социалистическое об-

щество. В силу объективных причин начала стираться грань между вором-профессионалом и обывателем. Старые тюремные «сидельцы», «Иваны» вздыхали, и было от чего. Они вдруг обнаружили, что воровство перестало быть их профессией, профессией «отверженных». Было отчего обеспокоиться. Как никогда пригодился накопленный житейский опыт. Для занятия лидирующего положения в среде лиц, лишенных свободы, «Иваны», «карманные воры» все же обладали достаточными и необходимыми личностными качествами. Они отличались от осужденных из числа рабочих и крестьян, «осваивающих» в силу нужды воровскую профессию, большей выдержкой, артистичностью, изворотливостью и мгновенной сообразительностью. Эти качества выработались у них в процессе занятия специфическим противоправным «ремеслом» и длительностью пребывания в местах лишения свободы. В силу совершенных ими преступлений «привычные преступники» не могли рассчитывать на скорое освобождение, поэтому прочно устранились «за решеткой», оказывали неблагоприятное, разлагающее влияние на своих соседей.

Они, искушенные преступным жизненным опытом, образовывали наиболее стабильные и стойкие, а следовательно, и наиболее опасные группировки. Чтобы «узаконить» свою исключительность среди всего контингента заключенных и подчинить себе основную массу лиц, лишенных свободы, представители преступной среды руководствовались «истинными заветами» прошлого, проявляя при этом исключительный цинизм, наглость и жестокость в отношении «несогласных» и «изгнанных».

С выгодой для себя, для улучшения своего материального положения в местах заключения, создания питательной почвы паразитического существования, поднятия своего преступного престижа «авторитеты» всячески насаждали среди заключенных тюремные традиции и неписанные «блат-

ные» законы. Одной из самых жестоких статей «воровского кодекса чести» была статья, присуждавшая к «динаме». «Динама» среди отверженных тюремной «элитой» был самый отверженный, к которому всем обитателям камеры предписывалось относиться как к бездомной, одичавшей собаке. Место ему для сна отводилось у порога камеры, рядом со зловонной парашей, даже в том случае, когда на нарах имелись свободные места. Любой из сокамерников мог его ударить, плюнуть ему в лицо, в пищу, отнять продукты питания или приглянувшуюся вещь и т. п. При малейшей попытке «динами» защитить свое человеческое достоинство все содержавшиеся в камере обязывались поддержать его обидчика. Что бы ни случилось в камере и за что администрация могла применить к заключенным меры взыскания, ответственность возлагалась на «динаму», и все, как на виновного, должны были указать на него. Все работы по поддержанию чистоты в камере — обязанность «динами».

В разряд «динами» мог попасть только осужденный, не уплативший карточный долг. Даже за такие провинности, как кража пайки хлеба у товарища (впоследствии в лагерях воровскими авторитетами было постановлено, что наркомовская пайка священна и неприкосновенна, и за ее кражу нередко виновные приговаривались к смерти. Это правило действует и в настоящее время. — С. К.) или «стуканство», указанная санкция не применялась.

20-е годы для преступников-профессионалов были золотым временем. Для правительства они были эдакими волками, занимавшимися преступным промыслом и не помывавшими преступник в власть предрешающих. Во многих случаях заведенное на них в полиции «досье» вместе с прошлым сгорело ярким вланием в огне революционных погромов полицейских канцелярий. Опасность для властных структур представляли «контрреволюционные элементы», «шпионы», «политические бандиты», и потому их учет велся ОГПУ на всей территории Союза. Деятельность же органов НКВД союзных и автономных республик, которые руководили борьбой с уголовной преступностью, в общесоюзном масштабе координировалась слабо. В соответствии с общесоюзными Основами уголовного законодательства рецидив являлся отягчающим вину обстоятельством. Однако списки заключенных велись только в союзных и автономных республиках, да и то не во всех. Поэтому лицо, осужденное и зарегистрированное в РСФСР, не значилось в соответствующих списках на Украине, в Белоруссии и т. д. Стоило рецидивисту переехать из одной союзной республики в другую, как он уже мог скрыть свои прежние судимости и вместо положенного для рецидивиста увеличенного срока наказания и «изолятора особого назначения» (тюрьмы) попадал в исправительно-трудовую колонию, предназначенную для «случайно впавших в преступность бывших рабочих и

крестьян». Вот здесь-то последние и проходили «школу тюремного воспитания» под руководством рецидивистов.

В изоляторах особого назначения, где концентрировался цвет уголовного мира, жизнь заключенных протекала в двух измерениях — формальном и неформальном. В формальном сотрудники учебно-воспитательных частей мест заключения создавали школы по ликвидации неграмотности и малограмотности, организовывали для них лекции и доклады, массовую клубную работу, приглашали артистов местных театров для постановки пьес и спектаклей, устройства концертов, демонстрировали кинофильмы, стремились радиофицировать помещения, проводили диспуты и конкурсы на лучшего читателя и т. п.

Неформально в камерах процветали игры в карты, в «святцы», доставлявшие обитателям исключительно острые переживания из всех возможных в тюремном быту. Законы этих игр отличались особой строгостью, но они, эти строгости, не распространялись на кумиров, которые почитались как мастера своего дела. О таких асах ходили легенды по всем тюрьмам. С такими страшно было играть, но еще почетнее было обыграть мастера. Играли на все, имевшее хождение в тюремном обиходе: на деньги, на «барахло», на «пайку», на «службу», на «палец», на «очко» и др. Старая формула — «приговаривается к каторжным работам без срока» обитателями мест лишения свободы заменилась новой — «приговаривается к бессрочной каторжной игре». Приговоренный к такому «наказанию» не имел права отказаться от игры с любым желающим. Впоследствии в лагерях эта воровская «норма» трансформировалась — без права переписки — без права перевода долга, т. е. проигравший лишался права переводить свой долг на любое лицо и обязывался уплатить проигранное сразу же после окончания игры. Проигравший на «очко» становился пассивным гомосексуалистом и попадал в разряд изгоев. Незавидна была и участь проигравшего на «службу», поскольку попадал в рабство на установленный срок и в силу этого подвергался безобразнейшим издевательствам, которые был обязан терпеть. Проигравший на «палец» обязывался сам себе без посторонней помощи отрубить один или несколько пальцев. Отрубивший соответственно приобретал ореол героя. Струсивший сообществом сокамерников переводился в разряд «динами». В условиях тюремного содержания эта мера не имела принципиального значения, так как заключенные не использовались поголовно в трудовых процессах из-за отсутствия объектов труда. Но, когда в силу различных причин большая группа уголовников-профессионалов оказалась на Соловках, где отказывающиеся от работы признавались дезертирами трудового фронта, а нанесение себе телесных повреждений расценивалось как контрреволюционный саботаж, за что в лучшем случае виновных

ожидало адворение в штрафной изолятор на срок до шести месяцев, а в худшем могли и расстрелять по суду, — воровским авторитетам пришлось призадуматься: или по-прежнему придерживаться духа и буквы жесточайшего закона, или отказываться от него. В конечном счете победили здравый смысл и инстинкт самосохранения. На сходке воров было принято решение, запродавшее впредь ставить на кон пальцы. С конца 20-х годов и до настоящего времени администрация мест лишения свободы не отмечала случаев саморубства из-за проигрыша в карты.

Ко времени реорганизации сети мест лишения свободы, т. е. к концу 1928 года, в местах заключения на всей территории РСФСР находилось 4,2 процента профессиональных преступников, которые составляли твердое и тесное спянное ядро преступного мира. К этому же периоду наметилось четкое разделение заключенных в зависимости от соверщенного преступления. Лица, привлеченные к уголовной ответственности за имущественные преступления (ст. 35 УК РСФСР), начали именоваться «урками», «блатарями», «ворами», а за насильственные и прочие преступления — «фрайерами».

В конце 20-х—начале 30-х годов перестраивалась не только тюремная система, но и блатная «элита» в местах лишения свободы. «Хранители уголовных традиций и обычаев» (карманные воры, «бродяги»), выплеснутые реформой 30-х годов в исправительно-трудовые лагеря из тюрем и изоляторов, окончательно отделились от других лиц, отбывавших наказания. Они силой, наглостью, хитростью заняли «высокое положение» в местах лишения свободы.

Структура вновь сформировавшегося криминального образования состояла из трех уровней. На высшем уровне — «вор в законе», «козырный вор», «всесоюзный вор», «центральный вор», «пахан», абсолютный авторитет; на среднем — «вор-авторитет»; на нижнем — «шестерки» и прочие исполнители решений «воровского сообщества».

Разумеется, не были они никакой «опорой» Ягоды в лагерях, как это теперь пытаются представить. У этой публики своя жизнь в тюрьме, свой «кодекс чести», и никогда они не выражали интересов администрации.

Именно из первых двух категорий и пошли основные направления выработки единых правил поведения для представителей «преступного мира». Наиболее опытные правонарушители организовывали «сходки», «собрания», «съезды», где формировались новые и совершенствовались старые «идейные принципы истинных арестантов». Новая идея преступного мира основывалась на том, что «авторитетом» может стать лицо, избравшее главным занятием своей жизни воровство. По новому установлению им строго запрещалось жить за счет собратьев; лгать своим товарищам; заниматься об-

щественно полезным трудом; состоять в каких-либо обществах и партиях; служить в армии; иметь семью и вести оседлый образ жизни; враждовать на почве национальных различий; признавать законы государства; стремиться к досрочному освобождению; вмешиваться в политическую жизнь страны; заниматься спекуляцией и коммерческим посредничеством; предъявлять претензии к «ворам» без решения сходки; проводить «правилки» («суды чести») в нетрезвом состоянии; брать в руки оружие; не выполнять решений, принимаемых «паханами», иметь какие-либо контакты с органами правопорядка; совершать хулиганские действия.

«Воровское сообщество» обязывало своих членов следить за порядком в лагере, устанавливать там полную власть «воров». В противном случае они отвечали перед «сходкой авторитетов».

По нозому «христианскому» обычаю воров признавалось лицо на основании решения «сходки». Как правило, кандидат проходил трехлетний испытательный срок. За это время всесторонне проверялся представителями преступного мира. Только после этого ему давались рекомендации двух-трех «законников», в которых говорилось, что у него «поведение и стремление только воровское». Лица, рекомендовавшие новичка, несли перед сообществом ответственность за его дальнейшее поведение.

Обряд приема включал в себя ритуалы «коронования воров» и принятия «клятвы» на верность «арестантскому кодексу чести», уголовным обычаям и традициям. Текст клятвы включал такие слова: «Клянусь перед ворами, которые находятся на сходке, быть достойным вором, не идти ни на какие аферы чекистов».

Существовало три вида наказания для провинившихся. Первое сводилось к публичной пощечине и назначалось за мелкие провинности, чаще за оскорбление. Второе — исключение из сообщества (исключить — «бить по ушам» с переводом в разряд «мужиков»). Третье — наиболее распространенное в 30-х—40-х годах — смерть.

Обязанностью всех лиц, отбывавших наказание, являлось соблюдение правил-заповедей: не проигрывать лишнее в карты, не задавать лишних вопросов своим товарищам, не становиться гомосексуалистом и т. д.

«Блатари» хорошо понимали: можно не работать, получать благодарности, повышенный паек, зачеты рабочих дней, не ударяя палец о палец, только исключительно за счет «мужиков». Именно среди этой категории они прежде всего распространяли свои обычаи.

В лагерях «блатари» были силой и материальной и моральной, нередко значившей больше, чем начальство. К ним, как правило, обращались заключенные для разрешения конфликтов.

С. КУЗЬМИН,
кандидат юридических наук.

• КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА

Жорж СИМЕОН

ЗНАКОМАЯ
МАДАМ
МЕГРЕ

РОМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Хрупкая дама с Анверс-сквера

Приправленная прекрасной оранжевой морковью, большой луковицей, пучком петрушки, хвосты которой торчали из-под крышки, курица томилась на огне. Мадам Мегрэ убедилась, что слабый газ не погаснет, потом везде, кроме спальни, закрыла окна, призадумалась, не забыла ли чего, бросила короткий взгляд в зеркало и, удовлетворенная, вышла из квартиры, запев дверь и спрятав ключ в сумочку.

Шел одиннадцатый час утра. Мартовского утра: воздух холодил, а солнце над Парижем искрилось. Дойдя до площади Республики, она вполне могла бы сесть в автобус, доехать до бульвара Барбэ и подошла бы к Анверс-скверу точнехонько к одиннадцати часам — времени визита к врачу.

Но из-за этой хрупкой дамы она, выигрывая время, проделывала весь путь под землей, сев в метро «Ришар-Ленуар» и рассеянно разглядывая примелькавшиеся афиши на закопченных стенах станций.

Мегрэ говорил с ней на эту тему немного: три последних неделл он был сильно занят.

— Ты уверена, что нет хорошего дантиста по соседству с нами?

Мадам Мегрэ никогда прежде не приходилось лечить зубы. А тут соседка, мадам Робли, все уши прожужжала ей о докторе Флореско: «У него пальцы, как у пианиста. Вы даже не заметите, как он сделает свое дело. А если сошлетесь на меня, то он и возьмет недорого».

Это был румын, чей кабинет располагался на четвертом этаже дома на пересечении улицы Турго и авеню Трудэн, напротив Анверс-сквера. Каждый раз визит назначался на одиннадцать часов. Мадам Мегрэ ездила туда семь или восемь раз, и это стало уже входить в привычку.

В первый день из-за болезненного страха опоздать она приехала раньше и добрую четверть часа дрожала в перегретой газовой плиткой комнате. В следующий раз ей опять пришлось ждать.

Третий визит совпал с ярким солнечным утром, сквер был наполнен птичьим щебетаньем, и она решила дожидаться своего часа на скамейке. Тогда-то она и познакомилась с той самой дамой и ее малышом, ради встреч с которыми теперь выходила пораньше из дому и ездила исключительно на метро.

Одно удовольствие было смотреть на зеленую лужайку, на ветви деревьев с проклюнувшейся листвой. Со скамьи открывался залитый солнцем бульвар Рошешуар, по которому ползали автобусы — зеленые с белым, похожие на больших животных, а между ними проскальзывали таксы.

Печатается с некоторыми сокращениями.

Сейчас дама уже была там. Как и прежде — в голубом платье и белой шляпке, которая так ее молодила. Она подвинулась, освобождая место мадам Мегрэ, а та протянула мальчугану плитку шоколада.

— Скажи спасибо, Чарльз.

Ему было два года. Поразительно большие черные глаза с длинными ресницами делали его похожим на девочку. Поначалу, слушая его лепет, мадам Мегрэ думала, что он еще не научился говорить. Но вскоре она поняла, что имеет дело с иностранцами, но поинтересоваться национальностью не осмелилась.

— По мне, несмотря на ливни, март — лучший месяц в Париже, — сказала мадам Мегрэ. — Некоторые предпочитают май или июнь, но в марте столько свежести.

Она все время поглядывала на окно кабинета дантиста: там была видна голова пациента, обычно приходившего раньше нее. Это был мужчина лет пятидесяти, ворчун. Ему предстояло лечить практически все зубы. С ним она познакомилась тоже. Он оказался уроженцем Дюнжерка, жил поблизости у замужней дочери.

Этим утром мальчуган, вооружившись красным ведерком и совком, играл камушками. Он был, как всегда, очень ухожен.

— Я думаю, мне осталось не больше двух сеансов, — вздохнула мадам Мегрэ. — Доктор Флореско сегодня займется последним зубом.

Услышав это, дама улыбнулась. Она прекрасно говорила по-французски, а легкий акцент лишь добавлял очарования. Без шести или семи минут одиннадцать она снова улыбнулась, глядя на вывозившегося в пыли ребенка, потом вдруг принялась что-то внимательно рассматривать на авеню Трудэн. Затем, казалось, колеблясь, поднялась и быстро проговорила:

— Не могли бы вы минуточку приглядеть за ним? Я сразу же вернусь.

Занятая мыслями о визите к врачу, мадам Мегрэ хотела только, чтобы мать поскорее вернулась, но из деликатности даже не повернулась, чтобы посмотреть, куда та пошла.

Малыш словно бы ничего и не заметил. Присев на корточки, он собирал в свое красное ведерко щебень, чтобы тут же высыпать его.

Мадам Мегрэ не носила часов. Те, что у нее были, не шли уже несколько лет, но и мысли не возникало отнести их часовщику.

На лавку присел старик; наверно, он жил по соседству, она его уже видела здесь.

— Месяе, не будете ли вы так любезны сказать, который час?

Видимо, у него тоже не было часов, поскольку он ответил:

— Около одиннадцати.

Голова пациента в окне исчезла. Мадам Мегрэ начала волноваться. Она испытывала неудобство, заставляя ждать доктора Флореско — такого кроткого и обходительного.

Но молодой дамы в белой шляпке не было. А что, если ей внезапно стало плохо? Или она заметила кого-нибудь, с кем срочно потребовалось переговорить?

Площадь пересекал сержант полиции, и мадам Мегрэ поднялась уточнить время. Было ровно одиннадцать часов.

Дама не возвращалась. Ребенок поднял глаза на скамью, увидел, что его матери нет, но, похоже, не обеспокоился.

Если бы мадам Мегрэ могла хотя бы предупредить дантиста. Для этого стояло лишь перейти улицу и подняться на четвертый этаж. Она хотела было попросить старика присмотреть за мальчуганом, но все же не осмелилась и продолжала поглядывать по сторонам со все возрастающим беспокойством.

Снова спросила время у прохожего. Было двадцать минут двенадцатого. Старик ушел. Вокруг никого. Уже и тот, кто был записан перед ней к Флореско, вышел из здания на углу и направился к улице Рошешуар.

Что же произошло с маленькой дамой? Если бы она попала под машину, то непременно собралась бы толпа, бежали бы люди.

Ситуация была непонятнейшей. Вот уж Мегрэ посмеется над ней! Хорошо, хоть ребенок не начал капризничать.

— Как тебя зовут? — спросила она мальчика.

Но он смотрел на нее своими темными глазами и не отвечал.

— Ты знаешь, где живешь?

Он не понимал ее. Он не знал французского языка.

Мать не возвращалась. В полдень, когда в квартале раздались гудки, строители заполнили соседний бар, она так и не появилась.

Доктор Флореско вышел из дома и сел за руль небольшого черного автомобиля, мадам Мегрэ так и не осмелилась оставить ребенка и подойти извиниться.

Теперь объектом ее беспокойства была курица, оставленная на огне. Мегрэ предупредил ее, что, по всей вероятности, раньше часа завтракать не придет.

Не лучше ли ей обратиться в полицию? Но для этого тоже нужно покинуть сквер. Если она возьмет ребенка с собой, а в это время вернется его мать, та с ума сойдет от беспокойства. Бог знает, куда бросится она его искать? Оставить же двухлетнего малыша посреди сквера, в двух шагах от беспрестанного потока автобусов и машин — об этом и думать нечего.

— Месье, извините, не могли бы вы сказать, который час?

— Половина первого.

Определенно курица начала подгорать. Мегрэ вот-вот придет, и впервые за годы

совместной жизни он не застанет супруга дома. Позвонить ему невозможно: для этого надо уйти из сквера и зайти в бар. Вот если бы сейчас она увидела полицейского, то представилась бы и попросила его позвонить мужу. Но как назло ни одного не видно. Она изнервничалась, напряженно озираясь по сторонам и вскакивая при виде всякой белой шляпки.

За полчаса насчитала более двадцати белых шляпок и обладательницами доброй четверти из них были молодые женщины в голубом.

***

В одиннадцать часов, когда мадам Мегрэ, оставшись в сквере одна с чужим ребенком, только-только начинала волноваться, Мегрэ, надвинув шляпу, вышел из своего кабинета, бросил несколько слов Люка и, ворча, направился к маленькой двери, соединявшей уголовную полицию с Дворцом Правосудия.

Это стало его нудной обязанностью, примерно с тех же пор, как мадам Мегрэ зачастила к своему дантисту. Комиссар шел по коридору, где располагались кабинеты судебных следователей, возле которых на скамьях постоянно сидели какие-то странные личности, некоторые из них — под охраной двух жандармов. Он остановился перед дверью с табличкой «Судья Доссен» и постучал.

По росту месье Доссен был самым высоким судьей в Париже, и это обстоятельство, казалось, всегда стесняло его, он как бы извинялся за то, что его аристократический силуэт напоминает русскую борзую.

— Присаживайтесь, Мегрэ. Закуривайте свою трубку. Читали сегодняшнюю статью? — Я еще не видел газет.

Судья подтолкнул одну из лежащих перед ним. Огромный заголовок на первой странице гласил:

«ДЕЛО СТЮВЕЛЯ». МЕСЬЕ ФИЛИПП ЛИОТАРД ОБРАЩАЕТСЯ В ЛИГУ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА».

— У меня был долгий разговор с прокурором, — сказал Доссен. — Он того же мнения, что и я. Мы не можем выпустить переплетчика на свободу. Лиотард сам помешает нам своей озлобленностью.

Еще несколько недель назад это имя было практически неизвестно во Дворце. Филипп Лиотард, только что отметивший тридцатилетие, никогда еще не выступал защитником в серьезном деле. Пробыв пять лет секретарем одного известного адвоката, он только начал самостоятельно становиться на ноги и все еще жил в холостяцкой, лишенной всякого престижа квартире на улице Бержер рядом с домом свиданий.

С тех пор как возникло дело Стювеля, газетные писатели о Лиотарде каждый день: он давал громкие интервью, рассылал официальные сообщения, появлялся на экранах в хронике, то готовый взорваться, то с саркастической улыбкой.

— У вас ничего нового?

— Ничего, о чем стоило бы упоминать, господин судья.

— Вы надеетесь найти человека, отправившего телеграмму?

— Торранс находится в Конкарно. Он расторопный и сметливый.

За три недели дело Стювеля захватило всеобщее внимание и обрело целый ряд подзаголовков, как роман с продолжением.

Начинался он так:

ПОДВАЛ НА УЛИЦЕ ТЮРЕНН

По случайности это произошло в квартале, который Мегрэ хорошо знал и даже мечтал в нем поселиться, менее чем в пятидесяти метрах от площади Вогез.

Надо идти, минуя узкую улицу Франк-Буржуа на углу площади и поднимаясь по улице Тюрени по направлению к площади Республики, и тогда по левой стороне сначала будет окрашенное желтым бистро, потом молочная Сальман. По соседству расположена мастерская, на витрине которой выцветшими буквами значится: «Художественный переплет». В следующей лавке вдова Раже торгует зонтиками.

Между мастерской и витриной с зонтиками — ворота и арка с будкой для швейцара, а в глубине старинная частная гостиница, превращенная теперь в скопище контор и квартир.

ТРУП В КАЛОРИФЕРЕ?

О чем публика не ведала и что посетила необязательным сообщать прессе, так это тот факт, что дело вскрылось по чистой случайности. Однажды утром в почтовом ящике Уголовной полиции на набережной Орфевр был обнаружен грязный кусок оберточной бумаги с надписью: «Переплетчик с улицы Тюрени ежечасно жрет труп в своем калорифере».

Подписи, конечно, не было. Анонимку доставили в кабинет Мегрэ, но тот отнесся к ней скептически и никого из своих старых инспекторов беспокоить не стал, а послал маленького Лапуанта, еще молодого и жаждущего отличиться.

Лапуант установил, что на улице Тюрени действительно проживает переплетчик Франц Стювель, фламандец, обосновавшийся во Франции двадцать пять лет назад. Представившись работником санитарной службы, инспектор переговорил с соседями и вернулся с тщательным докладом.

— Стювель работает, можно сказать, прямо в витрине, господин комиссар. В глубине мастерской, где совсем темно, деревянная перегородка, за которой Стювель устроил себе место для ночлега. Лестница ведет в полуподвальное помещение, там у него кухня. Есть еще комнатка, которую нужно освещать даже днем, это столовая. И наконец, подвал.

— С калорифером?

— Да. Старая модель, к тому же, кажется, в не очень хорошем состоянии.

— Работает?

— Этим утром не разжигали.

В пять часов пополудни уже бригадир Люка отправился на улицу Тюрени с

обыском. К счастью, он догадался на всякий случай захватить с собой ордер, поскольку переплетчик отстаивал неприкосновенность своего жилища.

И хотя Люка возвратился тогда практически ни с чем, теперь, когда это дело превратилось в сущий кошмар для уголовной полиции, тот обыск расценивается как несомненная удача.

В глубине калорифера при просеивании пепла он обнаружил два зуба — два человеческих зуба — и доставил их в лабораторию.

— Что за человек этот переплетчик? — спрашивал Мегрэ, в то время еще воспринимавший это дело как бы со стороны.

— Ему около сорока пяти лет. Блондин, кожа с отметинами ветряной оспы, голубые глаза, на вид спокойный. Его жена, кстати, намного моложе.

Как стало известно, Фернанда приехала в Париж прислужгой на все и поначалу несколько лет протирала подметки на Севастопольском бульваре.

Ей было тридцать шесть лет, со Стювелем жила вот уже десять лет, хотя лишь три года назад их брак без особого шума зарегистрирован в мэрии 3-го округа.

Из лаборатории прислали отчет. Зубы принадлежали мужчине лет тридцати; возможно, довольно полному; причем несколькими днями раньше они еще служили ему по своему прямому назначению.

Стювель был вежливо доставлен в кабинет Мегрэ, и «карусель» завертелась. Он сидел в обитом зеленым велюром кресле, лицом к окну, выходящему на Сену. В тот вечер дождь лил как из ведра. В течение десяти или двенадцати часов, пока длился допрос, было слышно, как струи воды стучат в стекла и потоками низвергаются из водосточной трубы. Переплетчик носил очки с толстыми стеклами в стальной оправе. Густые, довольно длинные волосы епутались, галстук сбился в сторону.

Это был образованный, начитанный человек. Он казался спокойным, рассудительным, его тонкая кожа легко покрывалась румянцем.

— Как объясните тот факт, что в вашем калорифере нашли человеческие зубы?

— Никак не объясню.

— В последнее время вы не теряли зубы? Тогда, может быть, ваша жена?

— Ни то и ни другое. У меня они вообще вставные.

И он вытащил искусственные челюсти из рта, а затем привычным жестом вставил их на место.

— Опишите поподробней, чем вы занимались вечерами 16, 17 и 18 февраля?

Допрос происходил вечером 21-го, после визитов Лапуанта и Люка на улицу Тюрени.

— На них приходится среда?

— 16-ое.

— В таком случае, как и во все среды, я ходил в кинотеатр Святого Павла на улице Сент-Антуана.

— С женой?

- Да.
- А в остальные дни?
- В субботу после полудня Фернанда уехала.
- Куда она направилась?
- В Конкарно.
- Отъезд планировался заранее?
- Ее немощная мать живет с дочерью и зятем в Конкарно. В субботу утром мы получили телеграмму от ее сестры Луизы, что мать тяжело больна, и Фернанда уехала с первым же поездом.
- Не позвонив?
- У них нет телефона.
- Мать была плоха?
- Она оказалась в полном здравии. Луиза телеграмму не посылала.
- Тогда кто же?
- Мы не знаем.
- А раньше вас не разыгрывали?
- Никогда!
- Когда вернулась ваша жена?
- Во вторник. Пару дней отдохнула среди своих...
- А чем вы занимались в это время?
- Я работал.
- сосед показывает, что все воскресенье из вашей трубы валил густой дым.
- Возможно. Было холодно.
- Это была правда. В воскресенье и понедельник резко похолодало, и в пригороде отмечались сильные заморозки.
- Во что вы были одеты в субботу вечером?
- В то же, что и каждый день.

— После закрытия никто к вам не приходил?

— Никто, только один заказчик забрал свою книгу. Дать вам его имя и адрес?

— Это был человек известный, член «Стабибиблиотек».

— Ваша консьержка мадам Салазар слышала, как в тот вечер около девяти часов хлопнула ваша дверь. Несколько человек оживленно беседовали.

— Возможно, эти люди разговаривали на тротуаре, но не у меня. Весьма вероятно, что, если они были возбуждены, как считает мадам Салазар, они могли стучать в витрину.

— Сколько у вас костюмов?

— Поскольку у меня только одно тело и одна голова, у меня один костюм и одна шляпа, а также старые брюки и свитер, в которых я работаю.

— Ему показали темно-синий костюм, обнаруженный в шкафу в спальне.

— Этот?

— Это не мой.

— Как же он оказался у вас?

— Я никогда его не видел. Кто-то подложил его в мое отсутствие. Вот уже шесть часов как я здесь.

— Пожалуйста, наденьте пиджак.

— Он оказался впору.

— Вы видите эти пятна, напоминающие ржавчину? Это кровь, как показала экспертиза, человеческая кровь. Ее безуспешно пытались смыть.

— Эта одежда мне незнакома.

— Мадам Раже, торгующая зонтами, показывает, что часто видела вас в синем, особенно по средам, когда вы ходили в кино.

— У меня был синий костюм, но вот уже два месяца, как я его выбросил.

— После этого первого допроса Мегрэ был хмур. У него состоялся долгий разговор с судьей Доссеном, после чего они вместе отправились к прокурору.

— Только тот мог дать санкцию на арест.

— Эксперты единодушны? В остальном, Мегрэ, дело за вами. Вперед! Этого мало-го оставлять на свободе нельзя.

— На следующий день месье Лютард вышел из тени и с тех пор преследовал Мегрэ как сварливый ворчун.

— Среди газетных подзаголовков был один, свидетельствующий о небольшом успехе.

ЧЕМОДАН-ФАНТОМ

— Молодой Лапуант утверждал, что, когда он посетил переделчика под видом работника санитарной службы, в мастерской под столом он видел красновато-коричневый чемодан.

— Это был обычный, потертый чемодан. Я задел его невзначай и опрокинул. Извинившись за свою оплошность, я бросился его поднимать и почувствовал, что он неестественно тяжел.

— Однако в пять часов пополудни, когда Люка явился с обыском, его уже не было. Точнее, чемодан был, такой же коричне-

вый, такой же потертый, но, как утверждал Лапуант, совсем не тот.

— Это чемодан, с которым я ездила в Конкарно, — сказала Фернанда. — У нас никогда не было другого. Да мы и не путешествуем, если так можно выразиться.

Лапуант упорствовал, клялся, что это другой чемодан, что тот был светлее и ручка у него была подвязана веревкой.

— Если бы мне нужно было отремонтировать чемодан, — возражал Стювель, — я бы не стал это делать с помощью веревки. Не забывайте, что я переплетчик и моя профессия — работать с кожей.

Тем временем Лиотард настойчиво собирал отзывы библиофилов, из которых следовало, что Стювель один из лучших, может быть, даже самый лучший переплетчик в Париже, и именно ему коллекционеры доверяли тонкие работы, особенно по восстановлению старинных переплетов.

Все сходилось во мнении, что он был человеком спокойным, прошедшим практически всю свою жизнь в мастерской, и что полиция напрасно ворошит его прошлое.

То же самое и с Фернандой. Он знал ее, когда она еще «утюжила» тротуары, и вытаскивал ее оттуда. Но с тех, теперь уже давних пор Фернанду не в чем упрекнуть.

Уже четыре дня Торранс находился в Конкарно. На почте он нашел оригинал телеграммы, написанной от руки печатными буквами. Служащая вроде бы вспомнила, что отправляла ее женщина, и Торранс теперь был весь в трудах. Устанавливая лиц, недавно вернувшихся из Парижа, он опрашивал по двести человек в день.

— Мы сыты по горло так называемой непогрешимостью комиссара Мегрэ! — заявил месье Лиотард одному их журналистов.

И он рассказал историю о связи этого дела с выборами в 3-м округе, которую, вполне возможно, затеяли определенные силы, чтобы спровоцировать в квартале скандал с политической подоплекой.

Судье Доссену тоже доставалось, и эти нападки, не всегда деликатные, заставляли его краснеть.

— Неужели нет ни малейшего нового следа?

— Ищем. Все всестером, что редко бывает; есть люди, которых мы опрашиваем в двадцатый раз. Люка надеется найти портного, который шил синий костюм.

Как обычно, когда дело будоражит общественное мнение, они ежедневно получали сотни писем. Все скрупулезно проверялось, выслушивались даже явные дураки, если те заявляли, что что-то знают.

Без десяти час Мегрэ сошел с автобуса на углу бульвара Вольтер и, по обыкновению бросив взгляд на свои окна, с удивлением заметил, что, несмотря на палящее во всю солнце, окно в столовой закрыто.

Тяжело ступая, он поднялся по лестнице и взялся за ручку двери, но она не открылась. Бывало, одеваясь или переодеваясь, мадам Мегрэ закрывала дверь на один оборот. Он открыл своим ключом, увидел облако сизого дыма и поспешил на кухню

выключить газ. В кастрюле курица, морковь, лук спеклись в черную массу.

Он открыл все окна, и когда, спустя полчаса, запахавшаяся мадам Мегрэ открыла дверь, она застала его с куском хлеба в сыром в руке.

— Который час?

— Полвторого, — спокойно ответил он.

Он никогда не видел ее в таком состоянии — шляпка на боку, губы дрожат.

— Послушай, не смейся.

— Я не смеюсь.

— И не сердись на меня. Я не могла поступить иначе и хотела бы видеть, что бы ты сделал на моем месте. Но как подумаю, что ты на обед ешь кусок сыра!

— Дантист?

— Я его даже не видела. С без пятнадцати одиннадцать до этого времени торчала, как вкопанная, посреди сквера Анверс.

— Тебе стало плохо?

— Разве я когда-нибудь на что-то серьезно жаловалась? Нет. Это из-за малыша.

— Какой малыш? Чей малыш?

— Я тебе рассказывала о даме в голубом и ее ребенке, но ты же никогда не слушаешь. Я познакомилась с ней, ожидая назначенного дантистом часа. Сегодня же она вдруг ушла и попросила последить немного за ее ребенком.

— И не вернулась? Что ты сделала с малышом?

— Она все-таки вернулась, всего четверть часа назад. Я прилетела на такси.

— Что же она сказала, вернувшись?

— Самое интересное, что она ничего мне не сказала. Я проторчала, как флюгер, посреди сквера с малышом, который так плакал, что прохожие стали останавливаться. А эта подкатила на такси к углу авеню Трудэн и даже не сонзволила выйти из машины, лишь открыла дверцу и помахала. Малыш бросился к ней, я, испугавшись, что он упадет и разобьется, — за ним. Он заскочил в такси, и, прежде чем я добежала, дверца захлопнулась! «Завтра, — крикнула она. — Я все объясню вам завтра. Извините меня...» Она даже спасибо не сказала. Укатила в сторону бульвара Рюшешуар и потом — налево, к площади Пигаль.

У мадам Мегрэ перехватило дыхание, она умолкла и сдернула шляпку таким резким жестом, что волосы рассыпались.

— Смеешься?

— Совсем нет.

— Сознайся, что тебя это смешит. Хотя чему тут смеяться: человек оставляет ребенка незнакомке на два с лишним часа, даже не зная, как меня зовут.

— А ты? Ты знаешь, как ее зовут?

— Нет.

— А где она живет, знаешь?

— Ничего я не знаю, кроме того, что визит к врачу сорвался, курица сгорела, а ты сидишь на краешке стола и ешь сыр, как... как...

И, не найдя подходящего слова, она заплакала и ушла в спальню, чтобы переодеться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Хлопоты в «Гран-Тюрени»

У Мерэ была своя собственная манера подниматься на второй этаж дома на набережной Орфевр. В начале лестничного пролета, куда уличный свет проникал почти беспрепятственно, у него был безучастный, довольно равнодушный вид. Потом, по мере приближения к своему кабинету, он как бы пропитывался его заботами. Ну а проходя мимо привратника, он был уже патроном.

В последнее время у него появилась привычка: прежде чем войти в свой кабинет, сделать крик, заглядывая в комнату инспекторов. И вот, не снимая шляпы и пальто, он вступил в «Гран-Тюрени».

Приобретавшее размах дело Стювеля набивало оскомину уголовной полиции; Люка, которому была доверена вся тяжесть сбора и обобщения, сравнения и систематизации сведений, не ждал, пока работа его захлестнет, и сам звонил по телефону, просматривал почту, касающуюся этого дела, принимал информаторов.

Поскольку в кабинете инспекторов, где царил нескончаемая сутолока, этим делом заниматься невозможно, он нашел прибежище в соседней комнате, на двери которой чья-то шутовская рука и не преминула написать: «Гран-Тюрени».

Как только кто-то из инспекторов заканчивал какое-либо дело или возвращался с задания, всегда находился охотник поинтересоваться:

— Ты свободен?

— Да.

— Обратись к «Гран-Тюрени!» Он начинает на работу.

Это была правда. В подчинении Люка никогда не было достаточного числа людей для проверок, и в отделе не осталось ни одного сотрудника, который хотя бы раз не обошел улицу Тюрени.

Всем был известен перекресток возле мастерской переплетчика с тремя кафе: сначала кафе-ресторан на углу улицы Франк-Буржуа, потом «Гран-Тюрени» и наконец в тридцати метрах от него на углу площади Вогез «Вогезский табак», превратившееся в штаб-квартиру журналистов. Они тоже занялись этим делом.

Полицейские, в свою очередь, чаще бывали в «Гран-Тюрени», сквозь витрины которого хорошо просматривалась мастерская фламандца. Кафе стало их штаб-квартирой, а кабинет Люка — своего рода филиалом.

Ну а самое удивительное заключалось в том, что бравый Люка, поглощенный обработкой сведений, был, пожалуй, единственным, кто не заходил сюда после своего первого визита.

Однако этот угол он знал лучше всех.

Он знал, что за кафе «Гран-Тюрени» был магазин тонких вин «Погреб Бургундин». Он был знаком с его владельцами, и ему стоило лишь достать соответствующую карточку, чтобы вспомнить, что они отвечали на тот или иной вопрос.

Нет. Они ничего не видели. В субботу вечером они отправились в долину Шеврез, где провели уик-энд в собственном домике.

За «Погребом Бургундии» была лавочка сапожника, которого звали месье Буске.

Этот, напротив, рассказал много, но у него был изъян: об одном и том же он говорил по-разному. Все зависело от времени дня, когда его расспрашивали, от количества рюмок, выпитых безразлично на каком из трех углов.

Потом, там еще был писчебумажный магазин Фрера — мелкооптовая торговля, и позади, во дворе, — картонажное производство.

Над мастерской Франца Стювеля, на втором этаже старинной частной гостиницы, штамповали серийные украшения. Это был дом «Сац и Лапински», где работали двадцать женщин и четыре-пять мужчин, чьи имена воспроизвести нет никакой возможности.

Допрошены были все, некоторые четыре или пять раз, разными инспекторами, не говоря уж о многочисленных опросах, проведенных журналистами. Два белых деревянных стола в кабинете Люка были завалены ворохами бумаг, планов, меморандумов, и только он мог во всем этом ориентироваться. И еще. Он беспрестанно делал какие-то пометки.

В этот день после обеда Мерэ молча расположился у него за спиной, тихонько посасывая трубку.

Страница, озаглавленная «Мотивы», была черна от записей, вычеркнутых одна за другой.

Искали политическую сторону этого дела. Не в том смысле, который вкладывал месье Лиотард, поскольку его умствования не выдерживали никакой критики. Но Стювель, живший уединенно, мог вполне принадлежать к какой-нибудь подрывной организации.

Это ничего не дало. Чем больше ворошили его жизнь, тем больше убеждались, что ничего примечательного в ней нет. Исследованные одна за другой книги из его библиотеки были написаны мировыми классиками и отобраны человеком умным, высокообразованным. Он не только их читал и перечитывал, но и делал пометки на полях.

Ревность? Феррианда никуда не ходила без него, крутилась только в своем квартале, и со своего рабочего места он мог

отлично проследить, в какие именно лавки она заходила за покупками.

Прорабатывали и версию, нет ли связи предполагаемого убийства с близостью к предприятию «Сац и Лапински». Однако у фабрикантов из украшений ничего не было украдено. Ни хозяева, ни рабочие близко не знали переплетчика, разве только видели его сквозь витрину.

Никакой связи не было и с Вельгией, Стювель покинул ее в восемнадцать лет и никогда туда не возвращался. Он не занимался политикой, и ничто не наводило на мысль о его принадлежности к фламандскому экстремистскому движению.

Отработали все версии. Для очистки совести Люка проверял самые дурацкие предположения в надежде хоть на малейшее везение. Когда он входил в кабинет инспекторов, всем было ясно, что это означает новый круг проверок на улице Тюренн и вокруг.

— Возможно, в этом что-то есть, — говорил он в этот раз Мегрэ, тыча пальцем в кучу разрозненных бумаг. — Я собрал сведения по всем шоферам такси. Среди них есть один подходящий, натурализованный русский. Это должно подтвердиться.

У него в ходу было слово «подтвердиться».

— Я хотел установить, не приезжали ли 17 февраля с наступлением ночи один или несколько человек к переплетчику. Так вот. Шофер по имени Жорж Рескин был нанят тремя клиентами в ту субботу приблизительно в 20.15 около вокзала Сент-Лазар и привез их на угол улиц Тюренн и Франк-Буржуа. Было около половины девятого, когда он их высадил, что не очень-то клеится с показаниями консьержки по поводу слышанного ею шума. Таксист не знает своих пассажиров. Однако один из сидевших сзади оказался ему самым значительным. Поговору это был явно выходец с Ближнего Востока.

— На каком языке они говорили между собой?

— На французском. Другой, тучный блондин, лет тридцати, с сильным венгерским акцентом, казался беспокойным, не в своей тарелке. Третий, француз, неопределенного возраста, одетый много хуже, чем его компаньоны, кажется, не принадлежал к их кругу.

Выйдя из машины, все трое направились вверх по улице Тюренн в направлении дома переплетчика.

Если бы не эта история с такси, Мегрэ и не вспомнил бы о приключении своей жены.

— Поскольку ты занимаешься шоферами, может, тебе что-нибудь известно о небольшом сегодняшнем происшествии. Это не имеет ничего общего с нашим делом, но...

Люка был готов видеть связь в событиях, куда более отдаленных и случайных. Придя утром на службу, он сразу же сопоставлял все рапорты муниципальной по-

лиции, чтобы убедиться: не появилось ли чего существенного, относящегося к его деятельности.

В своем кабинете в одиночку он проделывал такой огромный объем работы, о котором публика, следившая по газетам за делом Стювеля, как за романом с продолжением, даже и не подозревала.

Мегрэ в нескольких словах рассказал историю дамы в белой шляпке и ее ребенка.

— Ты можешь позвонить в полицию 9-го округа. Тот факт, что она каждое утро приходит на одну и ту же скамейку в сквере Анверс, дает основание полагать, что и живет она в этом квартале. Пусть проверят в окрестностях, у торговцев, в гостиницах и мебелированных комнатах.

Проверки! В недавние времена в кабинете можно было застать десяток инспекторов, курящих, строчащих рапорта, читающих газеты, а то и играющих в карты. Теперь же редко когда можно было увидеть хотя бы двоих одновременно. И если на свою беду они появлялись, то тут же «Гран-Тюренн» открывал дверь своего «логовища».

— Малыш, ты свободен? Зайди на минутку. — И еще один бедняга отправлялся по следу.

Исчезнувший чемодан искали по всем привокзальным камерам хранения и у старьевщиков.

Маленький Лапуант, может, был и неопытен, но серьезен и неспособен на глупые выдумки.

Этот чемодан был там, в мастерской Стювеля, а пять часов спустя Люка его не нашел.

Но вот, по показаниям соседей, Стювель в тот день никуда не выходил, и никто не видел, чтобы Фернанда выходила с чемоданом или тюком.

Может быть, он избавился от него под видом какой-нибудь исполненной переплетной работы? Это тоже было проверено. Послу Аргентины для одного из документов Стювель изготовил роскошный переплет, но он был не так объемный, и посыльный унес его под мышкой.

Мартин, самый образованный сотрудник в уголовной полиции, почти неделю просидел в мастерской переплетчика, придирчиво просматривал его книги, исследуя работы, сделанные им за последние месяцы, созванивался по телефону с его клиентами.

— Это необыкновенный человек, — сделал он заключение. — Его клиентура — самая избранная, какая только может быть. Все полностью ему доверяли. Именно поэтому он выполнял заказы многих посольств.

Послы обращались к нему потому, что он слыл специалистом в области геральдики и обладал большим набором прессов для тиснения гербов, что позволяло украшать переплеты книг и документов геральдическими знаками разных стран.

— Я понимаю, шеф, вы не очень довольны. Но вот увидите, из этого обязательно что-нибудь получится.

И никогда не падающий духом, отваж-

ный Люка показал на сотни бумаг, которые он копил не увывая.

— Наши зубы в калорифере, не так ли? И это еще не все. Кто-то послал телеграмму из Конкарно, чтобы вытянуть туда жену Стювеля. На висевшем в шкафу синем костюме обнаружены пятна человеческой крови, которые безуспешно пытались замывать. Что бы ни говорил и ни предпринимал месье Лиотард, я это дело не брошу.

В отличие от своего бригадира, который этой писаниной прямо упивался, комиссар был удручен и особого значения ей не придавал.

— О чем вы думаете, патрон?

— Ни о чем. Я в затруднении.

— Отпускать его или нет?

— Да нет, это дело судебного следователя.

— Иначе говоря, вы позволите, чтобы его выпустили?

— Не знаю. Я думаю, а не начать ли нам это дело сначала?

— Как пожелаете, — обиженно откликнулся Люка.

— Это не помещает тебе продолжать свою работу. Если мы будем мешкать и дальше, то вообще ничего больше не найдем. Всегда так: стоит прессе только заикнуться о каком-то деле, как находится масса людей, которым что-то известно, и нас захлестывает информация.

— Не успев найти этого шофера, как надо искать того, о котором говорила мадам Мегрэ.

Раскурив трубку, Мегрэ открыл дверь и не увидел ни одного инспектора. Все было в разгоне, заняты этим фламандцем.

— Вы решили окончательно?

— Думаю, что да.

Даже не зайдя в свой кабинет, он вышел из управления и сразу же остановил такси.

— Угол улиц Тюренн и Франк-Буржуа.

Слова, вертевшиеся целый день в голове, были произнесены.

* * *

Никогда прежде этот квартал не переживал такой известности. Одно за другим в газетах упоминались имена его обитателей. Стоило кому-то из торговцев или ремесленников выйти в «Гран-Тюренн» пропустить стаканчик, как их встречали полицейские, а на противоположной стороне улицы в «Вогезском табаке», славившемся своим белым вином, поджидали репортеры.

Десять, двадцать раз у них выспрашивали мнение о Стювеле-фламандце, допытывались о его образе жизни.

Поскольку определенной жертвы не выявлено, а найдены только два зуба, все выглядело не очень драматично и больше смахивало на игру.

Мегрэ вышел из машины прямо у «Гран-Тюренн». Бросив взгляд внутрь кафе и не увидев никого из управления, прошел несколько шагов и очутился перед мастерской переплетчика. Вот уже три недели

ставни и дверь были закрыты. Кнопки звонка не оказалось, и он постучал, зная, что Фернанда должна быть дома.

Ее не бывало по утрам. С тех пор, как Франца арестовали, каждый день в десять часов она выходила из дома, неся три кастрюли, вставленные одна в другую и охваченные металлической оправой с ручкой наверху. Это была еда для мужа, которую она на метро доставляла в тюрьму Санте.

Мегрэ пришлось постучать еще раз, и только тогда он увидел, как женщина появилась на лестнице, соединявшей мастерскую с полуподвалом. Она узнала его, повернулась что-то сказать кому-то невидимому и лишь после этого открыла дверь.

Она была в домашних туфлях и клетчатом фартуке. Лицо без макияжа. В этой слегка оплывшей женщине никто бы не узнал особу, некогда фланировавшую по прилегающим к Севастопольскому бульвару улочкам. Она производила впечатление хорошей, трудолюбивой домашней хозяйки, в былые времена, по всей видимости, веселого нрава.

— Вы пришли проведать меня? — не без скуки спросила она.

— Вы не одни?

Она не ответила, и Мегрэ, нахмутив брови, направился к лестнице и спустился на несколько ступенек.

Ему уже сообщили, что где-то здесь появлялся Альфонси, который охотно распивал аперитив с журналистами в «Вогезском табаке», но избегал заходить в «Гран-Тюренн».

Он по-свойски расположился на кухне, где что-то сворчало на медленном огне, и, немного смутившись при появлении комиссара, иронически усмехнулся.

— Что ты тут делаешь?

— Вы же видите: как и вы, пришел навестить. На это я имею право, не так ли?

Некогда Альфонси работал в уголовной полиции, правда, не в бригаде Мегрэ. Несколько лет он подвизался в полиции нравов, где ему в конце концов дали понять, что его политические пристрастия делают его нежелательной для этой работы персонажем.

Будучи невысокого роста, он, чтобы казаться выше, носил туфли на высоком каблучке, особенно, как говорили злые языки, при игре в карты. Одевался он всегда с преувеличенной роскошью, на руке — обязательный искусственный или настоящий бриллиант.

На улице Нотр-Дам-де-Лорет он открыл частное сыскное агентство, где совмещал должность хозяина и служащего. Единственным его помощником была неопределенного возраста секретарша и одновременно любовница, с которой он проводил вечера в кабаре.

Когда Мегрэ сообщили о его присутствии на улице Тюренн, комиссар поначалу решил, что экс-инспектор пытается выудить кой-какие сведения, с тем чтобы продать их затем журналистам.

Позже стало известно, что его нанял Филипп Лиотард.

И вот он впервые попался на их пути и еще смел ворчать!

— Я жду.

— Что же вы ждете?

— Когда ты отсюда уберешься.

— К сожалению, я еще не закончил здесь свое дело.

— Как знаешь.

Мегрэ сделал вид, что направляется к выходу.

— Что вы собираетесь делать?

— Позвать одного из моих людей и представить его для круглосуточной слежки за тобой. Это мое право.

— Не стоит ссориться, господин Мегрэ!

С видом пай-мальчика он направился к лестнице, по пути подмигнув Фернанде.

— Он часто приходит? — спросил Мегрэ.

— Это второй раз.

— Советую вам не слишком ему доверять.

— Я знаю. Мне знакомы подобные типы.

Не шевельнулись ли в ней смутные воспоминания тех времен, когда она зависела от людей из полиции нравов?

— Как Стювель?

— Нормально. Читает все дни напролет.

Он верит, что его оправдают.

— А вы?

Действительно ли он уловил сомнение в ее глазах?

— Я тоже.

Однако в голосе чувствовались нотки тоски.

— Какие книги вы ему носите сейчас?

— Он собирается прочесть всего Марселя Пруста.

— А вы его читали?

— Да.

— Вы будете неправы, если подумаете, что я вижу в вас врага. Вы знаете ситуацию так же хорошо, как и я. Я хочу многое понять. Пока что я ничего не понимаю. А вы?

— Я уверена, что Франц не совершал никакого преступления.

— Вы любите его?

— Это слово ничего не говорит. Нужно другое, более точное слово, чтобы это выразить, но его не существует.

Он поднялся в мастерскую, где на длинном столе прямо перед окном были разложены инструменты переплетчика. Позади в полутени стояли прессы. Проникавшие в помещение лучи освещали среди начатых работ книги, ожидавшие своей очереди.

— У него ведь были постоянные привычки, не так ли? Я был бы очень рад, если бы вы как можно точнее описали мне расписание его дня.

— Меня уже спрашивали об этом.

— Кто?

— Месье Лиотард.

— Не приходила ли вам в голову мысль, что интересы месье Лиотарда не совпадают с вашими? Еще три недели назад известный, он теперь ищет малейшую возможность поднять как можно больше шума

вокруг своего имени. Его мало волнует, виновен ваш муж или нет.

— Извините. Если он докажет его невиновность, это создаст ему хорошую рекламу и его репутация утвердится.

— А если муж добьется своей свободы, но неопровержимо его невиновность доказана не будет? Чем больше Стювель будет казаться виновным, тем больше будет и слава адвоката. Понимаете, о чем я?

— Франц во всяком случае понимает.

— Он вам сказал об этом?

— Да.

— Он не любит Лиотарда? Зачем же он его выбрал?

— Он его не выбирал. Тот сам...

— Минуточку. Вы только что сказали очень важную вещь.

— Я знаю.

— Вы сделали это сознательно?

— Возможно. Я так устала от этого шума вокруг нас. И потом, не думаю, что Францу повредит то, что я сказала.

— Когда 21 февраля сюда пришел с обыском бригадир Люка, ушел он не один. Он захватил с собой вашего мужа.

— И вы допрашивали его всю ночь, — сказала она с укоризной.

— Это моя работа. В тот момент у Стювеля еще не было адвоката, так как он не знал, что в отношении него будет возбуждено уголовное дело. И с тех пор он под стражей. Сюда он не возвращался иначе как в компании инспекторов, да и то не надолго. Однако, когда я предложил выбрать адвоката, он без колебаний назвал имя месье Лиотарда.

— Я понимаю, что вы хотите сказать.

— Стало быть, адвокат видел Стювеля здесь до бригадира Люка?

— Да.

— Следовательно, он был 21-го, после полудня между визитами Лапуанта и бригадира?

— Да.

— Вы участвовали в разговоре?

— Нет, я внизу занималась уборкой, ведь меня не было три дня.

— Вы не знаете, о чем они говорили? Они раньше не были знакомы?

— Нет.

— Может быть, ваш муж позвонил ему и попросил его прийти?

— Я в этом не очень-то уверена.

(Продолжение следует)

САПОГИ ВСМЯТКУ

САТИРА • ЮМОР

● Из цикла «Рассказы малого калибра»
Владимир МАЦКЕВИЧ

Однажды в злобещий вечер

Лекция в солдатском клубе была на славу. Толковая лекция. И сделал после нее Лопатин главный вывод: в жизни всегда есть место подвигу. Потому что, когда он вышел из зала, душа его жаждала славы, а грудь — орденов.

В героической задумчивости он зашагал в дальний угол военного городка, туда, где злобещая мгла вечера уже упала на землю. И тут он замер. Из-за забора донесся грубый негромкий голос:

— Не смотри на кости, а то в лоб получишь.

Раздался резкий хлопок. Выстрел, ко-

нечно, подумал Лопатин и прикинул, как легче ему преодолеть забор.

— Бери конец! — это уже говорил другой, и тотчас голос подал третий:

— Тащи его, слышишь? Тащи!

— Проехал, — послышался сдавленный слезный стон, и Лопатин представил, какие муки терпит тот, по кому сейчас проезжают на чем-то. Он собрался и, услышав кому-то приговор: «Этот готов», с криком: «Ложись, гады, взорву!» — перепрыгнул через забор...

Трое доминошников, напуганных криком Лопатина, легко отделались, правда, до сих пор чуть заикаются и темноты боятся. А вот четвертый как рванул тогда от столика в сторону леса, так его до сих пор и не нашли, хоть и все-союзный розыск объявили.

У Лопатина тоже неприятности. Мало того, что на гауптвахте отсидел за самовольную отлучку из военного городка, — ему потом пришлось еще писать кипы объяснительных о том, почему он мирных старичков обозвал гадами и чем собирался их взрывать.

Нет, мечты о подвиге, конечно, хорошо.

Но не в служебное же время!

Чужая

Лопатин был в увольнении, гулял по парку, в парке был пруд, а в пруду тонула красивая женщина. Вот вроде бы как специально дождалась, когда Лопатин недалеко проходил, и тонуть начала.

Лопатин прыгнул в воду, не снимая сапог и всего остального, вытащил женщину на берег и тут увидел, что спас ту, о которой мечтал всю жизнь. Длинные ресницы, голубые глаза, светлые волосы...

— Судьба моя, — сказал Лопатин. — Знаешь, что нас теперь ждет?..

А она ничего не ответила. Не успела ответить, потому что к ней подбежал лейтенант, наклонился, начал тормошить и целовать:

— Таня, Танечка, ну как же ты... Я же на минутку отошел, а ты...

— Он спас меня, — сказала Танечка и показала глазами на Лопатина.

— Спасибо, товарищ солдат. Я вам в часть позвоню, попрошу, чтоб поощрили... Вы почему такой печальный?

— Не думал я, что она замужем.

— А если б думали, то что, не спасали бы?

— Не о том речь, товарищ лейтенант. Вы мне все мое будущее перечеркнули. Нельзя же так, в самом деле. Если офицер, то что вам, все можно, да?..

С этими словами Лопатин направился вдоль пруда к полянке, где можно было обсохнуть, а лейтенант и девушка недоуменно смотрели ему вслед.

Две зимы и два лета

Пролетела она, служба, как один день. И вот уже дома Лопатин гогаем по двору ходит, с отцом сигаретами дымит — дал бы ему батя за это два года назад, — с соседом о высоких материях говорит. О космосе и Буше. Сосед почтителен и уважителен, не то, что раньше, когда гонял Лопатина хворостиной по своему огороду...

Тихий вечер настал. Пошел Лопатин по друзьям. К Кольке — первому. А тот глаза опускает, вроде как стыдится чего-то. И тут Валентина в комнату заходит. Как оказалось, жена Колькина. Бывшая девушка Лопатина. Не дождалась, уговорил ее дружок...

— Подлец ты, Колька, — сказал Лопатин. — Видеть тебя не могу.

И пошел к Витьке.

А у того — Зина в гостях, чай с его родителями пьет, и те ее доченькой зовут...

— Ты же письма писала, ты же говорила, что любишь меня, — сказал ей Лопатин так, чтоб больше никто не услышал, и хлопнул дверью.

К Татьяне зашагал. На танцы вместе с ней бегали, целовались один раз... Она такой же веселой и осталась. Уходи, говорит, быстрее, муж у меня, говорит, ревнивый, ноги выдернет...

Все, некуда больше путь держать ефрейтору запаса. Домой потопал.

А у дома его Света ждет. За одной партой с ним сидела. В первом классе дралась с ним, в седьмом — контрольные не давала списывать, в десятом по любому поводу на смех подымала...

— Где ж, — говорит, — тебя носит? Я же тебя два года и целый сегодняшний вечер ждала, непутевый и недогадливый. Кого ищешь?

— Тебя, только тебя, — сказал Лопатин.

И не соврал.

Прапорщик Александр ПАНКРАТЬЕВ

ЗАНУДА

Ну откуда, ну откуда
Мой характер мною взят?
Про таких, как я — «Зануда!» —
За спиною говорят.
Я — флегматик, меланхолик,
Неврастеник, психопат;
Лучше — был бы алкоголик,
Но спиртному я не рад.
Что ни вижу — все немило,
Умираю от тоски,
На жену смотрю уныло
Взглядом жареной трески.
На курорт поехал нужный,
Море вижу в первый раз, —
Да не радует ни Южный
И ни Северный Кавказ.
Наслаждаться мне бы летом,
Но характер тут как тут:

Как с обратным быть билетом?
Вдруг состав не подадут?
Постоянно был я в стрессе,
Я грустил, входя в вагон,
Волновался, мчась в экспрессе:
Вдруг не к дому едет он?!
Злой, тащу я в час приезда
Чемодан. Навстречу друг
Шмыг из нашего подъезда.
Я не мавр... Но вдруг? А вдруг!
Обхватив жену за плечи,
Там, где бросил чемодан,
Улыбнуться б ради встречи, —
Но стою, как истукан.
А супруга — эго чудо! —
Притянула, как магнит:
— Здравствуй, милый мой Зануда! —
Так в глаза и говорит.
Не достоин, знать, много...
Баста! Точка! Ухожу!..
А, хотите, про другого
Вам зануду расскажу?

КАТЕГОРИИ ИНТЕРЕСОВ

ЧЕРНЫЕ ДЕМОНЫ

САМ СЕБЕ ТРЕНЕР

БОЕВОЕ НИНДЗЮЦУ:
БОИ СТИХИЙ,
БОЕВАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ,
ПРИКЛАДНАЯ
ДИАГНОСТИКА

Уроки дает инструктор
рукопашного боя Р. РОНИН

СРЕДИ многих интересных и проверенных в деле разработок ниндзюцу видное место занимает так называемый бой стихий, основанный на идеях ямабуси и нашедший практическое воплощение в действиях некоторых высококвалифицированных агентов отдельных кланов. Бой стихий опирается на тантрическое представление о пяти видах энергии (первозлементах или стихиях), различающихся по специфике и приспособленных для решения тех или иных задач.

Энергетику тела, методы развития и воздействия соответствующих стихийных центров мы рассматривали ранее, теперь же представим общие принципы использования этой системы в условиях реального поединка. Пять стихий — Пустота, Ветер, Огонь, Вода, Земля — дают пять вариантов боя, каждый из которых имеет свои характерные особенности и наиболее приспособлен для определенных боевых ситуаций.

Основополагающей формой здесь считается бой Пустоты (Пространства) — ку но ката, который в сущности совпадает с боем в манере дзэн, широко практикуемым во всех видах японских боевых систем (бугэй). Характерной его особенностью является как бы отстраненность от происходящего, так что у противника возникает ощущение, что он ведет схватку не с живым эмоциональным человеком, а с непонятной и равнодушной силой Пространства, для которой безразличны и победа и пз-

ражение. Хитроумные задумки искусного неприятеля, рассчитанные на человеческую реакцию, оказываются бессмысленными и будто проваливаются в бездонную пустоту космической отрешенности.

Состояние это осознают и закрепляют путем различных медитаций с помещением сознания в определенные точки (тандэн, центр Пространства, точка ощущения опасности) или, как это было описано ранее, без такового. При идеальном бое Пустоты привязка ума к чему-либо полностью отсутствует, хотя в зависимости от ситуации и уровня подготовки возможно и даже желательно помещение его в вышеназванные центры.

Бой Земли (дзи но ката) подходит для обстоятельств, где ходовая поверхность требует повышенной устойчивости, а противника можно психологически подавить ощущением абсолютной уверенности и непоколебимой мощи. Один из возможных образов здесь — могучий горный обвал (ниндзя), вызванный случайным маленьким камешком (враг).

Бой Огня (ка но ката) обеспечивает успех в ситуации с недостаточно опытными и неуверенными в себе противниками, подверженными заражающей панике и суевериям. Он характеризуется атакой: ей прямой манерой и образом унисонно горящего все на своем пути лесного пожара.

Бой Воды (суи но ката) помогает нейтрализовать прямолнейных бойцов действующих в агрессивной манере, и характери-

зуется уходами с последующими контратаками, напоминающими волны, раз за разом накатывающие на угрюмые утесы неприветливого каменистого берега.

Бой Ветра (фу но ката) подходит для большинства ситуаций с наличием сильных и умелых противников. Здесь преобладают финтовые заманивания, ухода из поля зрения и круговые движения с завершающими ударными, бросковыми или суставными техниками. Возможным эталоном является образ тайфуна, затягивающего и ломающего все и вся на своем пути.

БОЕВОЕ поведение агента, владеющего боем стихий, выглядит так. В обычной обстановке сохраняя состояние Пустоты, ниндзя помещает свое сознание в тандэн, что позволяет мгновенно среагировать на неожиданное нападение, требующее опережающего действия. Оказавшись в потенциально опасной ситуации с неясным противником, лазутчик смещает свой ум к межлопаточной «точке ощущения опасности», что дает возможность почувствовать угрозу с любого направления. При наличии конкретного неприятеля агент оценивает обстановку, мысленно воссоздает желаемый результат контакта (нэнрики) и определяет вид энергии, необходимый для достижения цели. Затем он применяет соответствующий пальцевый узел (кэцу-ин) и произносит заклинание (дзюмон), замыкая этим на тандэн энергию задействованного стихийного центра. Все остальное происходит автоматически; задача решена уже в фазе нэнрики, фаза боя — всего лишь формальность, воплощающая предначертания богов в жизнь.

Видимая простота общего рисунка действий требует упорного тренинга в каждом из его составляющих. Прежде всего необходимо осознать (или создать) базовые энергетические центры и научиться подключать их в нужное время к стержневой

энергетике тела. Далее следует досконально овладеть фазой нэнрики — образно-словесным представлением желаемого результата с абсолютной верой в его существование (при схватке с несколькими противниками, например, можно «заказать» степень нейтрализации каждого из них), учитывая, что здесь важно видеть именно конечный результат, а не приемлемость или пути его осуществления. И, наконец, надо обладать хорошо тренированным телом.

В некоторых школах современного игрового ниндзюцу под боем стихий обычно подразумевают наборы конкретных приемов, выполняемых в определенной манере. Такая профанация не имеет ничего общего с истинным боем стихий, в основе коего лежат особые психические состояния, диктующие технические действия. Надо не играть в стихию, а быть стихией, причем это перевоплощение должно стать настолько заражающим, что противник невольно и сам поверит в навязанный ему образ.

ЕСТЬ ДВА основных подхода к бойцовскому совершенствованию. Можно подобрать наиболее сподручные для себя «коронные» приемы и доводить их до мастерства, подгоняя возникающую ситуацию под возможности их применения. В бою стихий, построенном на импровизации, используют второй способ: мастерское исполнение приемов здесь обеспечивается не длительной шлифовкой каждого из них; а работой всего организма в оптимальном психофизическом режиме с подключением интуитивных «подсказок» высших космических сил.

Хотя бой стихий не имеет жестко регламентированных приемов, в любом боевом стиле можно найти элементы, более

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

менее соответствующие той или иной прикладной стихии. Схватка Огня, к примеру, явно гармонирует с известной стойкой из каратэ дзэнкуцу-дати, а бой Воды — с различными вариантами кокуцу-дати. Что касается боевых позиций [камаэ], то они в основном определяются предрасположенностью конкретных бойцов, но можно предположить, что Земле неплохо соответствует естественная позиция сидзэн но камаэ (рис. 1) или положение отдыха из крестьянских бугэй дзиго но камаэ (рис. 2). Воду олицетворяют многие кэмпоподобные модификации вроде гарю но камаэ (рис. 3), Огонь — вариант из окинавского каратэ сагуритэ но камаэ (рис. 4), а Ветер — популярная позиция айкидо (рис. 5) либо классическая поза ниндзя хира но камаэ (рис. 6).

Рис.5

Рис.6

Импровизированные приемы стихий строились на основе определенных принципов, запечатленных в подсознании, так что лазутчик в ходе боя мог сам создавать техники в зависимости от ситуационного положения участников схватки. Например, чтобы сломать локтевой сустав противника, следовало учитывать три точки (зоны) выпрямленной (или согнутой) руки (рис. 7).

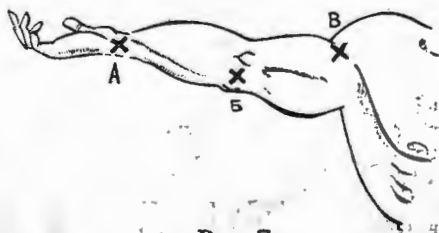

Рис.7

Для требуемого эффекта надо (захватом, прижатием к предмету, неожиданной подставкой опоры, инерцией тела) заблокировать любую из двух точек, воздействуя (ударом, рывком, нажимом) в противоположном направлении на третью. Можно, допустим, захватив запястье (А) выпрямленной руки, перебить локтевой сустав (В), ударив по нему ладонью, предплечьем,

голенью, палкой... Можно также заблокировать (затылком, коленом, плечом, бедром, дверью) локоть (В) и рвануть за запястье (А), причем в этом случае рывок может опережать блокировку, которая осуществляется неожиданной подставкой под локоть жесткого предмета, включая части своего или вражеского тела.

Для совершенного овладения всеми аспектами боя стихий нужна определенная предрасположенность, хотя применение современных технических средств значительно облегчает и ускоряет этот процесс. Глупо заниматься энергетикой стихий, если организм «зажат» и нездоров; впрочем, резкий стресс может заставить его недолго поработать в оптимальном психофизическом режиме. Затруднения в образном представлении ситуаций и цвета ограничивают возможности развития энергетических центров и требуют особой тренировки в образном мышлении.

УЧИТЕЛЯ восточных единоборств издавна использовали простые диагностические тесты, позволяющие оценить мотивационные (побуждающе-волевые) и психофизические шансы каждого ученика и определить, каким стилем боя ему следует заниматься. О возможностях костно-мышечной системы судят, например, по подвижности кистевых суставов (степень прижатия большого пальца к предплечью или перегиба указательного назад). При отличной врожденной гибкости можно предполагать хорошую выносливость с недостатком быстроты и силы и повышенную травмированность. Такие ученики прогрессируют в акробатических боях с тактиками ломки дистанции и выматывания противника. Ребята с тугими суставами отличаются приличной быстротой и мощностью, но не блещут выносливостью. Из них выходят отменные уличные бойцы.

Важным условием использования энергий стихий является способность к образному мышлению. Представьте, к примеру, прелестный цветок, каждый лепесток которого имеет свой ярко выраженный цвет, и оцените четкости и сочность этого видения по девятибалльной шкале, учитывая, что при полном отсутствии образа вряд ли стоит терять время на энергетiku стихий.

Надо сказать, что работа в стиле боя стихий требует долгого предварительного тренинга, и лучших результатов достигают при воспитании пластичности психики с раннего детства. Что же касается воспитанников тайных кланов, то необходимая предрасположенность закладывалась в них генетически и основывалась, в частности, на специфичной диете ниндзя-родителей, которая, в свою очередь, влияла на состояние их половых клеток.

Рисунки А. ЛЯХА.

Гонорар за публикацию перечисляется в Фонд помощи военнослужащим внутренних войск, пострадавшим в международных конфликтах.

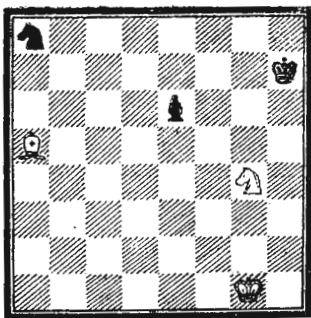

Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

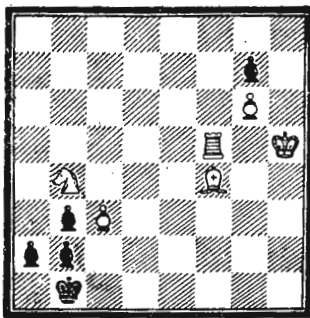
№ 7. А. Сарычев, 1930

№ 8. В. Паули, 1911

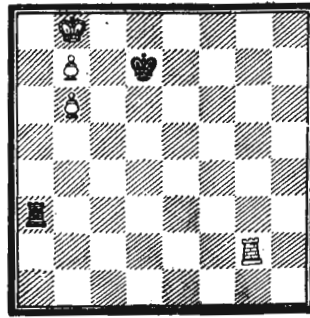
№ 9. О. Дурас, 1903

Выигрыш

Мат в 3 хода

Выигрыш

Решение этюда № 7 настолько красиво, что нельзя удержаться, чтобы сразу же не сообщить его нашим читателям. В начальной позиции конь черных «под арестом». Если освободить его или разменять на слона, то ничья. 1. Ke5 Kpg8 2. Cd8! Kp18 3. Kp12 Kpe8 4. Ca5 Kpe7 5. Kpe3 Kpd6 6. Kpd4. Наконец-то черный конь может вырваться из плена: 6. ...Kc7. Увы, тут же следует красивейший мат — 7. Сb4X!!

Композиции № 8, 9 предлагаем для самостоятельного решения. Фамилии правильно решивших будут опубликованы.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Поражение экс-чемпиона мира. В 1948 году экс-чемпион мира Макс Эйве дал сеанс одновременной игры на 30 досках для армейских любителей шахмат. Сеанс состоялся в ЦДСА имени М. В. Фрунзе. Упорная борьба, начавшаяся в 17.00, закончилась глубокой ночью. Эйве потерпел поражение: 15 партий проиграл, семь свел вничью, восемь выиграл. Счет матча, таким образом, был 18,5 : 11,5 в пользу армейских шахматистов.

Сколько шахматных рубрик в периодических изданиях мира? Ответить на этот вопрос невозможно, подобной статистикой никто не занимался. Но вот в начале нашего века ответ был. Так, в 1907 году английская газета «Норич Меркьюри» опубликовала список периодических изданий мира, имевших постоянные шахматные рубрики.

Список включал более 1300 названий! Из них 387 приходились на Великобританию, 414

на другие страны Европы, 12 — на страны Азии, 10 — на страны Африки, 428 — на страны Америки (в том числе 355 — на США) и 74 — на Австралию. Сообщался любопытный факт: международный орган эсперантистов, выходивший в Барселоне (Испания), тоже имел шахматный отдел.

ПЕРВЫЕ ЧЛЕНЫ НАШЕГО КЛУБА

В журнале № 10—1991 г. было опубликовано первое клубное задание: белые — Kрс6, Лb1, черные — Кра7, п.б6, мат в 3 хода. Решение: 1. Лс1!, цугцванг; 1...b5 2. Kрс7 Кра6 3. Ла1X; 1...Kрb8 2. Kр : b6 Кра8 3. Лс8X!

Правильно решили задание и зачислены в члены клуба майор О. Михайлов, капитан О. З. Комаровский, старший прапорщик Н. И. Синельников, сержант сверхсрочной службы М. Я. Тортумашев, воспитанник Дима Прохоров, рядовой П. П. Ефимов, а также А. П. Бардышев, Д. З. Везомский, И. К. Субханкулов, Х. Довлетов, А. Лобанов.

За публикацию одного объявления надо по почте переслать в наш банк 50 руб. (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк «Лефортовский», р/с 340616 МФО 201207), затем текст объявления вместе с квитанцией об оплате направить в редакцию.

За высылку адреса одного выбранного вами абонента таким же образом надо отправить в банк 20 руб., а письмо с заявкой и квитанцией — в редакцию.

Военнослужащие срочной службы платят за объявление — 20 руб., за один адрес — 10 руб.

года, рост 168, черноволосый, говорят, симпатичный, не пью, не курю. Занимаюсь спортом, рукопашным боем, люблю музыку и работы по хозяйству.

Юрий.

желательно военнослужащую, неплохо, если у мוזй будущей знакомой есть дети. Мечтаю о семейном счастье, любви, детях.

Михаил.

000181—С. К.

000159—Ю. М.

Девушка 17 лет, рост 169, симпатичная, будущий преподаватель младших классов, увлекающаяся музыкой, желает познакомиться с военнослужащим 18—20 лет, высоким, симпатичным, добрым и обязательно веселым. Отвечу на письмо с фотографией.

Юлия.

000177—Г. К.

Мне 20 лет, увлекаюсь охотой, горными лыжами, техникой. Помогите познакомиться с девушкой с такими же примерно интересами, 16—20 лет. Девчата, очень жду ваших писем.

Геннадий.

Мне 20 лет, рост 158, увлекаюсь фотографией, умею шить, вязать, хорошо готовлю. Надеюсь на встречу с офицером или курсантом старшего курса военного училища, желательно без вредных привычек, тактичным, так как я очень люблю грубых людей.

Светлана.

000178—В. Р.

Мне 20 лет, служу в спецчасти милиции, увлекаюсь спортом, люблю современную музыку, в друзьях ценно чувство юмора. Хотел бы переписываться с девушкой до 20 лет. К письму желательно приложить фото.

Владимир.

000182—В. К.

Главное для солдата — знать, что его кто-то ждет там, на гражданке, тогда и служба идет легче. Вот и мне хотелось бы познакомиться с доброй, симпатичной девушкой 16—19 лет, ростом 170, желательно жительницей Москвы или Подмосковья (чтобы для меня действительно была возможна встреча). О себе: 20 лет, рост 175, темноволосый, по характеру спокойный, сдержанный. Умею держать слово и многое прощаю людям. Серьезно увлекаюсь спортом, люблю хорошую музыку, книги, немного играю на гитаре.

Владимир.

000175—Д. К.

Учусь в военном командном училище внутренних войск на 2-м курсе. Так уж получилось, что нет у меня той, с которой можно поделиться сокровенным. Очень хотелось бы познакомиться с честной, порядочной девушкой. Мне 20 лет, рост 183. Русский.

Дмитрий.

000179—С. Х.

Я не ищущ неповторимой, мечтаю лишь о доброй и любящей подруге, умной, веселой, отзывчивой и красивой — для меня. Мне 20 лет, рост выше 180, глаза карие, русоволосый. Служу в Военно-Морском Флоте. Родился под знаком Девы. Говорят, что я тихий, но сам о себе так не думаю. Люблю домашний уют, музыку, животных. И очень не люблю ссор.

Сергей.

000183—Н. К.

Надеюсь на встречу с красивой, верной спутницей жизни моих лет. А мне 19 лет, рост 170, шатен, внешность... Девушки считают, что я симпатичный. Занимаюсь культуризмом. Вредных привычек не имею, курю, правда. Люблю современную музыку, спорт, природу.

Н. К.

000176—Ю. Ч.

Друзей вокруг много, сам я общительный, ценю юмор, люблю принимать гостей, а вот подружку верную найти себе не могу — много срзди деваушек таких, кто пьет, кто курит... Прошу клуб помочь астретиться с девушкой не старше 22 лет, невысокого роста, по национальности желательно русской, украинкой или молдаванкой, любящей семейный уют, которая сможет стать верной женой и разделить со мной все трудности военной жизни. Я — прапорщик, 22

000180—М. Г.

Я украинец, средних лет, рост 177, симпатичный, добрый, нежный. Ищущ спутницу жизни невысокого роста,

000184—Е. М.

Мне 19 лет, рост 166, фигура у меня неплохая, потому что с детства занимаюсь художественной гимнастикой. Сейчас работаю на заводе контролером ОТК и учусь заочно, скоро буду преподавателем по ритмической гимнастике. В свободное время вяжу, люблю заниматься домашним хозяйством. Хотелось бы, чтобы мой будущий друг был добрым, внимательным, высокого роста, по национальности русский и не злоупотреблял алкоголем.

Лена.

000185—А. Л.

Служу во внутренних войсках второй год, мне 19 лет, среднего роста, стройный, говорят, симпатичный; увлекаюсь спортом, техникой, советской и зарубежной эстрадой. Буду рад познакомиться с симпатичной девушкой, не старше 19 лет, умеющей ценить верность и дружбу.

Андрей.

000186—Н. А.

Девушка 25 лет, русская, надеется познакомиться с мужчиной, желательно военным служащим, который стал бы надежной опорой в семейной жизни.

Наташа.

000187—А. Т.

До армии учился в техникуме, по специальности парикмахер, а теперь осталось немного дослужить во внутренних войсках и хотел бы познакомиться с хорошей девушкой без вредных привычек, 17—18 лет, высокого роста. О себе: 19 лет, рост 187, глаза синие, черноволосый, по национальности узбек, по-русски говорю хорошо, и мои русские друзья зовут меня...

Олежка.

000188—Е. К.

Надеюсь в вашем клубе познакомиться с хорошим симпатичным парнем без вредных привычек, желательно военным служащим до

20 лет. Мне 16 лет, рост 165, люблю современную музыку, рисование, занимаюсь спортом. А остальные подробности — при переписке и встрече.

Елена.

000189—О. С.

Я живу в Белоруссии, мне 16 лет, рост 173, по характеру спокойная, веселая. Уважаю людей умных и сильных. Желая познакомиться с веселым, симпатичным парнем, военным служащим.

Ольга.

000190—Е. П.

Мой знак Зодиака—Стрелец. Мне 16 лет, рост 165, брюнетка. Характер веселый, общительный, и в людях нравится оптимизм, доброта, юмор. Буду рада переписываться с добрым, верным и симпатичным парнем 16—19 лет.

Елена.

000191—Д. Е.

Я военный служащий, 23 лет, рост 175, шатен, русский. Увлекаюсь спортом, музыкой, туризмом. По характеру спокойный. Готов создать крепкую семью с девушкой от 18 до 23 лет, умеющей устроить домашний уют, скрасить даже самый черный день.

Дмитрий.

000192—В. К.

Служу срочную во внутренних войсках, сержант, 19 лет, рост 174, образование среднее специальное, играю на многих музыкальных инструментах. Хотелось бы встретить спутницу жизни, умеющую ценить любовь и верность, чтобы была добрым и верным другом на всю жизнь.

Володя.

000193—С. К.

Служу первый год. Мне 20 лет, рост 170, брюнет, из вредных привычек одна—курю. Я веселый человек, ценю юмор, интересы самые разнообразные. Очень на-

деюсь познакомиться с веселой, стройной девушкой 17—21 года, ростом не выше меня.

Сергей.

000194—О. О.

Скоро увольняться на гражданку, а до сих пор нет девушки, от которой хотелось бы получать письма. Может, с помощью клуба она найдется? О себе: 19 лет, спортивного телосложения, вредные привычки?.. По праздникам, считаю, можно выпить. Увлечения—мотоспорт, охота, песни в исполнении М. Распутиной и Ю. Лозы. Пусть мне ответит девушка, ценящая юмор и умеющая ждать.

О. О.

000195—Ю. Е.

По характеру я очень спокойный и веселый человек. Все домашние дела делаю сам. Мне 29 лет, рост 174, военный служащий, разведен. Хотел бы познакомиться с девушкой, способной создать в семье атмосферу взаимопонимания, душевного тепла, а в доме уют. Остальные подробности—при переписке и встрече.

Юрий.

000197—О. Р.

Мне нравятся простые, добрые люди. Вот с одним из таких, военным служащим, я и хотела бы познакомиться. Мне 25 лет, рост 166, русская, образование среднее.

Оксана.

000198—В. Ч.

Мне 21 год, рост 159, работаю в детском саду. Очень люблю природу, музыку и детишек. С помощью клуба надеюсь найти спутника жизни среди военных служащих в возрасте 21—27 лет. Не против, если у моего будущего знакомого есть ребенок. Живу я в большом городе, но за тем, кого полюблю, поеду в любую отдаленную точку страны.

Валентина.

приглашает

МОСКОВСКИЙ МЕТРОСТРОЙ

Нам требуются проходчики-горнорабочие, изоляторы горного оборудования, слесари-сантехники, электротурщики, плотники, штукатурщики, маляры, штукатуры, фрезеровщики, арматурщики. Оплата труда новшники. Оплата труда сдельная и повременная. Зарплата 3000 руб. Специальности, квалификации и вида работ. Лица, не имеющие указанных профессий, могут их приобрести в технической школе Мосметростроя.

ОБРАЩАТЬСЯ В ОТДЕЛ КАДРОВ
УПРАВЛЕНИЯ МОСМЕТРОСТРОЯ

Трудоустроим также инженеров-технических работников: горных инженеров-строителей, инженеров по строительству мостов и тоннелей, механиков, горных инженеров-механиков, инженеров промышленного гражданского строительства, инженеров-строителей, сантехников, инженеров-автомехаников. Оклады 3000 и более рубле

Мы располагаем Работниками, проработавшими 10 и более лет в подземных работах, имеют право оформить пенсию с 50, а на открытых горных работах — с 55-летнего возраста. Суммарный отпуск рабочих на подземных работах до 39 календарных дней. Инженерно-технические работники — горные мастера на подземных работах имеют отпуск до 56 календарных дней. Начальники и механики участ-

ка, маркшейдеры — до 52 календарных дней. Рабочие и ИТР Мосметростроя получают премии за ввод объектов в эксплуатацию, экономию материалов, электроэнергии, выполнение целевых заданий, выполнение целевых заданий, выполнение целевых заданий, выполнение целевых заданий. Мосметрострой имеет детские лагеря, пионерский лагерь, дворец культуры, спортивное общество, Локомотивный санаторий-профилакторий, пансионат на берегу Черного моря, Адлере. Ведется жилищное строительство в Москве.

ПО АДРЕСУ: МОСКВА, УЛ. КУЙБИШЕВА, 3.
ТЕЛЕФОНЫ: 921-06-21, 928-07-18.

Индивидуальные
средства защиты
«Кираса-3»

Контактные телефоны:
222-44-97, 222-68-82.

БРОНЕЖИЛЕТ «КИРАСА-3»

Бронежилет предназначен для милиции, спецподразделений, сторожевых служб, эскортов.

Бронежилет обеспечивает защиту по 3 классу средств индивидуальной бронезащиты от всех систем пистолетов, включая

пистолет ТТ при снаряжении патроном с пулей со стальным сердечником, а также от поражения колюще-режущим оружием (ножами, заточками, пиками) и тупыми предметами (камнями, дубинками, арматурой и пр.).

Характеристики

Типо-размер	Масса, кг	Площадь защиты		Баллистич. свойства	
		от ПМ	от ТТ	ПМ	ТТ
1 (малый) 48-50	6,3	50дм ²	31дм ²	320 м/с калибр 9 мм	450 м/с калибр 5,45- 7,62 мм
2 (большой) 52-54	8,2	61дм ²	41дм ²		

Индивидуальные
средства защиты
«Кираса-3»